

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

СОБРАНИЕ ПРОЗ

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

СОБРАНИЕ ПРОЗ

серия • seria •

серия • seria •

Владимир Эрль

*Собрание
проз*

Санкт-Петербург
2021

Э79 Владимир Эрль. Собрание проз – СПб.: Юолукка, 2021. – 264 с.

ISBN 978-5-4391-0707-0

Серия SEPIA

В книгу «Собрание проз» Владимира Эрля (1947–2020) включены роман «Виктор Р. Вчера, послезавтра и послезавтра», документальная повесть «В поисках за утраченным Хейфом», фрагмент неоконченного романа «Охота», рассказы, мемуарная «Пятая проза», переводы и эпиграммы. Фактически книга «Собрание проз» совместно с изданной ранее в той же серии «Сепия» книгой «Собрание стихотворений, тяготеющее к полноте» (Юолукка, 2015) образует двухтомное собрание сочинений одного из самых ярких представителей русской неподцензурной литературы XX-го века.

Творческий коллектив издателей благодарит за множественное участие в издании этой книги Владимира Маринина, Николая Ивановича Николаева, Илью Кукуя,

Петра Казарновского, Светлану Кузнецову.

При оформлении книги использовались фотографии

Валентина Петрунина, Олега Дмитриева и рисунк Анны Ушаковой.

ISBN 978-5-4391-0707-0

© Владимир Эрль (наследники), 2021

© «Юолукка», 2021

Предисловие

«Собрание проз» Владимира Эрля (14 мая 1947 – 25 сентября 2020) являет собой фактически второй том его собрания сочинений – по выражению автора, «тяготеющего к полноте». В своей основе эта книга была составлена Эрлем ещё при жизни; автором вносились в неё изменения, последние из них были сделаны составителями при подготовке книги к печати. Перед тем, как дать слово самому автору, необходимо сказать несколько слов о подходе Эрля к составлению корпуса своих текстов и о том, чем этот подход был обусловлен.

В небольшой заметке «Curriculum vitae» (1998; 2000), открывавшей «книгу эстетических фрагментов» «С кем вы, мастера той культуры?» (СПб.: Юолукка, 2011)¹, Эрль писал о себе так:

Владимир Ибрагимович Эрль (Vladimir Earl) – псевдоним Владимира Ивановича Горбунова, родившегося 14 мая 1947 г. в Ленинграде (в 1924–1991 гг. – временное название Санкт-Петербурга). Родители – Иван Федорович Горбунов (1901–1989, полковник в отставке) и Татьяна Григорьевна Горбунова (1904–1993, воспитатель детского сада). Образование среднее (в 1966 г. окончил Городскую общеобразовательную заочную школу). Пишет стихи с 1963, прозу с 1964; занимается текстологией, редактированием и т.п. с 1965 г. Публикуется с 1965 г.²

¹ В 1983–1984-е гг. Эрль подготовил первый проект своего собрания сочинений, состоявший из двух томов: произведений 1964–1969 и, соответственно, 1970–1979 гг. Первый том под названием «Книга Тапир» был издан в 1987 г. в качестве литературного приложения к «Митиному журналу». Второй том «Книга Трава», по словам Эрля, «был лишь частично опечатан и остался неизданным» (здесь и далее: Эрль В. От автора // Эрль В. Собрание стихотворений (тяготеющее к полноте). СПб.: Юолукка, 2015. С. 447). Осенью 1984 г. Эрль «составил и дважды, в 1998 и 2002, перерабатывал дополнительный том (а точнее – полумтом) к своему двухтомнику – “Собрание произведений. Том 1/2. Часть вторая: Произведения, не включённые автором в основное собрание (1963–1981)”». Можно сказать, что издания «Юолукки» — «Собрание стихотворений», «Собрание проз» и дополняющая их книга эстетических фрагментов «С кем вы, мастера той культуры?» – сохраняют как количество томов в собрании сочинений В. Эрля (2 ½), так и общий жанрово-хронологический принцип их составления (при относительно более последовательном разделении жанров по томам). Выходившие в «Юолукке» отдельными изданиями «Кнега Кинга и другие стихотворения» (2009) и роман «Вчера, послезавтра и послезавтра» (2012), как и более ранние публикации 1990-х гг. в других издательствах (см. авторское примеч. 2) полностью вошли в итоговое Собрание.

² Около ста пятидесяти публикаций (стихотворения, проза, статьи, заметки и переводы) в журналах «Грани», «Часы», «37», «Транспонанс», «Северная почта», «Обводный канал», «Митин журнал», «Вестник новой литературы», «Кредо», «Поэзия и Критика», в сборниках и альманахах «Аполлонь-77», «Wiener Slawistischer Almanach», «Черновик», «24 поэта и 2 комиссара» и «Urbi»; в ряде петербургских, московских и тамбовских газет; в антологиях «Живое зеркало» (СПб., 1974), «Лепрозорий-23» (СПб., 1975), «Острова» (Л., 1982), «У Голубой лагуны» (т. 4А, Ньютонвилл, 1983), «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995), «Самиздат века» (Минск; Москва, 1997) и др. изданиях. Произведения В.Э. включены также в хрестоматию Сергея Бирюкова «Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма» (М.: Наука, 1994). Владимир Эрль автор четырёх книг: «Кнега Кинга и другие стихотворения» ([Л.; Ейск], 1981), «Хеленукизм (Книга Хеленукизм)» (совместно с А. Ником, ВНЕ,

Владимир Эрль – лауреат премии им. Андрея Белого (Ленинград, 1986) и Отметины им. Давида Бурлюка (Академия Зауми, [Тамбов], 1991); с октября 1999 г. – член международной Академии русского стиха.

Необходимо назвать следующих поэтов, художников и исследователей, – это (в хронологическом порядке): <А. Гайворонский (1947–2016)>, Дм. М., [Н.И. Николаев], А. Миронов (1948–2010), <Е. Вензель (1947–2018)>, Л. Аронзон (1939–1970), А. Хвостенко (1940–2004), А. Волохонский (1936–2017), Л. Богданов (1942–1987), Т.Л. Никольская, В.Н. Петров (1912–1978), А.А. Александров (1934–1994), А. Ник (1945–2011), К. Кузьминский (1940–2015), Г.М. Неменова (1905–1986), И. Бахтерев (1908–1996), М.Б. Мейлах, С. Сигей (1947–2014), Св. Кекова, Н.И. Харджиев (1903–1996) и В. Кондратьев (1967–1999), – встречаю и творческому общению с ними В.Э. считает себя бесконечно обязанным.

С присущей ему краткостью Эрль обозначил в этой заметке как две основные области своей деятельности – текстологию и собственное творчество, – так и круг людей, в общении с которыми проходила его жизнь. Отметим свойственный Эрлю «юмор стиля»: кроме отмеченных наград, в перечень людей, писавших о нём, Эрль включил имя печально известного профессора Ленинградского университета П.С. Выходцева, своей разгромной рецензией похоронившего выход альманаха неофициальных поэтов «Лепта» (1975), в подготовке которого Эрль принимал участие.

Л. Ентиным, К. Кузьминским, Дм.М. и А. Мироновым. СПб., 1993), «Трава, Трава» (СПб., 1995), «В поисках за утраченным Хейфом» (СПб., 1999 <sic!>), а также Собрания произведений (т. 1. Л., 1987) и романа воспитания «Вчера, послезавтра и послезавтра» (1976). <В этот перечень должны быть включены также позднейшие издания В. Эрля в издательстве «Юоулукка» (см. примеч. 1). – И.К.> Участвовал в подготовке изданий (составление, текстологическая подготовка, комментирование): Д. Хармс. Собрание произведений (Кн. 1–4. Времен, 1978–1988); «Памяти Леонида Аронсона» (Л., 1985); Л. Аронзон. Стихотворения (Л., 1990); К. Вагинов. Козлиная песнь: Романы (М., 1991); А. Введенский. Полное собрание произведений. В 2-х т. (М., 1993); А. Миронов. Метафизические радости (СПб., 1993); «Поэты группы “ОБЭРИУ”» (Библиотека поэта. СПб., 1994); А. Хвостенко. Продолжение (СПб., 1995); С. Кекова. Стихи о пространстве и времени (СПб., 1995); Д. Хармс. Дней катыбр: Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические произведения (М., 1999); К. Вагинов. Полное собрание сочинений в прозе (СПб., 1999); А. Хвостенко. Страна Деталия (СПб., 2000); Л. Аронзон. Собрание произведений. В 2-х т. (СПб., 2006); В. Кондратьев. Показания поэтов. Сочинения и переводы (<М.: НЛО, 2019>). Ряд произведений Л. Аронсона, Л. Богданова, Конст. Вагинова, А. Введенского, А. Кручёных, Д. Хармса и других авторов В.Э. публиковал в периодике. О произведениях Владимира Эрля в разное время писали и высказывались Б. Констриктор, Ры Никонова и С. Сигей (журн. «Транспонанс»), Н.Н. [Н.И. Николаев] (журн. «Гласность»), В.Л. Топоров (газ. «Смена»), И. Кукулин (журн. «Знамя»), П.С. Выходцев, К.К. Кузьминский, Б.Л. Борухов, Д.Б. Волчек, [Б.И. Иванов,] В.И. Уфлянд, С.Е. Бирюков, А.И. Степанов, А.В. Скидан, [Массимо Маурицио, И.С. Кукуй, Ю.Б. Орлицкий, Д.А. Суховой и П.А. Казарновский].

Данная заметка планировалась В. Эрлем к включению в «Собрание проз»; нами отмечены [изъятая] и <вставки>, произведённые Эрлем на основе издания в книге эстетических фрагментов «С кем вы, мастера той культуры?» (2011) и отражающие последующие изменения его приоритетов и благорасположения на момент составления «Собрания проз». – И.К.

В качестве текстолога и издателя Эрль, кроме строгих научных правил, полагался на выработанные им самим принципы подхода к тексту и книгоизданию, которые условно можно назвать Хеленуктическими. Красноречиво свидетельствует об этом одно из последних интервью, которое он дал Улдису Тиронсу:

У.Т.: <...> вместе с ошибками и интерпретациями переписчиков образуется как бы ещё один более широкий текст, который включает в себя и ошибки, и отношение к переписанному, и хранение, и комментирование и тому подобное. То есть это огромная ткань жизни, текстов и людей.

В.Э.: Вы знаете, наверное, можно только чувствовать.

У.Т.: Чувствовать что?

В.Э.: Как правильно. И как неправильно. (*Смеётся.*)

У.Т.: А кто даёт вам возможность быть убеждённым в собственной правоте?

В.Э.: Только я сам.

У.Т.: Так это хрупкий критерий.

В.Э.: Да, хрупкий. Но крепкий.

(*Смеётся.*)

Нет, всё-таки какой-то опыт у меня сложился. Я ему отчаянно, не полностью, но доверяю¹.

Руководствуясь своими убеждениями, чувством и опытом, Эрль выработал оригинальные критерии составления собственного собрания. Внимательный читатель, державший в руках его «Собрание стихотворений», мог заметить, например, что в его состав входит раздел «Неоконченное, а также проза», в том числе программные сочинения Хеленуктизма и «Разные записи» (не всегда стихотворные). Столь же флюидным подходом отличается в некоторых местах «Собрание проз». Показательно здесь множественное число – под «прозами» Эрль подразумевал различные жанры, в которые могли входить драматические сочинения, эпиграммы и даже поэтические переводы. Составители «Собрания проз» оставили в неприкосновенности замысел автора, внося в него лишь ряд незначительных коррективов, которые комментируются ниже.

Книга открывается автобиографическим текстом «Пятая проза», уже опубликованным² в книге «С кем вы, мастера той культуры?». За ним следует

¹ «Я всецело одобряю и приветствую». С текстологом Владимиром Эрлем беседует Улдис Тиронс // Rigas Laiks. 2020/2021. Зима. – Эл. ресурс: <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/besedy/ya-vsecelo-odobryayu-i-privetstvuyu-20507> – Просм. 21.03.2021.

² К повторам единичных текстов Эрль прибегал и в «Собрании стихотворений»: «Внимательный читатель заметит, что шесть глав из дадактической поэмы “Начала” включены в часть первую Собрания стихотворений (№№ 18–23), а пять (№№ 344–348) добавлены в “Произведения, не включенные в основное собрание”; аналогично произошло с циклом “Часы” (№№ 24–32 и 392–393), а четверостишие “Скиталь” печатается дважды – сначала как отдельное четверостишие (№ 7), потом как заключительная строфа одноимённой поэмы (№ 383). Но такова моя авторская воля!» (Эрль В.

раздел «Переводы». Подобно тому, как в «Собрание стихотворений» Эрль «из исторических (и мазохистских) соображений»¹ включил свои первые поэтические опыты, здесь читатель имеет возможность на примере ряда переложений из немецкоязычной литературы ознакомиться как с кругом чтения молодого автора в середине 1960-х гг., так и с его подходом к прозаическому переводу. Уже тогда Эрль тяготел к жанру мистификации: по всей видимости, «перевод» «Пауль Клее. Красный шар» является авторским сочинением Эрля, вдохновлённым одноименным французским фильмом «Le ballon rouge» (реж. А. Ламорис, 1956) – соответствующий оригинальный текст художника Пауля Клее найти не удалось (См. сноску 1 на с. 22)..

Далее следует «большая проза» – роман «Виктор Р. Вчера, послезавтра и послезавтра» и документальная повесть «В поисках за утраченным Хейфом», воспроизводимые факсимиле по первоизданиям. Главы из неоконченного романа «Охота» (1969) ранее не публиковались. «Разъяснения к документальной повести...», как и большая часть следующего раздела «Малая проза», включающего в себя прозаические сочинения 1965–2018 гг., публикуются по книге «С кем вы, мастера той культуры?». Цикл эпиграмм «Mironoff und seine Würsten», написанный в соавторстве с Е. Вензелем, публикуется впервые и иллюстрирует ту «прозу жизни», которая окружала авторов и объекта эпиграмм в их общем кругу поэтов Малой Садовой.

Символически заключает «Собрание проз» перевод одноактной пьесы Сэмюэля Беккета «Последняя запись Крэппа», выполненный Эрлем в январе 1973 г. и отредактированный в 1986 г. Последние слова из послесловия к переводу 1990 г. – «Больше мне сказать нечего» – замыкают посмертное собрание сочинений Владимира Ивановича Горбунова (Эрля).

Илья Кукуй

«Что добавить? Когда-нибудь я встану и опять далеко пойду. Пойдёт дождь. Дождя не будет». (В. Эрль. Пятая проза)

От автора // Эрль В. Собрание стихотворений. С. 451). Цитируемый текст «От автора» из «Собрания стихотворений», «значительную часть первой части» которого «составляет переработанный (сокращённый, но и дополненный) <...> мемуар “Пятая проза”» (там же, с. 433), Эрль планировал включить в качестве послесловия и к «Собранию проз». Поскольку вторая часть этого текста является текстологическим комментарием к составлению «Собрания стихотворений», составители исключают этот текст из «Собрания проз» и отсылают читателя к первопубликации.

¹ Цит. соч. С. 450.

Curriculum vitae

Владимир Ибрагимович Эрль (Vladimir Earl) – псевдоним *Владимира Ивановича Горбунова*, родившегося 14 мая 1947 г. в Ленинграде (в 1924–1991 гг. – временное название Санкт-Петербурга). Родители – Иван Фёдорович Горбунов (1901–1989, полковник в отставке) и Татьяна Григорьевна Горбунова (1904–1993, воспитатель детского сада). Образование среднее (в 1966 г. окончил Городскую общеобразовательную заочную школу). Пишет стихи с 1963, прозу с 1964; занимается текстологией, редактированием и т.п. с 1965 г. Публикуется с 1965 г.¹

Владимир Эрль – лауреат премии им. Андрея Белого (Ленинград, 1986) и Отметины им. Давида Бурлюка (Академия Зауми, [Тамбов], 1991); с октября 1999 г. – член международной Академии русского стиха.

Необходимо назвать следующих поэтов, художников и исследователей, – это (в хронологическом порядке): Дм. М., А. Миронов (1948–2010), Л. Аронзон (1939–1970), А. Хвостенко (1940–2004), А. Волохонский (1936–2017), Л. Богданов (1942–1987), Т.Л. Никольская, В.Н. Петров (1912–1978), А.А. Александров (1934–1994), А. Ник (1945–2011), К. Кузьминский (1940–2015), Г.М. Немцова (1905–1986), И. Бахтерев (1908–1996), М.Б. Мейлах, С. Сигей (1947–2014),

¹ Около ста пятидесяти публикаций (стихотворения, проза, статьи, заметки и переводы) в журналах «Грани», «Часы», «37», «Транспонанс», «Северная почта», «Обводный канал», «Митин журнал», «Вестник новой литературы», «Кредо», «Поэзия и Критика», в сборниках и альманахах «Аполлонь-77», «Wiener Slawistischer Almanach», «Черновик», «24 поэта и 2 комиссара» и «Urbi»; в ряде петербургских, московских и тамбовских газет; в антологиях «Живое зеркале» (СПб., 1974), «Лепрозорий-23» (СПб., 1975), «Острова» (Л., 1982), «У Голубой лагуны» (т. 4А, Ньютонвилл, 1983), «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995), «Самиздат века» (Минск; Москва, 1997) и др. изданиях. Произведения В. Э. включены также в хрестоматию Сергея Бирюкова «Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до пост-модернизма» (М.: Наука, 1994). Владимир Эрль автор четырёх книг: «Кнега Кинга и другие стихотворения» (Л.; Ейск, 1981), «Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм)» (совместно с А. Ником, ВНЕ, Л. Ентиным, К. Кузьминским, Дм. М. и А. Мироновым. СПб., 1993), «Трава, Трава» (СПб., 1995), «В поисках за утраченным Хейфом» (СПб., 1999 <sic>), а также Собрания произведений (т. 1. Л., 1987) и романа воспитания «Вчера, послезавтра и послезавтра» (1976).

Участвовал в подготовке изданий (составление, текстологическая подготовка, комментирование): Д. Хармс. Собрание произведений (Кн. 1–4. Времен, 1978–1988); «Памяти Леонида Аронсона» (Л., 1985); Л. Аронзон. Стихотворения (Л., 1990); К. Вагинов. Козлиная песнь: Романы (М., 1991); А. Введенский. Полное собрание произведений. В 2-х т. (М., 1993); А. Миронов. Метафизические радости (СПб., 1993); «Поэты группы “Обэриу” (Библиотека поэта. СПб., 1994); А. Хвостенко. Продолжение (СПб., 1995); С. Кекова. Стихи о пространстве и времени (СПб., 1995); Д. Хармс. Дней катыбр: Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические произведения (М., 1999); К. Вагинов. Полное собрание сочинений в прозе (СПб., 1999); А. Хвостенко. Страна Деталия (СПб., 2000); Л. Аронзон. Собрание произведений. В 2-х т. (СПб., 2006); В. Кондратьев. Показание поэтов. Сочинения и переводы (М., 2020). Ряд произведений Л. Аронсона, Л. Богданова, Конст. Вагинова, А. Введенского, А. Кручёных, Д. Хармса и других авторов В. Э. публиковал в периодике.

О произведениях Владимира Эрля в разное время писали и высказывались Б. Констриктор, Ры Никонова и С. Сигей (журн. «Транспонанс»), Н. Н. [Н. И. Николаев] (журн. «Гласность»), В. Л. Топоров (газ. «Смена»), И. Кукулин (журн. «Знамя»), П. С. Выходцев, К. К. Кузьминский, Б. Л. Борухов, Д. Б. Волчек, В. И. Уфлянд, С. Е. Бирюков, А. И. Степанов и А. В. Скидан.

Н. И. Харджиев (1903–1996) и В. Кондратьев (1967–1999), А. Гайворонский (1947–2016), Е. Вензель (1947–2018) – встречам и творческому общению с ними В. Э. считает себя бесконечно обязанным.

Июль 1998; 2000; 2020

Пятая проза

1. Где это

...и я подумал: но ведь это я, но в другом виде, это второй я...

«Сайгон», свидетельствует Виктор Леонидович Топоров, открылся 1 сентября 1964 года. Но до апреля 1965-го я ни разу в него не заглядывал. Стен «Сайгона», расписанных (вспоминает художник Михаил Петренко) «треугольными цветными петухами», я тоже не застал. Кстати сказать, кафетерий ресторана «Москва» (ещё безымянный) вскоре после открытия закрылся на косметический ремонт и снова открылся уже в апреле. Но у меня (хотя я жил по соседству, – в Пушкинской улице) были другие маршруты.

Весной 1963 года, на излёте (в марте, разумеется) 9-го класса я начал писать стихи, а осенью того же года обзавёлся первым литературным другом – Андреем Гайворонским (тогда ещё не носившим псевдонима). Строго говоря, первым литературным знакомым был мой одноклассник Геннадий Несис (сейчас он известный шахматист; его фамилию я даже встретил несколько лет назад в кроссворде!). Вместе с Андреем (не понятно, зачем?) мы поступили в «Дерзание» при Дворце пионеров. *Занятия* вела Наталья Иосифовна Грудинина, а «ударной группой» были Вензель, Топоров, Гурвич («Мяснов»), Беляк (Тиль), Марк Мазья и Волькенштейн. Там мы познакомились с Романом Белоусовым и Тамарой Козловой (впоследствии Буковской, а тогда предпочитавшей называться m-me Грицацовой). К весне 1964 года мы с Андреем полюбили там и сям читать стихи на публике, и (за это) Грудинина попросила нас покинуть «Дерзание».

Мы стали искать себе *уличное* пристанище и решили собираться на «Орбите», т.е. площади Искусств. Напомню, что «Сайгона» ещё не было в природе. А пока я продолжал ездить на автобусе в школу (№ 195, на ул. Воинова) или слоняться по Невскому, но чаще сидел дома в одиночестве и читал. На лето меня пристроили по благу в пионерский лагерь в Лисьем Носу, где я жил отдельно от пионёрчиков на веранде и упражнялся на взятой напрокат пишущей машинке. Именно там я изобрёл свой псевдоним; это произошло 20 июля. Псевдоним был образован по аллитерации с именем, а также был навеян городом Арлем («Кафе в Арле») и, наверное, новеллой Мопассана «Орля». Время от времени меня навещали друзья из города. Часто наезжал Роман Белоусов, и я издал первый сборник его стихов под названием «Конец начала». Однажды вместо Романа приехал Саша Прокофьев, который познакомил меня со своим одноклассником – Дмитрием Борисовичем Макриновым. О том, как именно произошло это знакомство (и другие детали), написано в моём рассказе «Писатель у себя дома».

Когда в конце августа я вернулся в город, меня ждал приятный сюрприз. Андрей Гайворонский набрёл на кафетерий (собственно, «кулинарию»

Елисеевского магазина) на Малой Садовой. В «кулинарии» стояли два кофейных аппарата «Эспрессо», а кофе продавались замечательные пирожки и волованы. В соседнем отделе продавались солидные пироги, от которых можно было купить половину или четверть... Выпечка поставлялась знаменитой кухней ресторана «Метропóль» (не путать с «Метропóлем», появившемся позже!). Завсегдатаями кафетерия были сотрудники Русского музея, театра Комедии, других соседних предприятий и просто «праздношатающиеся». Довольно подробно об этих людях написано С. Савицким, Гайворонским и мною. Чтобы не повторяться, отсылаю читателей к этим трудам.¹ Жалко, что в кофейном отделе было всего два или три высоких столика, и посетители пили кофе, стоя за ними или (иногда) выходя на улицу и располагаясь у уличного подоконника. Очень несправедливо о нашем кафетерии вспоминает то ли режиссёр Стефанович, то ли Сергей Андреев, записавший его рассказ: «Молодые ленинградцы, интересовавшиеся искусством, собирались в *маленькой грязной забегаловке на Малой Садовой*»².

Тогда же (в августе) на Малой Садовой появился Коля (Николай Иванович) Николаев, одноклассник Романа Белоусова, а в сентябре 1964 года я совершенно неожиданно познакомился в Публичке с А. Мироновым и привёл его на Малую Садовую (об этом знакомстве написано всё в том же рассказе «Писатель у себя дома»). Почти сразу Малая Садовая стала для меня вторым домом. Хотя с некоторыми её завсегдатаями отношения у меня не сложились и остались (если остались) прохладными, как я ни старался. Многие старшие справедливо относились ко мне иронически; иронически воспринимали меня и девушки Малой Садовой (эти – несправедливо). Дружил я – тоже дискретно – со своими ровесниками (старше на год был Макринов, младше – Миронов). По-настоящему друзьями остались только мы с Николаем Ивановичем Николаевым, хотя порой тоже случались шероховатости. Также вполне дружеские отношения остались у нас с Андреем Гайворонским и прозаиком (тогда – поэтом) Евгением Звягиным. Но вначале мы ходили стайкой: Белоусов – Макринов – Миронов – Николаев – и я (перечисляю не в порядке появления на экране, а в алфавитном порядке). Примыкали к нам Тамара Козлова и Прокофьев. Тамара Козлова некоторое время фигурировала под псевдонимом Алла Дин (придумал Гайворонский), а позже вышла замуж за художника Валерия Мишина, стала называться Тамарой Буковской (по псевдониму мужа) и исчезла с Малой Садовой... Из Миронова и Прокофьева сложился *особый*

¹ 1) С. Савицкий. Андеграунд: История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. – Ср. первоначальный вариант в журн. НЛО, № 30 (1998). Оба варианта страдают ошибками и искажённо понятыми фактами.

2) А. Гайворонский. Сладкая музыка вечных стихов. Малая Садовая: Воспоминания. Стихотворения. СПб. 2004; 3) Вл. Эрль. Поэты Малой Садовой // Премия Андрея Белого: 1978–2004: Антология. М., 2005.

² Газ. «Смена», 18 дек. 2007, с. 6. – С негодованием подчёркнуто мной.

тандем неразлучников, – «Саша большой и Саша маленький», как они были названы в фильме А. Стефановича «Все мои сыновья», снимавшемся в 1966, наверное, году. Прокофьев всегда был по натуре провокатором и ставил над Мироновым психологические (и не только психологические) эксперименты. В 1967 или 1968 году Прокофьев женился и подался в священники, а Миронов завёл новый тандем с Серёжей Танчиком...

Но я немного забегаю вперёд. В феврале 1965 года меня познакомили с Леонидом Аронзоном. С ним мы как-то сразу подружились и даже перешли на ты. Я стал постоянно у него бывать и часто приходил к нему вместе с друзьями; существенно, что я познакомился и с друзьями Аронзона – Юрием Шмерлингом, Леонидом Ентиным и Юрием Галёцким. Лёню Ентина я поначалу побаивался (как младший старшего), но потом от всей души полюбил. Галёцкий, художник и когда-то талантливый литератор, тоже умел произвести впечатление¹. К апрелю Александр Чурилин предложил собрать альманах «кофейного общества» – «Fioretti», в который дали свои подборки стихотворений и Аронзон, и его ближайший и самый верный друг Александр Альтшулер (Аронзон один или два раза заходил на Малую Садовую, Альтшулер в 1965-1966 бывал часто). Тогда же – в начале апреля – у меня произошло что-то вроде творческого кризиса, я бросил 11-й класс школы, обнаружил вновь открывшийся «Сайгон» и впервые переступил его порог. «Сайгон» был почти безлюден, – была первая половина дня. Перед столиками стояли, если не ошибаюсь, кресла. Я взял себе кофе, сел и принялся то ли писать, то ли переписывать – уже не помню – в записную книжку свои сочинения. Понятно, совсем недавно был прочитан гемингвеевский «Праздник...», что не мешало немногочисленным посетителям иронически меня рассматривать.

Позже «Сайгон» стал совершенно значным местом и официальным бельмом на глазу компетентных товарищей. Тогда в целях обострения классово-борьбы были удалены кресла. Рассказывают, что, впервые обнаружив неожиданное отсутствие сидений, одна из посетительниц воскликнула: «Ба! Из-под интеллигенции выбили стулья!...». Забавно, что после этого кафетерий стал вместительнее, а посетителей едва ли не втрое больше. Впрочем, за Малой Садовой тоже, по слухам, был глаз да глаз...

...В апреле 1965 года мы с Мироновым, неожиданно, «с бухты-баракты» махнули на *перекладных* в Москву и пробыли там около двух недель. В Москве мы познакомились со смогистами, и Володя Батшев включил наши стихи в машинописный альманах «Сфинксы», который был воспроизведён в *страшном* журнале «Грани» (№ 59) и переиздан отдельным изданием мельчайшим шрифтом на папиросной бумаге, – словно партийные издания

¹ NB! Художника Юрия Иосифовича Галёцкого (р. 1944) часто путают, к сожалению, с более молодым литератором Юрием Васильевичем Галёцким (собственно Ушаковым, р. 1954).

начала века. Наши стихи в «Сфинксах» (как и в «Fioretti») были очень плохие, – мои, по крайней мере. В Москве мы заявили к Алексею Елисеевичу Кручёных, который сначала нас не пускал и потребовал прочитать по памяти хлебниковские «Трущобы», которые я благополучно прочёл. В результате Алексей Елисеевич отнёсся к нам вполне благожелательно и даже сводил пообедать в молочный буфет.

Осенью, чтобы закончить 11-й класс, я записался в вечернюю школу в Щербаковом (кажется) переулке, где, между прочим, русский язык и литературу для более младших классов преподавал Леонид Аронзон. Но в вечерней школе мне было совсем невмоготу, и я перешёл в Городскую заочную школу (ул. Союза Печатников), в которой наконец благополучно закончил своё образование. Весной, кажется, 1966 года мне повезло: я купил за 90 рублей «контрибуционную» (немецкого производства) портативную пишущую машинку «Olympia Progress» и, следовательно, перестал быть «безлошадным». Хотя моё издательство «Польза» действовало уже полтора года. Летом после какого-то отсутствия в доме Аронзона появился легендарный Алексей Хвостенко, а немного позже его друг и соавтор Анри Волохонский. Очень скоро их произведения стали основной продукцией «Пользы». И видел я, что *это* хорошо.

Осенью 1966 года мы с Макриновым основали Хеленуктизм (название образовано мной) и написали манифест группы. Тогда же в ряды Хеленуктов вступил Миронов, а зимой на Малой Садовой появился Виктор Немтинов, который также был удостоен высокого звания. Кроме того некоторое время мы работали вместе с Немтиновым музейными рабочими в музее этнографии (народов СССР).

23 ноября я читал, думая для понта туда поступить, в лито Союза писателей. Тогда им руководил Лев Мочалов. На обсуждении меня почти единодушно разгромили. Особенно старались, свидетельствует Кузьминский, Нина Королёва и Бродский. Королёву совсем не помню, а Бродского тогда я видел первый раз, но запомнил. Между Бродским и Аронзоном разгорелся жаркий спор. Собственно говоря, спор шёл об искусстве вообще, а я и мои стихи были только предлогом.

В феврале 1967 года я совершенно зря первый (но не последний) раз женился, а в марте устроился рабочим по чистке книг в резервно-обменный фонд Университетской библиотеки (рядом со Смольным). Через три дня меня за таланты повысили до младшего библиотекаря. По соседству заканчивал аспирантуру Анри Волохонский, и мы часто вместе пили кофе в свои обеденные перерывы. В начале лета я поссорился с Аронзоном и больше у него не бывал... В августе я уволился из библиотеки, надеясь поступить в пединститут им. Герцена, но не поступил и продолжил службу младшим библиотекарем: сначала два месяца в Публичке, потом почти год в Университетской библиотеке (на этот раз в главном здании). Отмечу, что в Университетской библиотеке (и опять за

таланты) я был повышен из младшего в библиотекари просто. Между прочим, за стенкой трудился библиографом Макринов, а через некоторое время был принят на работу экспедитором Н. Николаев. Надо ли говорить, как мы им помыкали!

В 1968 году я разъехался с родителями, с которыми проживал до этого времени, а через год (слава Богу!) развёлся. Позже, с января до октября 1969 года, работал организатором экскурсий в музее этнографии (опять народов СССР) и летом познакомился на Малой Садовой (NB!) с зашедшими туда Кузьминским, Куприяновым и Чейгиным. В октябре 1969 года я поступил в ЛПО «Автотехобслуживание» контролёром-приёмщиком (т.е. сторожем) автостоянок и сторожил их семь лет. На автостоянках работало много знакомых: А. Миронов, Б.И. Дышленко, А. Ник, А.М. Гиневский и Немтинов... В те времена «автолюбителю» получить место на автостоянке даже на ночь было *проблемно*, и однажды Немтинов потребовал взятку с приехавшего в его дежурство главного директора «Автотехобслуживания». Взятку Немтинов получил, но на следующий день со службы был изгнан с позором и «изрядно накостылёванным затылком».

После автостоянок я служил три месяца секретарём (*на бумаге* – «старшим лаборантом») Комиссии комплексного изучения художественного творчества, около полутора лет сторожил водно-моторную станцию на Малой Невке (не путать с лодочными стоянками!), столько же работал инструктором пожарной охраны на Охте и шесть с половиной лет оператором газовой котельной на Мойке. Водно-моторную станцию окружал сад имени Дзержинского с его хорошеньким бюстиком при входе; в этом саду я *трудился* вместе с А. Антоновым (сыном известного писателя) и Борисом Ванталовым (Аксельродом, двоюродным братом А. Ника). Моим коллегой по пожарной охране был Игорь Владимирович Бахтерев, – правда, на другом заводе, так что по службе мы не пересекались. Слаще всего было в котельной, хотя начальство было подловатое. Зато коллектив подобрался неплохой: левантийский по темпераменту Ханан, желающий всё знать (но не понять) Лихтенфельд, его будущая жена Маша и я. Всех вместе нас со службы и погнали. Это произошло в июне 1986 года, уже в так называемую перестройку.

Следующие четыре года (1986-1990) мне пришлось работать киоскёром «Союзпечати» (никуда больше уже не брали). Из моих семнадцати работ эта была самой тяжёлой, хотя начальство относилось ко мне хорошо...

Важно сказать, что в 1967 году я познакомился с Всеволодом Николаевичем Петровым, а в 1968 с А.А. Александровым. Исталь – можно сказать, профессионально – заниматься творчеством Хармса. По Малой Садовой я был знаком с Татьяной Никольской, вместе с которой мы позже готовили к печати прозу К. Вагинова. Мы были знакомы раньше, но с 1969 года стали постоянно видеться с Элликом (Леоном Леонидовичем) Богдановым. Иногда часто виделись, но чаще ссорились с Мироновым, позволяющим себе безобразные выходки. Тем не

менее к 1970 году я подготовил и издал первую книгу его стихотворений – «Εποχή». В 1970 году (26 мая) я присутствовал на свадьбе К.К. Кузьминского и подарил ему вешалку из оленьих рогов (по-моему, очень хороший подарок, но ККК злонамеренно о нём не вспоминает)... В 1970-е годы я часто бывал у ККК, где, как ни странно, познакомился с Ольгой Седаковой и видел однажды Аллу Минченко. Опять же у ККК я познакомился с замечательным писателем А. Ником (= Аксельродом Николаем) и прозаическим фотографом Кудряковым. Можно сказать, что там же я познакомился и с Мейлахом, хотя, кажется, нас с ним и Бродским уже знакомил на Малой Садовой Владимир Марамзин (с Марамзиным мы были знакомы по литобъединению при издательстве «Детская литература»)..

Однако я забежал далеко вперёд. Летом 1967 или, скорее, 1968 года кофеварочные аппараты впервые не занимались своим делом, так как девушек, варивших кофе, отправили, по слухам, «на подшефную турбазу». Что делать? Приходилось идти в «Сайгон», где кофе был хороший и даже крепче (там варили тройной, а на Малой только двойной)... Кое-кто покинул Малую Садовую и навсегда ушёл в «Сайгон» – например, Вензель. Но для меня «Сайгон» всегда был *чужим домом*, а Малая Садовая *своим*. По словам Андрея Гайворонского, «Малая Садовая в то время была местом в некотором роде элитарным, в отличие от открывшегося чуть позже истинно демократичного, но всеядного “Сайгона”. В конце концов можно было просто заходить сюда, чтобы выпить кофе, но без малейшей надежды попасть в “свой” круг». – Действительно, Малая Садовая – это ведь не только маленькая «кулинария» и даже не только улица, но и «собачий садик» напротив, но и площадь перед Домом кино, но и студенческие читальные залы Публички, но даже и Кленовая аллея¹, и окрестности Михайловского замка... А что «Сайгон»? Сам кафетерий, мороженица за углом да двор по соседству...

Раньше (сначала) мне не нравилось предложенное Петром Брандтом определение «уличная культура» (из-за слова «уличная»), но теперь я думаю, что оно *правильное*.

2. Что это (было)

Серое небо, серая даль, наполненная скитающимися серыми призраками. В сереющем окрест болоте кишат и клубятся серые гады; в сером воздухе беззвучно реют серые птицы; даже дорога словно серым пеплом усыпана...

Как бы то ни было, но подо всем был второй «культурный слой».

На смену дивным шестидесятым явились *уточнённые* семидесятые, неминуемо перешедшие в мерзостные восьмидесятые. Одновременно

¹ Названная так, вероятно, оттого, что вместо *клёнов* там стоят *каштан*ы.

«уличная культура» превращалась в «неофициальную культуру», или *вторую* (но не культуру, а действительность). О том, во что всё *вылилось*, написал в своём «Путешествии нигилиста» Василий Кондратьев: «Я даже убеждён, что непреодолимое желание *печататься, как все*, помешало русской “неофициальной культуре” шестидесятых-восьмидесятых годов, – а точнее сказать, тому её передовому отряду, который Владимир Эрль называет *неофициальным неофициальным искусством*, – перейти в следующее десятилетие в качестве реальности, а не сомнительного мифа; хотя тут тоже бывали исключения»¹.

Не менее существенно поминает мою персону Кузьминский: «...участники того самого литературного процесса, центральной фигурой которого был Эрль. <...> Я их так и делю: на эрлезянцев и бродскианцев. <...> Странно, что мало кто любил Эрля: от его сотоварищей по середине 60-х – слова доброго не дождёшься»².

Разумеется, всё не так, – в центре я жил (см. выше), но центральной фигурой никогда не был; я даже подчеркнул о себе, чтобы не было кривотолков: «Буддой не является»³. С другой стороны, причины меня не любить были у многих, а вина в том – моя... Детство у меня было сугубо домашним, а от детского сада я был избавлен и время проводил в одиночестве за чтением. Я научился читать рано, может быть, года в три. По крайней мере, к шести годам уже был прочитан двухтомный «Давид Копперфильд»... В результате вырос я воспитанным книгами и очень наивным. Немного позже, уже в отрочестве, меня поразила картинка в отрывном календаре: по снегу идут, беседуя, два мужика в тулупах и валенках. Текст беседы был в подписи: «Снежок-то хрустит!» – «А под ним капуста...». То, что это была сатира на бесхозяйственного председателя колхоза, мне стало ясно многие годы спустя. А *тогда* навсегда запала в душу восхитительно *иная* логика и я стал инакомыслящим в подлинном смысле слова! Моё «традиционное» инакомыслие подкрепил опять же отрывной календарь, с опять же рисунком, – молодой человек стоит с девушкой у окна, а отец девушки сидит в креслах и *хохочет, читая газету*. В подписи приводился диалог молодых людей: «Какой у тебя весёлый отец!» – «Да нет, просто у него зубные протезы не того размера». Разумеется, моё инакомыслие многие чувствовали и негодовали. Иногда негодование принимало вполне ощутимые формы. Счастливым исключением был Вася Кондратьев. Наверное, он тоже был бы недоволен, но для меня важнее не «вандализм дада и одухотворенность сюрреалистов» (С. Дубин), а «вандализм сюрреалистов и одухотворенность дада!» Хотя я опять забегаю вперёд...

¹ Митин журнал. № 63 (2005). С. 285-286.

² У Голубой лагуны. Т. 4А, 1983. С. 198 и 200.

³ Там же. С. 200.

В начале 1975 года по примеру «Горожан» (и впоследствии «Метрополя») был затеян сборник «неофициальных» поэтов «Лепта». Заседания инициативной группы проходили на квартире Юлии Вознесенской; там я впервые увидел Б. И. Иванова. На одном из заседаний Кривулин объявил о намерении издавать поэтический журнал, на что Иванов ответил аналогичным прозаическим проектом. «Лепта», разумеется, не вышла¹, но журнал «37» начал выходить в январе, а альманах «Часы» летом 1976 года. «Часы» Иванов издавал при участии В. Долинина (недолго, – до ареста) и Б. Останина (постоянно). Элла Липпа, остроумная Алла Пугачёва неофициальной культуры, сказала как-то про Иванова: «такой *поживший* мужичок, немного посидевший, где его научили тому-сему... журнал издавать...»; она же определяла психологический склад Останина «маниакально-репрессивным психозом». Если первая характеристика – *внешняя* (Борис Иванович человек по натуре вообще-то не вредный, скорее недалёкий), то вторая замечательно точна. Останин, сделавшийся ленинградцем в 1961 году, остался провинциалом (в плохом смысле слова) с непомерными амбициями и повадками *советского* редактора. Мне приходилось несколько раз с ним сталкиваться, за что я был им трижды обворован (обворован Останиным был и поэт Владимир Алейников)²...

После скандала с «бульдозерной» выставкой власти открыли две «официальные» – сначала в ДК им. Газа, потом в ДК «Невский». Рассказывают, что к отдельным уклоняющимся от участия художникам приходили соответственные товарищи и настоятельно им указывали. Однако после художников последователи С.В. Зубатова взяли за литераторов, создав «Клуб-81». Сейчас «начали распространяться слухи о том, что “Клуб-81” создан органами КГБ, – говорит Э. Шнейдерман. – Слухи эти, выгодные самому КГБ и от него исходившие, абсолютно лживы. В конечном итоге мы использовали КГБ»³. Подобное говорил Б.И. Иванов в передаче радио «Свобода» и, кажется, верил, что так и было. Однако сказано: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых»... Я помню, как с несколькими авторами, заранее отказавшимися вступить в Клуб, встретились его сторонники. Встреча прошла в «нашей» котельной. От нас были Буковская, Вензель, Ю. Колкер, Ханан и я; соблазнять и искушать нас пришли Б.И. Иванов, Э. Шнейдерман (кажется), С. Стратановский и кто-то ещё. Присутствовал я и 30 ноября на «установочном» общем собрании в зале музея-квартиры Ф.М. Достоевского. Вёл собрание куратор от Союза писателей Ю.А. Андреев и отчасти Останин, предложивший считать членами Клуба всех присутствующих. Интересно, сколько он рассчитывал получить от Коршунова/Кошелева (или от г-на

¹ Конечно! чего ради? Вспомним, что сказал ещё летом 1926 года запрещённый до 2014 года поэт: «Сделай, он говорит, крестная мать мне подарок? А та ему не хочет никакого подарка делать».

² В. Алейников. Довлатов и другие. М., 2006. С. 151-154.

³ «НЛО», № 14 (1995). С. 248.

Черкесова)? по 30 копеек за душу? К счастью, предложение не прошло, и мы остались свободными...

В 1979 начал выходить «Транспонанс», а в 1985 «Митин журнал». С обоими изданиями я активно сотрудничал. Для «Транспонанса» я придумал второй (для «авангардных» сочинений) псевдоним Б. Ванталову (Аксельроду) – б. констриктор, превращённый им позже в «Б. Констриктора» и даже «Б.М. Констриктора». Псевдоним, однако, был позаимствован у Саши Соколова: «кашель трамвайного констриктора» в «Школе для дураков», которую Ванталов брезгливо обругал. В мае (точнее, в апреле) 1986 года мне присудили премию им. Андрея Белого, но не за творчество, а за текстологию, – «за многолетнее беззаветное служение *тексту* и *автору*... за участие в издании сборника “Памяти Леонида Аронсона”». О всей моей литературной жизни можно сказать (немного переиначив известные слова): «вплоть до 1993 писал, подготавливал и служил, служил, подготавливал и писал. К 1994 году совсем оставил службу и исключительно отдался литературе».

В 1985 году (спасибо Елене Шварц) я познакомился с замечательным поэтом Светланой Кековой. Её первую книгу я подготовил в 1991, но издать удалось только в декабре 1995 года.

25 февраля 1987 скоропостижно умер Леон Богданов, а через два года, 13 апреля, мой папа. Это были первые потери моих близких...

Осенью 1992 года я познакомился и подружился с Василием Кондратьевым и Александром Скиданом. Душа рванулась навстречу Васе (как раньше к Эллику), но 25 сентября 1999 года Кондратьев погиб.

Следующие события происходили уже в следующем, XXI веке.

Малая Садовая, сначала всеми покинутая, превратилась в квази-Арбат, а родной садово-парковый «эдипов комплекс» в «собачьем садике» заменили на поганое идолище. «Сайгон» закрывался, открывался, *меняя ориентацию*, переезжал (!) и наконец снова открылся как кафе. Но это, увы, уже не «Сайгон»...

Что добавить? Когда-нибудь я встану и опять далеко пойду. Пойдёт дождь. Дождя не будет.

Апрель-май 2008

Переводы

Красный шар

Красный шар
в магнитном поле
невидимой видимой музыкой
паришь ты
красный шар
яблочным духом и детством
красный круглый
красный шар
поднимаешься ты
/можно
потрогать тебя
руками
спросил ребёнок
поднимаешься поднимаешься
на на
/куда
летит он мама?
красный шар
выше
всего
красный шар
выше
красный шар
всего
красный шар
выше
всего
красный шар
над городом детей
над кровлей детей
над башней детей
красный шар
улица
шлёт
привет
тебе
красный шар
красный круглый большой
красный шар
поднимаешься поднимаешься
паришь
красное детское сердце
в потерянном небе

пер. 1964 г.

¹ Однофамилец и тёзка знаменитого художника, по утверждению Эрля (Примеч. С. Кузнецовой).

Удивительно

1

– Удивительно, – подумал во время войны абитуриент Ганс Хеллькопф, – наш комбат всё время напоминает мне моего студийнрата.

2

– Удивительно, – подумал абитуриент Ганс Хеллькопф после войны, – наш студийнрат всё время напоминает мне моего комбата. Да, нужно ещё поправить причёску.

3

– Удивительно, – сказал своим коллегам доктор Олаф, студийнрат, – как только увижу наших старшекласников, собравшихся на школьном дворе, я всё время вспоминаю свой батальон. Наверное, из-за свеженачищенных лиц.

– Лиц? – переспросил один из коллег.

– Сапог, мой дорогой, сапог.

1964 г.

Из книги «Наблюдения»
(1912)

Прогулка в горы

«Я не знаю, – восклицаю я беззвучно, – да, я не знаю. Если никто не приходит, – так ровным счётом никто и не приходит. Я никому не сделал ничего дурного, никто не сделал ничего дурного мне, но никто не хочет мне помочь. Совершенно никто! Впрочем, это не так. Мне никто не помогает, – кроме этих милейших Никто. Я очень охотно – почему бы и нет – совершил бы прогулку в обществе этих «совершенно Никто». Конечно, в горы, – куда же ещё? Как толкают друг друга эти Никто, – это растянувшееся вереницей множество сгорбленных несчастных, это множество ног, разъединяющихся в крохотных шагах! Разумеется, все во фраках. Мы идём, беседуя, а ветер сует в пространстве, освобождающемся от наших тел. В горах легче дышать. Просто чудо, что мы не поём.»

Рассеянный взгляд на улицу

Что мы успеем в этот весенний день, который так быстро проходит? С утра небо было серым, но подойдите к окну сейчас, – вы поразитесь и прислонитесь щекой к оконной задвижке.

Вы увидите внизу отблеск – конечно, уже заходящего – солнца на лице маленькой девочки, которая смотрит на ходу по сторонам, и одновременно вы увидите на нём тень мужчины, быстро бегущую следом. Потом мужчина проходит, – и лицо ребёнка становится совсем светлым.

Маленькая басня

«Ах, – сказала мышь, – мир становится теснее с каждым днём. Сначала он был так просторен, что я даже боялась; я бежала дальше и была счастлива, когда увидела вдали – справа и слева – стены, но эти высокие длинные стены начали так быстро сменять одна другую! – и вот я уже в последней комнате, и тут, в углу, – стоит мышеловка, прямо в которую я и бегу...» – «Ты должна была только изменить направление своего пути!» – сказала кошка и сожрала её.

1920

Афоризмы. Записи из «Восьми маленьких тетрадок»

Все человеческие ошибки: нетерпение, преждевременное нарушение размерности, мнимое представление о мнимых вещах.

От некоторой точки возврата более нет. Эта точка должна быть достигнута.

В борьбе между тобой и миром роль секунданта исполняет мир.

Две возможности: стать бесконечно малым или просто быть. Второе – окончание, значит, бездеятельность; первое – начало, значит, дело.

Радости этой жизни – не от мира сего, даже наш страх перед восхождением в высшую жизнь; мучения этой жизни – не от мира сего, даже наше самоистязание из-за этого страха.

Я ошибаюсь.

Истинный путь – путь по канату, невысоко натянутому, даже лежащему на земле. Кажется – будешь больше ошибаться, вступив на него.

Несчастье Дон Кихота не его фантазия, а Санчо Панса.

Зло знает о добре, но не добро о зле.

Зло – звёздное небо добра.

Самоубийца – заключённый, который, увидев в тюремном дворе виселицу, по ошибке решил, что она предназначена именно для него, сломал ночью решётку, спустился вниз и – повесился.

Атлант мог иметь мнение, что ему разрешено, если он захочет, оставить Землю падать и уйти, – но кроме этого мнения ему больше ничего позволено не было.

Тот, кто заботится только о будущем, мало чем озабочен; тот, кто заботится только о мгновении, не единожды заботится о мгновении, – и даже лишь о том, что длится сейчас.

После смерти человека на земле проходит некоторое время особенно благоприятной для умершего тишины, – земная суэта прекратилась, агония была не очень продолжительна, ошибка кажется устранённой, –

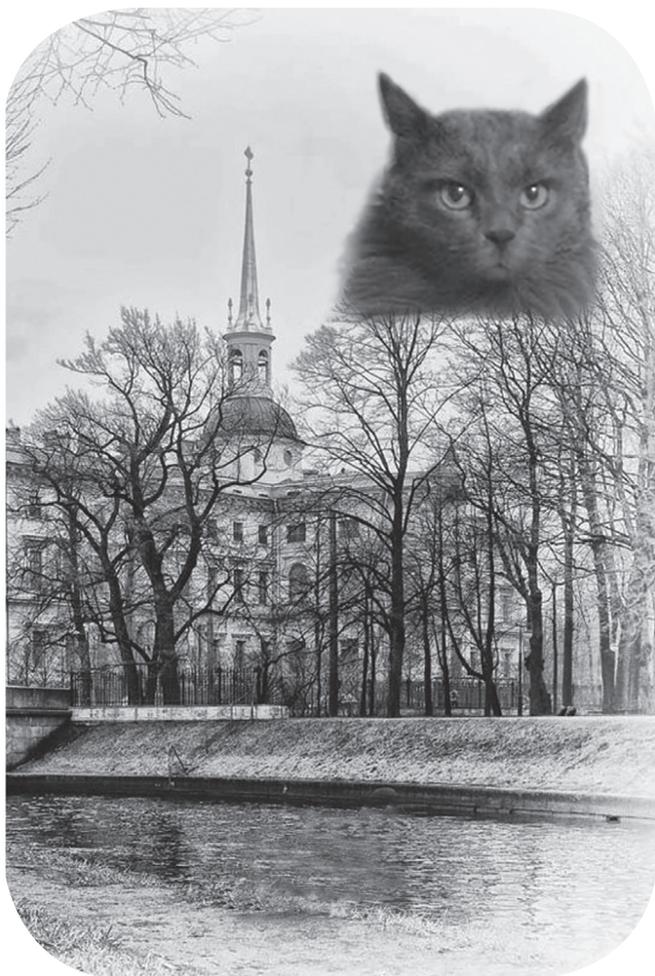
вот удобный случай для живых перевести дух, можно также открыть окно в комнате умершего, – и только потом все, конечно, приходят в себя, и начинаются боль и жалобы.

Он покидает дом, он выходит на улицу, конь ждёт, слуга держит его под уздцы, предстоит прогулка верхом по звонкой глуши.

Ошибка

Это была не моя дверь в конце длинного коридора, которую я отворил. «Ошибся», – сказал я и хотел было выйти. Но тут я увидел жильца, – худого безбородого мужчину с плотно сжатыми губами, сидящего за столом, на котором не было ничего, кроме одной керосиновой лампы.

***Виктор Р.
Вчера, послезавтра и послезавтра***

*Всем своим друзьям
с любовью посвящает эту книгу*

автор

часть первая

**Луций Гай Фабрицио
дель Фернандо Моногатари**

1

«он любил славу»

...встретил меня и пошёл звонить¹ по телефону; поговорив, опять вернулся ко мне и продолжил начатую² беседу.

Читает наизусть письмо девушки, которую раньше любил³. Она просит в письме вернуть все её старые письма: «Моя первая – первая и последняя – просьба к тебе; я ведь тебя никогда, ни о чем не просила». Хочет, чтобы никто никогда не прочёл этих писем.

«Затмение»: паломничество в Пушкин. «8 с половиной» – то же самое. Всё равно?

Пожалуй, ничего больше не известно...

И про лотерейные билеты, и про найденный сегодня в М.

2

Три девицы нагло хохочут: надо сказать им высокопарную фразу.

4-я: вид с лестницы: шумно швыряет соплю на пол; сама внешне симпатична и прилична. По её виду кажется, что ничего (такого) не случилось.

3

Происходил он из остзейских баронов, из недревнего и обветшалого рода. Сейчас, конечно, это роли не играло, но сам *** титулом своим гордился. Он порядком пообносился, но знали его многие: его имя открывало двери всех низкопробных салонов нашего города.

4

...Не нашли Ивана Ивановича?

– Нет, – и я сделал неопределённый жест рукой. – Он куда-то ушёл.

Но старушка, хитро прищурясь, основательно поразила меня, сделав своей сморщенной ладошкой перед самым моим лицом точно такой же неопределённый жест и сказав, почти не слушая (не слыша) моего ответа:

¹ мне

² до звонка

³ Очень сентиментален – до торжественности: «Её просьба для меня – всё!»

– Да! Он куда-то ушёл.
После этого она быстро встала и ушла.

5

О (---): «Ну такой, знаете... Гоголем ходит, на Добролюбова похож»⁴.

6

Человек с мемуарами на скамье. Рядом дама.
Читает их вслух, – она заглядывает ему через плечо и поправляет платье.

7

Белый Клык (отрывки)

[1]

Наступило утро. После ночной грозы весело чирикали воробьи. Мария Леонидовна с двумя чемоданами в руках вышла за калитку.

[2]

После взрыва я подумал:

Соберите меня я так не хочу у меня жена и дети где ты петя зачем ты это сделал надо спать спать я так больше не могу затылок чешется а почесаться нечем пальцы вон они где в кустах и из носу течёт как ты мария где ты петя где ты кусты а в кустах вова где ты теперь я не хочу хочу чтобы меня склеили вася приходи со своей коробочкой или нет не надо ты будешь грубить а я этого не люблю я джентльмен я хот я и разорван на куски а всё таки джентльмен полетят клочки по закоул очкам а я всё таки не хочу хочу не хочу а уже полетели кто меня приласкает такого о кто меня полюбит дайте мне перо и бумагу я буду писать письма друзьям я попрошу чтобы пришёл вася и склеил меня а потом я буду любить таню а ещё я буду любить мишу а ещё я поцелую сардан апала в лоб и губы я пойду купаться в дарданельский пролив я нырну и поцелую валю она засмеётся и будет тонуть я её спасу а потом она выйдет за меня замуж и у нас будут дети трое детей и я полюблю марию мария позови васю он меня склеит и я буду любить тебя так нежно вася ты ревнуешь вася склей меня я не буду любить марию ты её сам будешь любить а я буду любить нину марину и олю я женюсь на коле и у нас будет много детей и все девочки вася а вася васенька склей меня я напишу тебе письмо и всё объясню вася ты всё можешь у тебя есть паяльник что я хуже олова что ли вася я не хочу любить валю нину наташу га

⁴ Приписка А.В-ского: «Пушкин в своем роде».

лю олю таню и петю я хочу поехать в крым я там ещё не был а кто же меня такого туда пустит вася приходи скорее ох вася вася

Пришёл Вася и долго ругался. Я ему не понравился. Но всё-таки он взялся за дело и быстро с ним справился⁵. Я остался доволен, и он остался доволен. Мы оба остались довольны (друг другом).

[3]

– Вот, смотри: видишь бородавку? – спросил Вася.

– Вижу.

– Береги её. Она тебя любит.

– Хорошо. Я её тоже люблю.

– Ну вот и отлично! – Вася довольно заулыбался.

– Слушай, Вася, а чья это бородавка?

– Петина.

– А-а... Ты знаешь, я ведь думал, что моя.

– И твоя тоже.

– Вот и хорошо. Прекрасно! Я так рад!..

[4]

Выйдя на набережную, Соня захохотала (зажмурив глаза, она стала похожа на тыкву) и поправила платье.

Пролетела крылатая птица. Вода медленно качала тела Сони и Андрея. Где-то над ними висел в воздухе совершенно растерзанный Пётр. У него уже не было бородавки под носом, но (несмотря на это) он всё ещё был похож сам на себя.

Соня помахала ему рукой и яростно улыбнулась. Зажмурив глаза, она стала похожа на тыкву.

[5]

В середине августа Соня Мармеладова уехала на юг. Она обо всём догадалась. Это было ей к лицу⁶.

В Геленджике она купила себе восемь пар носков, пляжные (или банные?) тапочки и ружьё для подводной охоты: она хотела подстрелить куропатку.

Один за другим проходили долгие жаркие дни. Было очень сухо. Море сверкало. Летали чайки. Реяли орлы. Из-за скалы смотрел на морские волны Пётр Ильич. Он хорошо отделался. В конце концов, без рук тоже неплохо. А что такое нога? – Бессмысленная подставка!

Наступил октябрь.

8

Обычный вид китайского ландшафта...

⁵ довёл его до конца.

⁶ (подходило к её фигуре)

9

«Да. Мы – жестокие люди», – ответили мы.

10

Сегодня сбрил бороду и усы.

11

В том-то и заключается наша беда (наш удел), что мы всё понимаем, но ничего не хотим исправлять. – И не исправляем. Как исправить? и что?..

Сюда же: разговор с Николаем Ивановичем на трамвайной остановке.

12

Разочарование Н.И. – – Я со своими утешениями. – – Веселясь в Кавказском ресторане. – – Трудоустройство Николая Ивановича.

«Я давно уже заметил, что всё, происходящее со мной, как бы отражается на всех остальных, только в большем масштабе».

«Седина в голову, а бес в ребро, или Здравствуй, сумасшедший дом!»

Альтшулер и Галина.

Альтшулер: «Ты хочешь стать деревом?»

(Ф.Степун)

13

Ещё неизвестно, что скорее приводит к абсурду: пессимизм или оптимизм.

Например:

Вещь, которую ты потерял, могли украсть. Если ты потерял не вещь, а что-то другое, то – значит, увы! – у тебя её с самого начала не было.

– – И я требую от людей, которые хотят меня знать, чтобы они знали меня в обоих вариантах.

Сегодня ко мне приходил Александр Николаевич. Сначала мы долго пили чай, а потом пришли к выводу, что прежде всего нужно совершать поступки. Александр Николаевич мотивировал это своей идеей о воздействии автора на психологию масс. Я же – рассказал А.Н. о принципах естественной философии, как я её понимаю.

Кроме того, я рассказал А.Н. о теории новых жанров в литературе и о своих видах на «Цезаря».

Как и обычно, мы остались довольны друг другом.

Сегодня я подумал: «Тщательность – сестра абсурда».

Был Дмитрий Борисович. Играли в карты.

Ещё – заходил Николай Иванович и съел все сгущённые сливки, что у меня оставались.

Потом Дмитрий Борисович ушёл, а мы с Николаем Ивановичем заговорили о жизни.

Как и обычно⁷, Николай Иванович после разговора со мною ушёл очарованный и немного растроганный.

Последнее время мне всюду и всегда попадаются какие-то коротконогие люди! Прямо не знаю, что делать.

Выйду на улицу, а навстречу – коротышка. То есть не совсем коротышка: туловище-то у него, пожалуй, нормальное, а ноги – на тебе пожалуйста!

Стоял я вчера на мосту. Только что выпил чашечку кофе. Во рту, естественно, густая слюна. Наклонился, посмотрел на воду. Плюнул. Плевком, сходя с губ, был, вроде, нормальный. Пока летел – тоже. Но когда упал на воду – тут он сразу проявился во всей своей красе: так и поплыл, как упал: будто комочек ваты после зубного врача.

⁷ штамп?

Да и вообще – кругом сплошные неприятности.

Сегодня утром пришёл выпить кофе – это как раз от него у меня были такие слюни, – пришёл, значит, выпить кофе, смотрю, – стоит Пропилеев в очереди и не снимает своих тёмных очков. Мало того: хотел я отвернуться, мимо пройти – будто не заметил, – и скорей на улицу, а он мне прямо в глаза уставился сквозь свои тёмные очки и ждёт, когда я с ним поздороваюсь. Пришлось ему кивать – здравствуй, мол, многоточие.

(Этот Пропилеев когда-нибудь выведет меня из себя. Мало ему того, что он коротышка, так мне ещё кажется, как на него посмотрю, что у него и ножки слишком маленькие. Прямо скотч-терьер какой-то, а не человек! Добро бы, хоть голова была побольше, – так нет же, маленькая! Даже очень. Поэтому-то он и носит длинные волосы и такие большие очки. – И он ещё писателем себя называет! Да он – просто пародия на писателя, и то – в лучшем случае.)

И вот этот Пропилеев, выпив кофе (с лимоном), вышел на улицу и стал спрашивать закурить. Пришлось дать ему папиросу. И только подумайте! – Пропилеев даже обиделся, когда увидел, что ему дают папиросу, а не какие-то там его любимые сигареты. Но, всё же, взял, мундштук смял, как извозчик, и закурил.

К счастью, мне с ним недолго пришлось стоять, потому что подошёл наш общий знакомый Ряхов – тоже, надо сказать, фрукт! – и немножко разрядил собою обстановку. А потом он вдруг прекрасно поступил: предложил Пропилееву поехать с ним прямо сейчас за город, и Пропилеев мне на радость согласился. Тогда я, довольный, пожал им обоим руки (и Пропилееву!) и быстро зашагал в противоположную сторону.

Немного постоял на мосту... Но об этом уже сказано.

Потом гулял. Зашёл в несколько книжных магазинов; ничего, конечно, путного не видел. Потом походил по аллеикам вокруг Михайловского замка и часа через два обнаружил, что устал. Тогда я пришёл домой, улёгся на диван и принялся читать какие-то глупейшие рассказы. Читать было противно, но в то же время приятно. Я прочитал десятка два рассказов и уснул. Проснулся в четыре ночи, встал, съел два куса хлеба с маслом, выпил холодной воды, закурил и уселся за писание.

Сначала у меня ничего не получалось, но потом я разошёлся и выдал восемь строк. Но дальше дело всё равно не пошло. Тогда я расстроился, открыл свою серую тетрадь и стал описывать сегодняшний день.

Писал я медленно и всё больше злился. Пока я заполнил эти полторы страницы, успел выкурить почти полпачки папирос. Спички я всё время кидал на постель, а папиросы тухли отчаянно. Поэтому мне приходилось каждый раз вылезать из-за стола и на цыпочках ходить за ними по этому жуткому скрипучему полу. Ходил я, наверное, очень громко, потому что, когда я вставал из-за стола и с шумом двигал кресло, старуха-соседка начинала всхлипывать и стонать из-за стены. Но это всё же было немного лучше её протяжного храпа или булькающего сопения.

Всё же, но я успел закончить сегодняшнее описание и, хотя совершенно не хотел, лёг спать.

За последнее время со мной решительно ничего не случается, только постоянно и невыносимо болит голова. Наверное, я скоро совсем перестану записывать что бы то ни было...

Всегда во время прогулок я что-нибудь сочиняю, – иногда даже довольно длинные стихи, – но стоит мне сесть за стол, как я моментально забываю всё, что придумал минуту назад. Просто не знаю, что делать!

И голова болит всё время.

Сегодня все, кого я увидел в Катценгофе, как-то особенно и значительно переглядывались.

— всё это вместе взятое привело меня к тому, что мне уже всё равно, что читать. Я беру сборник современных рассказов или роман – ну, скажем, Апулея, – последний номер научно-популярного журнала или описание технических данных новой модели ротопринта. Мне всё равно. И то, и другое я читаю с одинаковым интересом. Собственно, даже не читаю, – просто смотрю перед собой, а на пути моего взгляда лежит раскрытая книга (журнал, газета, рукопись...). В это время я только и могу сказать самому себе: «Это – книга». Я проникаюсь уважением к печатному (или рукописному) изданию и чувствую, что мне с ним больше нечего делать: я всё понял. И я откладываю его (текст) в сторону.

Но книги и вообще всякое печатное слово всегда притягивают меня к себе. Мне интересно всё – написанное, переписанное, напечатанное... Часто я останавливаюсь перед К. и напряжённо читаю наклеенную на деревянный щит газету. Если газета свежая, то я только быстро просматриваю её. Если же ей несколько дней, – то тут я уже не отрываюсь, пока не прочту её всю целиком. Здесь, наверное, властно заявляет о себе история литературы.

Однажды, недели три назад, я был по-настоящему счастлив: на деревянном щите перед К. висели ключья старой газеты. Приклеены они были на совесть, и поэтому, очевидно, всю газету – если только хотели сделать именно это – сорвать не удалось. Оторвали же только несколько кусков по краям и из середины. Под самой верхней рванью была другая, а ещё глубже – третья и т.д.

Не знаю, может быть, кто-то хотел испортить постоянным читателям этого места настроение, разорвав свежую газету, или, может быть, этот кто-то отрывал для себя полюбившуюся ему статью и вошёл во вкус... Не знаю. Но мне эти драные газеты доставили огромную радость. Около часа стоял я перед решёткой

К., впиваясь глазами в газетные лоскутья. Слова обрывались на серединах букв и продолжались другими, начинающимися тоже с середины (букв).

Я долго стоял и наслаждался чтением.

21

Это вы, простодушные люди, стоите вокруг меня! Сколько же вас?! – – и т.д.

22

Каждый раз, приходя в Катценгоф и усаживаясь на скамейку, я вижу сидящего напротив пожилого, плохо выбритого человека в поношенном коричневом костюме. Этот человек, завидев меня, облегчённо вздыхает и, откинувшись на спинку своей скамьи, начинает с нескрываемым любопытством меня разглядывать.

Сначала он смотрит мне в глаза, потом в рот, на подбородок, потом переводит взгляд на плечи, потом он разглядывает мой живот – и так далее. Дойдя до ботинок, он, спохватившись, делает вид, будто разглядывает что-то у себя под ногами, но долго выдержать не может и снова начинает смотреть мне прямо в глаза.

Он уже хорошо знает всех моих друзей. Когда однажды я появился в К. вместе с Ряховым, он даже как будто еле заметно кивнул нам.

23

Позвольте заметить, что я помню то же, что и Вы...
Одному одно, а другому – другое.

24

забыл:

31-го у Ю.Г. был Л.Л. – Он только что вышел из больницы, где пробыл семь (семь!) месяцев.

25

У лауреатов Нобелевской премии есть привычка произносить при получении своей мзды речь.

Моя клетка снабжена телефонным аппаратом и электрическим освещением. Имеются также:

...обогревательная электропечь;
электрорампа настольная;
электрорампа;
электрочайник...

Жизнь моя представляет собой скольжение по наклонной плоскости. Внизу вовсе не так страшно, как кажется сверху. Здесь – очень интересно. «Интересно» – не то слово, но это всё равно. Здесь довольно много уютных тёплых местечек, – нужно только, падая, постараться угодить в то, какое тебе больше по вкусу.

То время, в котором я пребываю, относится к другой эпохе... Впрочем, всё это опять-таки не важно, а если говорить точнее, – «неинтересно».

Гораздо более интересные вещи можно прочесть в любом периодическом издании. Например:

«Самый болтливый в мире попугай умолк

Притти Бой (“Милый мальчик”), принадлежавший семье Линк, имевший словарный запас в 500 слов, поющий песенку “Счастливы день рождения”, способный произнести речь из 50 фраз, ни разу не сказав “значит” и “так сказать”, выступавший более 500 раз по американскому радио и телевидению и даже записанный на граммпластинку, скончался по неизвестным причинам. Похороны его состоялись на собачьем кладбище города Санкт-Петербурга (штат Флорида).

Убитые горем хозяева покойного с прискорбием сообщают, что потеряли на смерти Притти Боя по меньшей мере 25 тысяч долларов».

Или:

«Когда североамериканцы думают о Латинской Америке, она представляется им большим котлом с марихуаной».

Румынские же народные сказки хороши для эпиграфов и эпилогов:

«А было это тогда, когда этого и в помине не было. – «Кто поверит, тот значит и понял, что я вру».

Но лучше всех, конечно же, Гоголь:

«Голос в толпе: Эх, англосаксы!»

Кладбище отмирало.

– Стоит ли приписывать (снизу) примечания, приписывать нам чужие поступки? Стоит ли останавливаться посреди дороги, если вокруг никого нет? «Что это за упряжка?»⁸

⁸ подразумевалось: «углядка» (такая?)

– Укладывайте-ка-сь спать! Да не забудьте уложить вещи («в сенях»)… Долго вас ещё ждать?!

– Не очень.

28

Выключатель «отключается» и «раскалывается». Всех арестовывают. Не успевают помочь «скорая помощь». Побег. Их хватают, но не хватает одного. Его ищут: все «сбились с ног» и ходят «на руках» и «на головах». Все его осуждают, потому что он не явился даже в суд, чтобы узнать о судьбе товарищей. Тогда всех отпускают на свободу, а его хватают и начинают щекотать. Всем весело, но чего-то не хватает. Совсем как и нас! Совсем как и нас. «Как у нас – так и у других». Или наоборот. Важных людей не ведут за шиворот, а возят на легковых автомобилях. Перед казнью он подумал: «Я ещё подумаю…»

Название пьесы: «Цветы и аплодисменты».

29

Фортепьянное воспоминание начала века. Стихи: «Тоска былых времён».

Мы оба были неправы и знали это, но никогда не признавались друг другу в своей неправоте.

«Я снова вижу, как мы сидим друг против друга, Мари Лемиез и я…»⁹

В глазах моего собеседника я читал как в открытой книге.

«Когда я смотрю на кипящий чайник, у меня всегда болит сердце», – думает он. Я свободно прочёл эту фразу.

Но интересно (гораздо интереснее!), что он подумает через минуту? – Этого знать – я уже не могу.

«Никогда. Никогда…»

Продолжаю:

Мелкие личные заботы омрачали лицо моего собеседника…

– Сказал ли я, что мой собеседник – дама? Впрочем, это не существенно.

Дружба их была – водой не разольёшь!

Попробовали керосином.

30

Скользка и крута была панель уличная, шли по ней двое. Один – молодой совсем человек, почти не нужно ему было бриться даже; другой же – старше и…¹⁰

⁹ Жюль Ромэн.

¹⁰..был для молодого спутника своего – гуру.

И вот на обледенелом повороте поскользнулся гуру и... Молодой спутник его не успел руку протянуть, за локоть поддержать – слишком быстро падал гуру, метнувшись ногой по скользкому ото льда бугорку. Не сразу посмел молодой и почтительный спутник на упавшего посмотреть, – кольнуло его в сердце: гуру теперь – себя скомпрометировал... (Скомпрометировал себя или нет – а что-то неудобное, неприличное случилось с гуру). – Но всё же – медленно глаза скосил книзу и увидел: у ног его, у самых ног его гуру сидит – с удобством даже, боком – и большими умными глазами смотрит прямо в лицо молодому спутнику своему, – а глаза гуру – очи, очи! – широкие, в пол-лица, и – понимающие...¹¹

31

Помни всегда о своём микрокосме
и в зеркала никогда не смотри.

32

Четверть часа 1 марта

...посмотрев на небо, подумал, что необходимо записать: «Над крышами домов поднимался розовый, с гнильцой, закат», – но намерения своего не исполнил, так как – дремота, сладкая, моих, коснулась, глаз...

Оставалось около пятнадцати минут до конца службы.

И даже был сон, – сон, напомнивший мне кадры из «Прошлого лета в Мариенбаде», фильма, который мне всегда хотелось, но так и не удалось посмотреть. Впрочем, фильм этот я знал (по рассказам видевших его знакомых!).

– Мы шли по длинной улице, по обеим сторонам зарешеченной высокими сухими деревьями. – Мы – я и давнишняя моя знакомая, (в) которую я и т.д. – Моя спутница, «склонившись к плечу моему», внимательно слушала речь мою, плавно стекавшую с уст моих. Я же говорил, что путь наш проходит по местам, удивительно напоминающим кадры из «Прошлого лета». Она соглашалась, и утреннее солнце блестело на её улыбающихся мне губах.

Шли мы ко мне, но...

улица кончилась, и – что-то кончилось и оборвалось и во сне.

Я сворачивал, минуя благодаря сну сразу несколько кварталов, с Кленовой аллеи прямо на Малую Садовую. Рядом со мной шёл Александр Николаевич.

Внимание наше привлек автобус, стоящий около молочного магазина, – вернее, не сам автобус, а то, что происходило рядом с ним, и в чём он (т.е. автобус) косвенно участвовал.

¹¹ Примечание. Это случилось на самом деле: я поскользнулся. Поскользнулся, но не упал, – и не на кого мне было смотреть умным взглядом своим: один тогда шёл я.

Происходило же следующее. Двое милиционеров втаскивала в автобус девушку, – а лучше сказать «грузили девушкой автобус», – поднимая её на длинном и широком шарфе, пропущенном у неё под мышками. Всё время девушка эта была безмятежно спокойна, и глаза её были закрыты, как и лицо. – Так же, как бывают закрыты глаза: сами собой, сами от себя самих.

Мне показалось очевидным, что девица эта была пьяна, и я с негодованием (продолжая разговор) сказал об этом А.Н-чу. Но А.Н. не поддержал моего негодования и даже возмутился им, ответив мне с сердцем в голосе:

– Но разве ты не видишь, как она держится?! Ведь это же объясняет всё, что – –
– он, к сожалению, не договорил (вернее, я не дослушал), так как пятнадцать минут кончились, а вместе с ними и служба...

34

– Извините! – сказал он с возмущением. – Уж этим-то – я никак не занимаюсь!..

35

Как на экране кинематографа, дёргаясь, иногда совсем исчезая (плохой проектор, дефекты ленты и пр.), но обязательно появляясь снова и снова, мелькало напряжённое, сосредоточенно-задумчивое¹² лицо Николая Ивановича.

– Отсюда и досюда я живу, – показал он рукой по сторонам. – Далее – я уже только существую...

В узких пространствах телефонных будок, медленно шевелясь и – неестественно медленно – покачиваясь, плавали говорящие люди.

36

И ещё раз: он любил славу. Он всё-таки любил её.

37

Александр Николаевич мочил себе ноги (ниже колен) одеколоном.

– Когда упадут мне в ноги, – пояснял он, – удивятся...

¹² недоумённо, недоумённо вникающее в свои тайные мысли, – тайные мысли? – – свои, – тайные мысли...

Поэт-беляк, поэт-гурвич, поэт-кривулин, поэт-трифонов, поэт-шир-али...
Поэт Вензель.

– от мужчины тянулась тонкая длинная трубочка: по ней перетекали в её организм лёгкие, ещё во многом несовершенные эмбрионы.
Мне показалось, будто П---н сказал: «Яички с яблоками».

Главное действующее лицо кинофильма – фотография, неподвижно висящая всё время действия на стене.

...представить себе человека, которому не осталось больше совершенно ничего, кроме как переписывать или перепечатывать на машинке клочки газет¹³, найденные в уборной, или воровать письма из почтовых ящиков... Но письма – это уже праздник! («Будет, мол, и на нашей улице праздник!»). – Больше ни на что никогда, – и он это знает сам.

«Я хочу полюбить девушку»¹⁴

Название книги: «Analgin». Или автор (его имя).

Оказывается, – личность моя складывается из цитат и высказываний различных авторов... Вернее: высказывания различных авторов и цитаты из их произведений являются не чем более, как выявлением м о е й личности.

Я не хочу больше писать на этой странице.

¹³ см. дан 20.

¹⁴ В.Б. Кривулин.

Изобретается всё больше и больше парфюмерных новинок. Например, – духи для миллионеров: запах бумажных денег.

Можно и самому кое-что предложить: духи для писателей должны пахнуть бумагой (дубом, сосной...), для редакторов или издателей – старой газетой, и т.д.

Самые изящные духи – для женщин: запах тела; это самый верный (не лживый) запах.

Когда я случайно прохожу по улице вблизи молодых женщин, мне кажется, что они пользуются этой новинкой.

В один из дней своей жизни, всегда протекающей в тёплой дружественной обстановке, я вышел из дома, и меня сразу окружила живая писательская среда.

Всякий, даже самый неискущённый в анатомии, рядовой человек великолепно знает о естественных отправлениях своего организма.

Зал № 239.

Франсиско де Сурбаран (1598-1664)

Распятие.

II-я половина 1650-х гг. ?¹⁵

— — — — —
Дневники, записки Стендаля...

«Опустите, опустите скорее мои веки!» – – Добрый Вий¹⁶.

V.O.Petrinin's midnight.

¹⁵ 1975. Новая легенда: «Исполнено во II-й половине 50-х годов».

¹⁶ (подумав о себе).

В порыве ветра она (лист драной бумаги) как кошка вскарабкалась на дерево – и сейчас же спрыгнула обратно.

Др¹⁷ = Dr?

«Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо...»

К.Николаев.

ПСОГЛАВЕЦ.

Четвероглавие, Псоглавие... – Названия книг (текстов).

«6 августа сего года я впервые посмотрел на небо и [не смог найти ничего, кроме] увидел Большую Медведицу», – такими словами я начал письмо вместо обычного «здравствуй».

Говорят, что одна из звёзд М. называется Полярной?¹⁸

Люди прошлого (старые знакомцы).

Что значит: «книга переживёт»..., и что такое – «пережить книгу»?

Я этого не понимаю.

Евклид. Апология, или Как я делал Геометрию.

Итак, в ночь с пятницы на субботу (с 30 на 31 октября) наступила зима. Утром на всем видимом из окна пространстве земли и асфальта лежал слой жирного белого хлеба. (Я оговорился: снега).

¹⁷ Birthday.

¹⁸ Не кончено. – Зачем?

Здесь я всегда говорю о себе в прошедшем времени.

Но несмотря ни на что через день вместо 1 ноября наступило 1 марта и вместе с ним – весна.

Снега растаяли и превратились в журчащие ручейки. Солнце слепило глаза. Я шёл по улице. Облака проносились по небу, задевая иногда верхушки деревьев.

Да и почему бы не быть весне? – Деревья стоят ещё совсем зелёные, а если и попадают голые, то рядом с ними валяются опять-таки зелёные, совсем свежие листья.

На фоне весны («портрет Весны в оконной раме») я закуриваю и щурюсь, глядя на небо. Вот из-за крыши выпархивает птица и, тряся своими крыльями, улетает вдаль. Всё как обычно. Я сижу на диване и тасую в уме разнообразные мысли. Какая выпадет (на мою долю)? Это меня сильно занимает. – Вот! выпала цитата (из А.Бретона): «я говорю навсегда». – Но нет... это сказал я сам, – выпала только фамилия предполагаемого автора предполагаемой цитаты.

Только что я потерял мысль на целых две страницы (пока писал). – В последнее время, к сожалению, память всё чаще и чаще изменяет мне.

Я ещё многое помню. Например: Николай Иванович родился 14 марта 1947 года в г. Бердичеве. Но – увы! – стал забывать то в основном, что касается меня непосредственно самого. Я ещё помню, что Боккерини звали Луиджи, но уже забыл, как звали Сенеку. То ли Луций Аней, то ли Луций Гай? А может быть, и как-нибудь иначе...

Да! Последние дни, часы и недели я стал замечать, что память всё чаще мне отказывает. – Увы, сплошное бельканто!

Однажды, год, наверное, назад, я хотел описать шкаф, но у меня ничего не вышло. Впрочем, я даже и не пытался (описывать шкаф, даже не начал...).

...Всякая литература находит своего читателя, но не всякий читатель находит свою литературу. Так например, А.М. пишет совсем не то, что ему следует. Я много раз пытался объяснить ему это, но так и не сумел. – Не верит! что поделаешь...

Также: не место красит человека, а человек место. Но – и это очень важно – не всякий человек всякое место красит. Многие думают иначе и наоборот. Например, Н.И., поступив на выучку в редкую отрасль Ун-та, так заважничал, что все наши общие знакомые стали над ним смеяться. Николай же Иванович этого не замечает и продолжает важничать. Лицо его по этой причине становится всё краснее и краснее. Когда я встретил его последний раз на улице, цвет почти уже не отличался от моего теперешнего почерка¹⁹.

И всё-таки сейчас весна, несмотря на то, что уже 4-е ноября.

Со следующей фразы начнётся описание моего путешествия по железной дороге.

¹⁹ Я пишу сейчас шариковой ручкой, странной, почти бордовой пастой.

...Меня долго мучила мысль: можно ли считать электропоезда и настольные лампы достижениями человеческой мысли? Я так и не нашёл ответа на этот вопрос.

И.М. сказала, что присоединяется к вышесказанному (вернее, вышенаписанному), так как тоже не нашла и т.д.

Однажды²⁰

..... великолепные плакаты, обычно висящие на перронах пригородных станций и городских вокзалов. Молодые румяные люди с чемоданами в руках прыгают с платформ на рельсы, прямо под приближающийся поезд; пожилые пассажиры с рюкзаками за спиной, всегда похожие чем-то на героев детективных романов, падают, нелепо раскинув холодеющие руки, из дверей быстро мчащихся электричек; юные стройные девушки (все они спортсменки, не иначе), спеша

.....
(Читатель мой вправе, однако, спросить меня: кого я считаю героями детективных романов? – Но оставим это. Бог с тобою, милый читатель, не ходи по железнодорожным путям.)

...Я-то, весна или что другое, думаю своё: Эрик Долфи, Эрик Долфи...

54

Читал я «Историю моего знакомства с Гоголем»... В этом мне нельзя отказать. Да...

55

– Miss Mistake, I break down...
– Let me be!

56

опера «ля Кало».
дир. – Фаллилео Фаллилей.

²⁰ Вот отсюда начинается описание моего путешествия.

О современной русской поэзии Василий Кириллович Тредиаковский сказал:
Хлои к мученицамъ писму.

«Утки с яблоками – 3

Паштет из печени Прометея – 3

Салат – 3...

– Возраст мой... Возраст мой – десятыя годы нынешнего века.

...Грибы – 2 (якобы волнушки)

Шампиньо. 1

Маслины – 2...

А мы и попишем. Такого понапишем! Будет вам ужо Юрьев день, засранцы проклятые!

...Цинандали – 2

Мороженое пломб. с фрукт. – 1...

Э, нет! я свои мысли записываю, – мне своих хватает. А ты помалкивай, заобойный шуршатель!

...шпроты × 3

Минеральная вода...

– На карьере моей поставлен крест. Это ясно, – сказал он в туалете.

...Сливки × 2»

Назавтра началось следующее число.

На будущей неделе, говорят, начнётся следующее число.

– Это будет понедельник?

– Ещё неизвестно, милай... Кто ж знает-та!..

«у пушкинского читателя увеличиваются лёгкие в объёме»²¹

Обращаюсь к стопке исписанной бумаги:

– Любезная сердцу моему Г.!²² Позволишь ли ты – –

²¹ В.Набоков.

²² Г. = Галатея. Пусть будет так, читатель; читай «Галатея», – хотя для меня этот глаголь означает совсем другое, а именно: галерею, – галерею мелькнувших когда-то лиц, галерею при-, пре- и про- (ис)ходящих идей...

(...) – – первый из них – самый яркий? – стоит передо мной, громко говоря что-то, в потёртом своём костюмчике защитно-стального цвета, воротничок которого – неминуемо! – скручивается в трубочку. (Для чего: смотреть? курить? – Оставим). Одинокий разрез пиджачка, разделяющий «фалды», разлетающиеся (или: ползущие, – но тогда дальше не так) в разные стороны, как бы ставшие сюртучными: увы! причина тому – слишком толстый зад, туго обтянутый широкими и – ниже, гораздо ниже! – мятыми брюками. Но не это главное. Гораздо важнее вся его фигура, всё тело, словно состоящее целиком из колбас²³. А глаза! – Боже мой! – собачья внимательность...²⁴

2-й. – Его походка – –

Бывает наглым и грубым – никто не верит, да и сам себе не верит: не то, не то! – Пытается ласкать (и сам себя тоже): опять не вышло – слишком, чересчур – опять не то.

Блуд.

3.

Забавно ли выглядит повешенный Кривулин?

Очень неприятно даже про несимпатичных, – более того, отвратительных людей, – писать такую, хотя и правду²⁵.

Примечание²⁶

Это, читатель, не черновики и – тем более, читатель, – не афоризмы. (Я ведь, читатель, не Лихтенберг, – у меня другие дела). Это, читатель, – главы, или, по меткому выражению Кэнко-хоси, даны. А впрочем, читатель, зачем тебе это? Я себе пописываю, а ты себе знай почитывай, – всего и делов-то.

Человек движется только и всегда по прямой линии. Я вижу эту линию. Я вижу эту линию. Она начерчена здесь.

Сквозь грязное стекло не видно домов. Видны только освещённые окна.

²³ Оговариваюсь: это не реминисценция из Л.Л. и даже не Трэддлс, хотя помню и то, и другое. Это – всего лишь факт. («Хотите верьте...»)

²⁴ ..к колбасам, к сосискам, к котлетам... Ищет и не может найти.

²⁵ Отвратительны – не все. (Часто – игра случая).

²⁶ т.е. Предисловие.

Ошибся в цифрах этого года. 20 ли мая или другой июль? – Неожиданно прорастает откуда-то из глубины (глухой глубины) меня и разрастается, ширится: вот уже захватывает – и уносит. Только так. Прорывается.

Есть два образца. Белый – второй. Только второй.

Всегда есть первое и второе. Что главное? – Только первое. Но всегда и второе.

Наконец-то я дожил до слов «только» и «всегда». Может быть, – э т о главное. Эти слова.

при писании в дороге – строчки прыгают.

В трёхстишии – третья (нерифмованная) строка должна мерцать.

Проклятый прошлый²⁷ год!

Есть некоторые слова... – Я обрываю, потому что не знаю, как продолжить фразу.

Иногда я думаю (молча произношу) какие-то слова, – и сразу вокруг – светлеет: солнце вспыхивает.

Только что я сказал: «река Сансара», и – – вспыхнуло, упали лучи на старую, уже, конечно, не действующую церковь... Кирпичи из-под обсыпавшейся – штукатурки, замазки, – как там? – – заблестели на свету.

Я не знаю, что это – река Сансара²⁸... Но всё равно: I've got a feeling.

Январь, скоро середина, а уже солнце, весна... Лужи на асфальте, и деревья, хотя совсем ещё без листьев, напряжинились, окрепли. – Всё это неточно сказано, но что же делать?

Иногда не нужно точнее, чем есть.

Природа – другое дело, а люди к весне затаиваются, стараются даже почти не дышать. Многим удаётся.

(Вот и сюжет для романа, – надо только развить.)

²⁷ Я имею в виду именно и только тот, прошлый, кончившийся три дня назад.

²⁸ Знаю, Господи, знаю!

Отныне я отменяю все свои предисловия: и вышеследующее, и это, и любое другое.

Игра в бисер... Кстати, к вопросу о бисере — одна из песен Харрисона называется «Piggies».

— Как иногда останавливаясь перед картиной или на только что прочитанной строке. Или увидев нечто такое, чего не хочешь и думаешь, что не можешь, забыть. — «Да, больше ничего и не надо».

Особенно в искусстве (т.е. в творчестве): остановиться — и это всё.

Хочется, чтобы и в жизни: когда-нибудь остановиться и навеки неподвижно замереть (или на минуту, на секунду хотя бы, всё равно...). Но никогда не останавливаешься и проходишь дальше, а потом с нечеловеческой тоскою вспоминаешь что-то, и не знаешь, что это — это «что-то» — и когда оно было. И тут же думаешь: «Нет, нет... Это не то! — Остановлюсь; вот, сейчас, — или... завтра, только проснусь, — завтра, завтра...»

И тут же понимаешь, что всё — ложь, и не было ни этого вчера, и не будет завтра, но всё равно, — вспоминаешь, вспоминаешь, как будто в этом всё твоё спасение, пытаешься поймать... — Что? время? факт? — Не знаю, но ловлю.

И так всегда: вспоминаешь, вспоминаешь... «И всё так».

Попытался сформулировать поиски не утраченного, а ? времени.

Если не сопротивляться (ничего не изменять, оставлять всё так, как есть) —

Когда мне плюют в глаза, я начинаю видеть мир, учитывая личность плюнувшего: его плевков — часть его плоти; направленный в меня — выражение его воли;²⁹ — а, следовательно, плевков этот (можно сказать) — сам плюнувший, его «я». И я смотрю на окружающий мир сквозь него, — его глазами. («Если не сопротивляться» и т.д.)

²⁹ (пропуск)

72

Обычно: Кто? – Бог.

Атеист: Что? – бог.

Но обе постановки вопроса (или любая другая) ничего, в сущности, не меняют: всё остаётся так, как Есть.

«Встреча с Годо». Пьеса не-абсурда.

73

Сегодня, выкурив ртом папиросу, я

74

..... сидел за столом и изо всех сил что-то писал. (Он) подошёл сзади и заглянул через плечо — —

75

Что-то есть в этом ненастоящее, — но что?

Вот так — сидишь и ждёшь, пока не зажгут фонари, так и ждёшь. И ждёшь, и ждёшь...

76

К старости я понял, что во мне есть: детскость.

77

17.3.71.

Утром, просыпаясь, мучительно вспоминаешь наступившее число, чтобы записать его сверху (здесь, в левом верхн. углу): всё должно быть строго документально, т.к. всё — факты. И только факты.

I) Малгожата Семиль. О хеппенинге без комментариев. «Театр», 1968, № 2. С. 157-162.

Арто: «Театр должен содержать всё, что только может произойти на сцене, независимо от написанного текста через связь театра с возможностями всех форм выражения, со всем, что относится к преобладанию жеста, звука, краски, движения и т.п., театру возвращается его первоначальное направление зритель находится в центре, зрелище окружает его со всех сторон образ и звук являются постоянными; крики и шумы выбираются прежде всего из-за их звукового качества и только затем с точки зрения того, что они представляют».

Дж.Кейдж: 4'33"

М.С. (компилируя):

- 1) Освободить ис-во от эстет. барьеров и впустить в него «ядрёную и сочную действительность».
- 2) Уничтожить пассивность публики³⁰ и способствовать её участию в создании ис-ва.
- 3) Создать общественную и критическую функции ис-ва, содержание которого перестало доходить до потребителя, ибо произошло пресыщение культурой.

...) имитация жизни действительность – постоянная изменчивость движение, множественность происходящих явлений ряд элементов...

Кейдж: «задача хеппенинга есть принятие жизни без попыток упорядочить хаос и без добрых советов».

II) Л.Щепилова. О хеппенинге с комментариями. «Театр», 1969, №5. С. 152-157.

Эл Хансен: «Я думаю о хеппенинге как об ис-ве нашего времени». «Суть теории хеппенинга и центральная мысль и философия его творцов – идея слияния ис-ва и жизни. Как и жизнь, хеппенинг – форма ис-ва правдоподобия и случайности. Физические действия, продукты, отдельные предметы, звуки я объединяю в хеппенинге как результаты жизни, в которой я живу».

А.Капров: «ис-во идеи» или «литературный совет»

(Например:

«В Токио идёт дождь».

«Красный свет на Бруклинском мосту».

«Наполните стакан водой через два дня».)

Роберт Витман: «Вещь, которая интересует меня более всего в театре, – это возможность использования времени. Время для меня – нечто материальное. Мне нравится обращаться с таким образом. Оно может быть использовано, как краска, пластик или любой другой материал».

Хансен: «Лучшая стимуляция энергии хеппенинга идёт от анархии». – «Для нас неожиданность не угроза, а желанный гость. – «Природа хеппенинга –

³⁰ – Если не удаётся уничтожить пассивность, то уничтожать самоё публику, – физически. (Автор).

факт». — «Я думаю, что многие вещи, случающиеся в хеппенинге, одновременно восхищают публику и внушают ей страх».

79

В одном из писем к Рэй Чарлзу О.Мандельштам писал: «Играй же на разрыв аорты...»

Современная серьёзная музыка?.. А! знаю — Хендрикс, Мэйлл, Винвуд, Боб Дилан... Элвин Ли...

80

день X, — о нём.

81

Фонарь, редко покачиваясь, освещал отведённое ему место. Тень столба быстро расширяющимся треугольником бежала по слякоти: луч тьмы в светлом царстве.

«Опыты»: Мишель Монтень, Джими Хендрикс...

Навстречу — девушка. Ощущение только что купленной и ещё не разношенной вещи. Всё в ней «блистало новизной»: новое платье, новая сумочка, новые туфли, грудь, волосы, ноги, руки, пле... и т.д.

82

Географическое (даже в пределах города и его окрестностей) положение может сказать о человеке очень многое.

Теперь я могу заявить — публично, кому угодно в лицо, — что принадлежу к людям второй зоны.

Мои районно-географические сокастники вряд ли задумываются над своей принадлежностью не только ко второй, но и вообще к зоне как таковой. Я же — задумался (и давно), и теперь говорю о себе: я — человек второй зоны.

Две хорошие пословицы:

«Познай самого себя» и «Всяк сверчок знай свой шесток».

Иными словами: знай своё место. — Знай свою dharm'у, собака!

Очень часто, долго кружа «вокруг да около», мы приходим наконец к известному с самого начала (казалось бы!) и, как мы поначалу думаем, пошлomu. И так, да не так...

Читать Гоголя со смирением. Со смирением же читать и «Ле-цзы».

Нравоучительные тексты можно встретить всё реже, – но: кое-что всё же есть. Да и останется.

Я знаю, что такое отказ. Теперь мне хотелось бы испытать на своей шкуре отречение от чего-либо: никогда ни от чего не отрекался по-настоящему (полностью и безвозвратно); и вообще, – что это такое, «отречение»?

Хочется знать: можно ли, например, отречься от предмета («вещи в себе») или явления природы? Или это только – –

(больше не хочу об этом).

Странный сумбур...

Что это? отказ от какого-то круга идей? потеря трудоспособности (если не сказать вдохновения)? Или потеря того (чего?), что могло бы быть моим двигателем? Успокоение? но тогда – вечное, долгое или только «сейчас»?

– Может быть, наоборот, подъём? – Нет?..

Так и вьётся, так всё и вокруг...

Очень хочется – мучительно, невероятная потребность! – сказать крайне лаконично и глубоко, отвечая разом на все возможные вопросы, – – как, например: описание природы. Сказать: «Снег». Точка. Конец. – – Или: «Пространство ночного неба». Точка. –

– Нет?.. Тогда не знаю... Впрочем, чувствую: почти.

Иногда с необыкновенным удовольствием перечитываю (даже – читаю!) мною самим писанные тексты. – Честное слово, – сильное чувство! Так, мне сильно нравятся Параллельный Текст. (Оговариваюсь: недостатки я тоже замечаю, – их знаю).

Недостатки текстов (теперь уже не о себе) я могу обнаружить сразу. Иногда делаю вид, что не замечаю, иногда сознательно – как это сказать: пропускаю? пролистываю? – неудачные места, потому что ищу в тексте совсем другое.

Можно ли меня за это винить? Или за то, что всегда могу найти недостаток?

(Однажды я сказал, что нет ничего такого, что могло бы прийти мне по вкусу, вообще ничего, – – и тут же покрылся холодным потом: а вдруг не солгал?!)

Здесь хватит. Только напомним ещё раз:

– Эрик Долфи. Долфи, Долфи!.. Господи!

Стоит мне вписать примерно две страницы или написать хотя бы одну-две удачные строки, – как чувствую, что опустошён до предела.

Брожу ли я вдоль каменных заборов,
вхожу ль на груды битых кирпичей, –
всегда я остаюсь – –

– Да, это так, так, так. Невысокая каменная стена, освещённая тремя всего лишь тусклыми фонарями, – полумрак. Вот здесь и приходится ходить. А больше нигде, – да и некуда. Мучительно ждать, пока наступит рассвет и можно будет потушить свет, – когда настанет настоящее освещение. Это очень важно: настоящее, – иначе – правильное. Тогда и всё будет таким же (я надеюсь, что так).

А пока – кирпичная загаженная стенка и не растаявший ещё грязный снег двумя-тремя кучами, придавленными грязью же, – окурки, пыль, глина, обломки...

Будки диспетчеров (читай: сторожей), или Курсы одиночек. И так уже полтора года; больше... Раньше где-то было записано: «так и ждёшь, пока не зажгут фонари...» А время, время...

Для того, чтобы отделить один текст от другого, необязательно начинать новую страницу или тетрадь, – достаточно изменить цвет чернил или почерк.

Очень немногие понимают сейчас истинную сущность прозы, да ещё и «современной». А по-моему, просто: соединяй. Соединяй соединимое, уже воссоединённое или вообще несоединимое, – и дело в шляпе, как сказал Барков Сумарокову многогочие многогочие.

Ещё совет:

– Писатель, ты не тюбик с зубной пастой, – не выдавливай из себя на бумагу. Держись попроще, поскромнее, поталантливее, понезаметнее, но без (не без) наглости. Не очень вдавайся. А лучше, – совсем не. Будь как, скажем, я – и всё тут.

А сколько лет, я сам... – Боже мой! И до сих пор не сказать о Долфи.

К.К.К³¹ = Константин Константинович Кузьминский.

Или: Кузьминский есть Кузьминский есть Кузьминский.

Итак, дорогой К.К., я всё, оказывается, помню и всё могу, выходит, записать.

Смешные, к слову, бывают аббревиатуры! Например: Журнальное Объединение Полевых Астрономов.

Три примерно дня назад я был в гостях у М-ва и – в который раз! – подумал:

³¹ т.е. Ку-Клукс-Клан.

ну зачем ему столько пластинок?! – Я спросил его. Оказывается, все нужны, все любит, все слушает.

(С одинаковым удовольствием? Что же – все они для него одинаковы?)

Jimí Hendrix. Его первый диск. «The Wind Cries Mary» etc.

«Радио Люксембург» по ночам. Новые вещи Маккартни, Харрисона, Леннона...
Бывает Винвуд (крайне редко); Дилан. Часто – Джетро Талл.

(Мне обещали чей-то диск под названием «LSD»!)

Майлз Дэвис + «Кровь, Пот и Слёзы». – Новая запись.

Часы идут и идут. Скоро дойдут. До кондиции.

«Как поживает Э.?»

И. сидит дома в кресле со сломанной ножкой и дуется.

Как мне научиться не опаздывать? Как?!

(вспомнил С.):

– «Сучья пища» – только так «Bitches Brew» и переводится. Как же ещё-то?
...а New Grass теперь в Ист-Ривере проросла...

86

Да, всегда, да, каждый раз начинаю писать с одного и того же места. А вы говорите о чувстве пространства... Вот оно, это чувство: всегда с одного и того же места, с одного и того же. – Как будто невозможно сдвинуться, сползти хотя бы, с «некоей точки»³². – Да: на самом деле невозможно. Некуда.

...наркотики унесли одного из нас, но зато привели трёх других.

– Странные, гм, двусмысленности!

– А я их не боюсь.

Действительность. – Вот она, действительность! –– Время. – Вот оно, время! ––
Пространство. – Вот оно, и т.д.

– Но действительность...

– Не проще ли составлять прямо реестры?

– Проще... А может, и нет...

87

Решил каждый день записывать, где был и что сделал. («Дневник писателя»).

«Первая книга коанов», «Вторая книга коанов», «Третья...» – – и т.д.³³

³² Кафка.

³³ Названия (подзаголовки) моим книгам.

Когда я пишу, мне уже трудно помешать. – Вышел уже из того возраста, когда можно было... Да.

Последний год я много читаю.
На днях прочёл Воннегута. Такие дела.

Да, с того же самого места я всегда и начинаю. Откуда же ещё начинать, хоть и торчишь в третьей — — —
Не работает голова и больше никогда не будет работать.

Хеппенинг всегда должен происходить абсолютно свободно: «Для нас неожиданность не угроза, а желанный гость», – это и я мог бы сказать.

Но всё же стоит подчинять это действие замыслу, хотя бы для того, чтобы сказать именно то, что говорится в процессе «говорения». Поэтому любая неудача при осуществлении хеппенинга – не более и не менее, чем реальная жизненная трагедия.

Я очень хорошо понимаю Хансена, заплакавшего, когда у Джима Дайна крошился во время действия мел, и он не смог написать на грифельной доске тех слов, что должны были – по сценарию – быть написаны...

...прочитан также и эпохабный роман В.Н-ва.

Окурочок поскользнулся, упал в лужу, вымок до костей, простудился, заболел и умер. Не будем об этом забывать.

Всё, что волнует (если можно так выразиться), – это: что и как писать.

³⁴ см. дан 89.

Задаю себе ключ. Здесь нет никакой («ложной скромности»). – Я прав?

Не знаю, стоит ли об этом... – Как-то слушал «Abbey Road», и под «I want you» на моём подоконнике совокупились пара голубей. Неужели и птицам «свойственно чувство прекрасного»? – Власть музыки...

Как часто мы используем своё тело отнюдь не по назначению!..

94

Вмещение информации – как её вместить? надо ли? – Приходится...

Не то, что раньше: в одном доме (две-три комнаты) – и всё. Всё – там. И всё так. Как теперь уместиться самому? В этой информации, что ли?

Легче, конечно, самому представлять информацию собой, чем информацией представлять себя... – Но что делать!

«Вам почерк, что ли, мой не говорит ни слова?..»

(Всё чаще моя рука вырисовывает: «что ли», «что ли», «что ли»...)

95

И всё приходится вертеться в тех немногих словах, что мне известны...

96

Ночью, в темноте, сухие жёлтые листья светятся (постепенно светлеют и начинают светиться)...

97

Тут-то это и случилось.

– А что же было дальше? – спросил White Knight.

Собеседник молчал.

– Да я же всё время только об этом и толкую, только об этом и говорю!..

– Что «роман»? Роман – это я, а я – это роман. Все дела.

98³⁵

– Ну да, вот так и пишу, и пишу, и пишу, – а потом падаю (пока не падаю) – мордой об стол...

– Об рукописи?

– Ну да...

³⁵ My Den, или Из интервью.

Последнее время я постепенно окружаю себя Пушкиным.

99

«О ком же это?»³⁶

100

Это не я написал, – это написано мной.

О Хендриксе:

Вполне заменяет мне собственное творчество, да.

Что же, попробую поглазеть перед собой, – может, получится?.. Может быть, получится? – может быть...

Пропущенная глава (76а)

Как же (что же) ещё писать дальше, если только и осталось, что этот снег перед глазами? – Некуда дальше.

33

... и всё-таки всё было вчера... – Что? – И послезавтра. – Когда? – И послезавтра... И послезавтра всё, может быть, кончится.

Но надо быть кратким. Надо быть лаконичным. Надо быть лаконичным, лаконичным и ещё раз лаконичным. Лаконичным, кратким и лаконичным, всегда сдержанным и немногословным, лаконичным и кратким, кратким, кратким, кратким кратким кратким кратким кратким кратким кратким кратким и лаконичным и вчера...

...лаконичным и лаконичным и кратким –

– – вчера ли? –

кратким и лаконичным – –

послезавтра? – да – –

– кратким и лаконичным лаконичным и кратким кратким кратким.....

– ...и может быть послезавтра.

к о н е ц

1969 – 1971

³⁶ строка, представляющая собой предпоследний дан Параллельного Текста.

часть вторая

ФоноТетрадь
(отрывки)

Вторая часть книги осталась не завершённой автором. Несколько «данов» (или «фонограмм») утрачены, вызывает также некоторое сомнение последовательность записей. – Мы, следуя рукописи, избрали по возможности хронологическое расположение материала. Кроме того, нами на свой страх и риск введены в Приложение I два стихотворения и составленный нами цикл стихотворных и прозаических фрагментов, сохранившихся в бумагах автора.

В.Э.

Начнём сначала. – Новая глава? Гамсун?

Во всяком случае, – вторая ступень.

С одним покончено (покончено?) – – надо жить дальше.

Очень стало спать тяжело. Талант утрачен на это. – Надо вспоминать. Это вернее.

Вот предисловие, или, как говорится, «От редакции».

На слово никому и ничему верить не хотят. Поэт волею или неволею должен быть педантом или Кесарем: писать комментарии на самого себя и на свои дела.

П.А. Вяземский.

Пища, которую вы так отбираете, превращается в кал, а напиток – в мочу, постройка же становится развалинами; похвала – это мимолётный ветерок, она роняет мужество, она – глупость, которая развращает, она – звук, который пропадает.

аль-Джахиз. Китаб аль-бухала, 195.

Но автор умеет говорить не об одной природе.

И.С. Тургенев.

Песок, груды камней и рытвины – вот что предстояло нам.

И.А. Гончаров.

Ваша судьба с вами, наша судьба с нами!

«Фольклор эвенков Якутии».

– Ничего, грит, товарищ, лишь бы тебе было ладно, а мне давно ладно...

«Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова».

Он засмеялся вдруг... хорош ли его смех? Трудно разглядеть предметы...

Н.Г. Помяловский.

– Я знаю, где нахожусь, – ответил он, но больше не сказал ничего, и я оставил его в покое.

Г. Мелвилл.

ф. 2

К старости он начал глохнуть и тупнуть¹.

А в области Хорезма, по дороге в Саджсин, на расстоянии восьми фарсахов от Хорезма, – чудо. Там в горе – большое ущелье, а в нём – высокий холм. А на холме – постройка вроде мечети с куполом и четырьмя большими дверями с арками. И наполняют эту мечеть золотые кирпичи, которые видны глазом, их видит каждый, кто останавливается около неё. А вокруг этого холма – вода, окружающая его, стоячая, у которой

¹ «тупнуть» – слово, сказанное И.М.

нет иного пополнения, кроме дождя или снега в зимнее время. И видна земля под этой водой, глубина которой на глаз – два локтя и больше и меньше, на ней зелень, и вода эта вонючая. И не осмеливается никто войти в неё или сунуть в неё руку или ногу. И как только положат в эту воду что-нибудь, оно поглощается и исчезает, и не видно, куда исчезает. А ширина этой воды на глаз – сто локтей.

И пришёл к этому месту Махмуд, владетель Газны, а был он царём великим, могущественным. И пробыл там некоторое время. И привезли они лодки; как только спускали лодку в эту воду, она тонула. Тогда он приказал всему своему войску возить землю, и тростник, и дерево, и камни на всех их лошадях и верблюдах. Стали бросать в эту воду, и непонятно было – куда всё девается. И надували бурдюки, и мочевые пузыри коров и овец, и (как) попадали в эту воду, так исчезали, и не оставалось от них следа.

«Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и центральную Европу (1131-1153 гг.)».

Он был более лжив, чем марево, и страстно предавался лганью, увлекаясь им, и постоянно разговаривал с теми, о ком наверное знал, что они ему не верят, и не препятствовало ему это говорить ложь...

И разные виды гневатого, кого я люблю, были точно большие корабли среди потоков в долине Дада².

И эти два свойства – стержни в человеке и силы из сил тела, которыми оно действует, и они – место, откуда исходят лучи обеих этих существ, дивных, возвышенных и высоких.

Ибн Хазм. Ожерелье голубки.

ф. 3

– Ведь правда, – когда на тебя смотрит человек, он записывает тебя – внутри себя?.. Как он это делает? Что он умеет делать? – Он умеет смотреть перед собой. Я не умею смотреть перед собой. Не – (подчёркнуто).

почему я это говорю?

почему я это говорю?

почему я это говорю? – Этого нельзя не говорить. – Почему этого нельзя не говорить? – Потому что это говорится.

...формы их – двухголовых, трёхногих, ширококрылых, широкоглазых, узкоротых, длиннозубых, мохнатых...

ф. 6

по три четверти думать

² стихи!

А.Ф. Лосев. Диалектика мифа. М., 1930

... Надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом. Надо вообразить, что мир, в котором мы живём и существуют все люди, есть мир мифический, что вообще на свете только и существуют мифы. Такая позиция вскроет существо мифа как мифа. И уже потом только можно заниматься гетерогенными задачами, напр., «опровергать» миф, ненавидеть или любить его, бороться с ним или насаждать его. Не зная, что такое миф, – как можно с ним бороться или его опровергать, как можно его любить или ненавидеть? Можно, разумеется, не вскрывать самого понятия мифа и всё равно его любить или ненавидеть. Однако, всё равно какая-то интуиция мифа должна быть у того, кто ставит себя в то или иное внешнее сознательное отношение к мифу... (с. 7)

И дело не в химии мяса, которая, при известных условиях, может быть одинакова с химией растительных веществ, а именно в мифе. Лица, не отличающие тут одно от другого, оперируют с идеальными (да и то весьма ограниченными) идеями, а не с живыми вещами. Также мне кажется, что надеть розовый галстук или начать танцевать для иного значило бы переменить мировоззрение, которое, как это мы ещё увидим в дальнейшем, всегда содержит мифологические черты. Костюм – великое дело. (13)

... только ненормальный человек может считать, что наш костюм не мифичен... (14)

Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией. (22)

Поэзия, как и вообще искусство, обладает характером отрешённости в том смысле, что она возбуждает эмоции не к вещам как таковым, а к их определённом смыслу и оформлению. ...Важно только то, что искусству и поэзии свойственна некоторая отрешённость, выхватывающая вещи из потока жизненных явлений и превращающая их в предметы какого-то особенного, отнюдь не просто насущно-жизненного и житейского интереса. (71-72)

... совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с её идеальным заданием и есть чудо. (208)

Откуда?! – Взрыв в строке письма; слёзы в голосе, – «я чую дрожь и в членах и в костях...» (Сенека: Эдип)³.

1. Миф не есть выдумка, как фикция, не есть фантастический вымысел.
2. Миф не есть бытие идеальное.
3. Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение.
4. Миф не есть метафизическое построение.

³ (из письма)

5. Миф не есть ни схема ни аллегория.
6. Миф не есть поэтическое произведение.
7. Миф есть логическая форма.
8. Миф не есть специально религиозное сознание.
9. Миф не есть догмат.
10. Миф не есть историческое событие как таковое.
11. Миф есть чудо.
12. Обозрение всех диалектических моментов мифа с точки зрения понятия чуда.
13. Окончательная диалектическая формула.
14. Переход к реальной мифологии и идея абсолютной мифологии.

И бе у нея девиц до 3000, зело храбры на бранех, вооружены бяху стройно, изучени бо бяху ратному делу мали зело, ибо одевающе на ся броня, и шлем, украшающъ главы, и груди их доспехи меди аравитския блещашеся, яко злато. Егда же со враги бьющеся и, дабы не мешало им держати копие и мечь, подвязывахи правые сосца своя, а левые оставляху, особенно те, у которых сосца великия.

(И.С. Мяндин)

ф. 8 (письмо)

« — — — именно 5 числа этого месяца я дошёл до мысли о фонетических пятнах.

« Я имел в виду — сначала! — стык букв (звуков — ну конечно же!) в строке, а потом перешел к думанию о живописи...

« эти пятна не только взрываются —

« но взрываются — — фонетически, т.е. живописное пятно — узел на линии, — звучит на холсте.

« А потом, не имея под рукой ничего пишущего и обречённый ехать в течение 40 минут постороннего времени до места со столом, бумагой и карандашами, — я, повторяя, чтобы не забыть: “фонетические пятна, фонетические пятна — — — 7 раз...”, — добрёл (шагами) до мысли о фонетических столкновениях в музыке — — »

Сад, Сад, где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтённых книг.

ф. 9

О тетради.

Тетрадь. («Эта тетрадь», «в этой тетради»...)

(возмущённо): Он же совсем не этим живёт!

Снег и сучья

мусорные баки —

в одну строку.

Собственно «путевые записки»...

Пишу стоя в идущем трамвае. Усмешки, толчки в спину, нарочитость...

Это постороннее, – забыть. – – Постороннее.

Забор. Зелёный светящийся – фосфор – в темноте номер дома. Серая облицовка отвр. зданий.

Всё время взглядываю, одновременно записывая, в окно (трамвая):

взгляд – слово – в окно – в тетради – ещё взгляд – ещё фраза –

в окно – здесь (сюда).

«Рельсы, выделанные из булыжников»... (Это – снова взгляд).

«Мои взгляды на – –

– Вот так

почерк!

Мигающий светофор. Хрипкое горло.

С прошлой строки – снова нашло⁴. Надо торопиться: скоро пройдёт (никогда не пройдёт)...

Снова. Слово, слова. Опять снова. Слова.

10 февраля. Почти полночь.

– След. остановка.....

ф. 10

Рассматривая пятна на рубашке (на оборотной стороне локтя)

– нет, не пятна...

вообще – держа (имея) в двух сантиметрах от раскрытых глаз какую-либо материю (покрывало, например)

наблюдать,

наблюдать легко опустив голову

разглядывая пятна на рукаве рубашки – –

(спустя время): – – опустив голову на сгиб руки лоб опустив на кисть руки ничком лёжа – – ничком думать...

пропуск слов: не угнаться за всеми словами сразу – –

слова. слова.

нарезать лимон.

Вот он лежит на своём стеклянном блюде. Хочешь, снизу смотри сквозь дно, – хочешь, сверху: диван насквозь видно.

Стихи:

Хочешь снизу смотреть – смотри,

хочешь сверху глядеть – давай!

Покупая, просил – пожирнее. Дали прекрасный лимон.

Кама. Фермы моста. (Кама с утра).

⁴ Я или меня? (см. Чжуан-цзы).

надо писать, вплотную уткнувшись лицом в собств. рукопись — тогда почерк будет совсем неразборчивым.

(«неразборчивый в знакомствах почерк»)

Почерк вообще влияет — твой собственный — на то, что пишешь — в настоящий момент.

«Все мы рождены безумными. Некоторые такими и остаются».

Сэмюэль Беккет.

— Но мне же совсем другое нужно.....?

Простите меня, пожалуйста.

ф. 11

Как сказано было: эта тетрадь...

...в эту тетрадь. Фонограммы (кавычки) — всё написанное⁵. Писать новым жанром. Описывать вовсе (во всё). Новый жанр: писать ничком, лицом в тетради. В этой тетради. Почерк следить кошкой-мышкой. Ночь проводить за бумагой («по эту сторону...»).

— жирная моя пластмассовая авторучка —

Искусства жанра (тетради) — путевые записки в трамвае.

Не помеха. Толчки в спину, чужеродные локти в страницах — не помеха.

Они говорят (между собой): уступить место, уступить место, уступить место...

Всё что-то тянет меня — всё что-то тянет в меня и т.д.

Снова берёшь карандаш — ненавистные взгляды: «опять за своё!»

«Самобытные тексты». — Они самобытуют. Самоидут.

только записки свои и писать,

только записки свои и лелеять...

— поделиться бы с кем!⁶

Мне надо в очень многом признаться, а потому я больше⁷ не пишу, а читаю книги. Стараюсь сказки. Хорошо помогает. — Северные сказки Карна-возгласы толпы вплетаются в повествование⁸

-уховой, 1934. — Этой бы книгой разжиться!

Сказки читать.

Надо сказки читать, надо в гости ходить...

Сна не в одном глазу, а в двух.

Сила души.

— Туши его душу!

Рука устаёт. — Всё пишет и пишет.

⁵ («всё сочинённое»)

⁶ чем? собой? — редкость, редкость!..

⁷ — большую часть —

⁸ Совсем не так, но всё-таки вплетаются.

Вот шум. Стоят два столба⁹ – никогда не идут.
Кама. Река, её сутра.
Точка пока.

ф. 12

Каждое слово – нужно успеть передумать.
Каждую мысль надо успеть взвесить (известить).

Во всём: в поэзии, прозе, живописи и каллиграфии главенствует тонкая божественность. Тонкая божественность есть цветение духа.

Фан Дун-шу.

Как путь чань главным образом и только заключается в очаровании озарения, так и путь поэзии также состоит в очаровании озарения.

Янь Юй.

Когда вдохновение всеобъемлюще, дух необъятен, когда полёт вдохновения далёк, дух воспалает, когда вдохновение гордо, дух высок, при изменчивом вдохновении дух необычен, при глубоком – дух покоен. Вдохновение – вот хозяин духа. Те же, кто доходит до утверждения главенства рационального, не исчерпывают всей прелести словесности.

Лю Да-куй.

Когда в словах содержится предмет, то тот, кто слышит их, глубоко тронут, тот, кто вкусил их прелесть, преисполняется стремлением... Поэзия, в которой нет предмета, подобна миражу, который вызывает блаженство у погружающегося в созерцание.

Фан Дун-шу.

Надпись есть обозначение. Когда созерцаешь предмет, следует дать ему истинное имя, и тем можно служить на пользу высокой добродетели.

Лю Се.

Надпись есть обозначение. Обозначение на предметах и вещах, чтобы себя предостеречь.

Чэн Инь.

Рассуждение представляет суть дела и потому должно быть ясно и понятно. Слово блестяще и ярко, не говоря прямо (о событии), оно увлекает.

Лу Цзи.

Силы тьмы и света есть *дао*. Задача словесности включается или в описании событий, или в разъяснении закона вещей.

Чжан Сюэ-чэн.

Созерцай людей, а также все существа, животные и растения, видишь,

⁹ (как столбы)

что всё движимо духом. Как только движение духа прекращается, начинается тление, гибель, смрад, отвращение – не приблизься. Так же с поэзией и изящной словесностью.

Фан Дун-шу.

(К.И. Голыгина. Теория изящной словесности в Китае).

Я отвечал: Моя муза больше промышляла извозом

Из запада скитальцев на восток...

Хлебников.

Он был настолько ребёнок, что полагал, что после пяти стоит шесть, а после шести – семь.

ф. 13

Всё это – фрагменты от ещё одного фрагмента.

(Это не сад, а изжога любви,

Любви с семенами подсолнуха.)

ф. 14

Они не хотят (не могут) понять друг друга. Каждый из них создаёт свой собственный миф о каждом другом. Таково сегодня «мифотворчество» и «искусство, претворённое в жизнь».

– Заметьте! –

«Горит и дышит он»

ф. 15

Всё наоборот. Подслушанное «ума-разума» слышится как «у Маразма».

Когда поспокойнее –

Два тире. Тритире. Пунктиры.

Болезнь левого глаза. Что думает левый глаз о другом. Не братоубийственная ли зависть таится в его мозгу?

Заповеди для больного брата – для глазного яблока.

Я прочитал, что надо почаще ставить кавычки. С тех пор я почти всё беру в кавычки, если их не хватает – в скобки. Если же и это не помогает –¹⁰

¹⁰(сношу в «примечания»)

Недосдушанные фразы...

Опять болезнь левого глаза.

Надо взяться за исправление ошибок (своих).

Взялся:

– Это очень плохо. Это очень плохо. Это очень – –

Рисунок буквы Ф. – «КонФигурация Ф».

Смотрю на чистую страницу, –

а на ней уже почерк,

обрисовывающий букву Ф.

Повторить за собеседником (его) слова¹¹ – значит сказать, цитируя: «ты сказал».

Не те глаголы, не то глаголю...

вас и вам нам (во сне

Круглые скобки. Квадратные скобки. Ломаные скобки. Фигурные... – – опять о букве Ф.

Мысли об античности. 15-я глава.

Покосившиеся книги. Забор покосился, плетень повалился.

Провал в память. Варианты.

«Зеркало пруда» – надо туда. Прыгаю. Брызги. – Кому в глаза ударят?

Варианты.

Варианты записных тетрадей, или Новый Стерн¹².

Мне уже больше лет, чем Н. – Почему?

(Ошибся: пока – меньше...)

н е у д о б с т в о

Надо рвать когти.

Да, он автор многоточий,
превращающих сей мир
в привлекательный пунктир.

А.Николев

А.Скалдин. Странствия и приключения Никодима старшего. Петроград, 1917.

В доме было много комнат: их трудно перечислить и невозможно описать все. Однако нельзя забыть две комнаты Никодима: он жил во втором этаже башни; из вестибюля туда вели две лёгкие лестницы, а из комнат была дверь на крышу дома, куда Никодим выходил по вечерам часто и видел оттуда то, чего другие снизу видеть не могли. (9)

У неё были свои маленькие тайны. Если бы кто мог прочесть её дневники – узнал, как ревниво она относилась к этим тайнам. (12)

¹¹ в ответ (ему)

¹² т.е. Джойстоевский.

– А знаешь, мама, – вдруг прервала общее молчание Евлалия, – я сегодня во сне видела двух негров: они проехали мимо нашего дома в автомобиле и раскланялись с нами. (16)

Этому не суждено было исполниться: на другой день Никодим был вовлечён в длинный ряд событий, о которых подробно рассказывается со следующей главы. (70)

– Мастерзингер, вы ирландец? – спросил он, помолчав.

– Да, – ответил Мейстерзингер, – хотя мои предки и получили эту немецкую фамилию, но я чистокровный ирландец. (252)

– Папа! отчего ты мне не сказал о моей свадьбе с госпожой NN?

Отец ответил не сразу, будто он хотел сперва обстоятельно обдумать, как следует ответить, и потом сказал:

– Я не люблю госпожу NN. Она очень привлекательна, но я не люблю её. (323)

Как бы назвать этот клоч? – подумал Никодим, но не подыскал названия, хотя оно и вертелось у него на языке. (330)

ф. 16

Утро (день)

вчера – рисунок на тему «из окна»

«видеть или знать» – тема (заглавие).

– Вы на это (смотрите)?

– Я – на.

«Да»¹³.

В.В.В.: Let me come back home!..

На переднем столе горят две свечи. На одном конце его сидит матушка, всегда немного чопорная, в накрахмаленном чепце и воротничках и с чулком в руке. Отворотась от неё, сидит на другом конце покойный отец. Он, видимо, в дурном расположении духа и беспрестанно закидывает в сторону, на печку, свои серые навывкате глаза.

А.Ф. Писемский

ф. 17

Ну куда же делиться своими ощущениями?!

«Шайба попадает в зону»

¹³ by John Mayall.

Что-то всё время забывается. Вой толпы заглушает мысли. Номер седьмой. Всеобщее восхищение. Изменения.

Время. Его значение.

«цитрус, о цитрус! пенящейся влагой...»

(приписать кому-нибудь)

секунда – провал – – секунда – провал – –

Запоминаются только секунды между провалами. – Что получится, если пред-ставить себя как общий ряд (естественный, целое), – как при монтаже кино- или магнитоплёнки? – общий вид (звук)?..

Не выпасть в провал! (Предупреждение)

Как ни давно это было, но мы ещё очень хорошо помним сквернейший сентябрьский день...

А.Ф. Писемский.

Был вскоре за этим новый человеконенавистный петербургский день с семью различными погодами.

Н.С.Лесков.

ф. 19

Прошло девять дней.

Встряхиваюсь, разбираю, проветриваю. Я возвращаюсь – надолго ли? – к све-жему воздуху, глубокому дыханию. Что это даёт? – – Аккуратный и мелкий по-черк, письмо без помарок. – Нет, не вычёркиваю, но – –

Стоя на мосту.

Сквозь весеннюю маревую светозавесу оборачиваюсь на другой берег.

Невысокий и широкий небоскрёб, похожий на развалины замка. К. Вокруг романтическая зелень. Подходящие для дымчатых (задымленных) фотографий виды строек.

Спохватываюсь, уже съехав с моста.

Автобус. Трамвай. Троллейбус. Автобус – –
(новая триада)

Ещё раз: автобус, трамвай – –

Автобус номер двадцать пять.

Посвяти себя своей интонации. Узнав её, пиши с её учётом. (Может быть, даже ради неё).

Учитывается всё. Here, there and everywhere.

Меховые человечьи хвосты, техника, перчатки, головы...

Уплыли м... по вешней воде.

«Рукописное наследие Древней Руси по материалам
Пушкинского Дома». Л., «Наука», 1972. С. 28-56¹⁴

...всё это досадно из рук вон.

И.А. Гончаров.

¹⁴ Опубликовано с опечаткой: в е ш н е й. Напечатано в разрядку!

Или ошибка?

Сегодня – другой, не десятый день.

Как чувствую себя в этот день. Себя чувствую.

Смотрел в окно автобуса, пролетающего мост.

Два года назад, ещё ничего не зная, «думать ещё не умея», чувствовал, идя по мосту: как долго ещё идти! – долгий мост.

Долгота Дворцового моста всегда (тогда) поражала. Насмерть. Натогда.

Проходило несколько дней, и навязчивым сном шли мысли о предстоявшей (в тот день) усталости от ходьбы через мост, ходьбы через всю его долготу.

Почему-то боялся смотреть на берега. Только себе под ноги – в воду.

И погода всё время была одинаковая, одна и та же – и два, и три года назад. И у ПП крепости, и у Эрмитажа.

Смысл вышесказанного.

«Вышесказанного» – тяжёлое, долгое слово. Почти как пешком через Неву.

Через Фонтанку – через Фонтанку перейти было легко и просто (те два или три года назад или два дня от вчера в ту сторону). Даже сейчас. Мог бы. С лёгкостью. Так просто (легко) через Фонтанку – как слово «через».

Разница мостов через Неву и через Фонтанку – разница слов «вышесказанного» и «через».

Но – смотрю в окно.

Вглядываясь в окно автобуса непривычного (мне) маршрута № 25, смотрел через Неву, через – опять скобки! – мост, через воду, через стекло, через приречный («прибрежный») туман, через берега...

Так и теряется взгляд. – Куда он?

Или:

– вглядываясь через окно автобуса этого непривычного (мне) маршрута, застывшего как бы в этот миг на середине моста, шурясь от яркого весеннего солнца – утром – смотрю на берега Невы – там, где справа описанный уже довольно удачно обрубленный («усечённый») небоскрёб – или в другую сторону – какая-то, кажется, церковь? – а что это в самом деле? церковь? или... – как скоро начинаешь путать, запинаться – нет, в самом деле храм – но, не в этот записываемый миг, в это и не в это мгновение утром на середине моста этой весной, в лёгкой маревой дымке (haze – in the purple haze!)... – – Беспокойно вглядываюсь в этот обрубок высотного здания на котором кажется только протяни руку и почувствуешь кожей пальцев, этим сравнительно двусмысленным органом осязания, штукатурку уже конечно осыпавшуюся только её сохранившиеся лепёшки куски пятна – а ещё вернее ощутишь кирпичи, угловатые и прямые как «честное слово», их грани линии их соединений – и тут же отдёргиваешь руку, спохватываясь: автобус! не станет же ждать беспокоиться о потере твоей руки – а ты забудешь её на той стене глядящую кончиками пальцев тёплые? кирпичи – он срывается с места –

автобус... -- Да полно, останавливался ли он хоть на долю – времени, секунды? – да, а ты успеваешь только повернуть голову, чтобы твои глаза как можно дольше впитывали это сооружение, эту постройку.

И вот – ты уже среди людей, с бесцельной улыбкой, с – уже не – любопытными глазами. Прямо перед твоим лицом чьё-то пальто на чьём-то туловище, а если скосить глаза – эта сторона Невы (пока я пишу это – с такой скоростью), – мы уже на ней, уже на ней всеми четырьмя колёсами дымящего железного ящика со, слава Богу, прорезанными окнами, не замёрзшими, -- и какая-то на ней (этой стороне) зелень, и какой-то низенький грязно-рыжего цвета домик, и – мост уже за спиной и только в памяти...

Да, вот отсюда (с этого места, с этого времени) и проходит восемь, десять, тринадцать дней -- не помню сколько, – а сколько? -- Эти числа, это так --

Но думаешь о том, чтобы «при случае» снова оказаться там, и ещё помнишь глоток воздуха, судорожно проглоченный там – на середине того места (моста).

ф. 21

– ах, как всё это прямо вроде бы --

мусор на земле похож был на лежащего человека¹⁵. Из окна трамвая.

– что это там, в кустах? – человек лежит что ли?

– да... почти, человек. – мусор это.

поднимаюсь по лестнице.

я весь – в паутине собственных думаний -- окутали «облаком» – так и роятся, так и вьются вокруг. я – в сети (в неводе) из лёгкой паутины..

всегда обрываешь: ведь движешься всё-таки, дышишь, -- поднимаешь руку – ко рту за папиросой, – несёшь её к пепельнице... отряхаешь... роняешь...¹⁶

лежишь ничком и пишешь. голову поддерживаешь шеей, локтями упираешься в подушку. потом устаёшь и бросаешь писать – голова роняется на сгиб руки, на тетрадь.

лежишь затылком вверх с закрытыми уже глазами, – конечно, пропускаешь много фраз, – но снова голову, уставшую от собств. тяжести поднимешь – и снова -- пишешь, пишешь, пишешь...

(«И всё они пишут, и всё они пишут, и всё они пишут, Царица Небесная!»)

– что-то это немного не то... –

а хотя и каждый знак препинания имеет значение... только бы не ошибиться, когда их ставишь, – и интонация передаётся вернее¹⁷.

устаёт писать рука – тикают часы – читаю о Сахалин – меня интересуют айны.

¹⁵ тряпьё, окурки, шлак, клочья бумаги, ещё что-то – всё это было похоже на лежащего (в кустах) человека.

¹⁶ обрыв!

¹⁷ вернее – правильное.

...отвлечёшься от тетради – самое интересное¹⁸ пропустишь (забудешь). а так всегда – пропускаешь, пропускаешь...

– всё на паузах, стыки текстов. –

Взгляните-ка вы на нашу литературу по части тюрьмы и ссылки.....

Если бы здесь сумасшедших сожигали на кострах по распоряжению тюремных врачей, то и это не было бы удивительно...

...у русского человека единственная надежда – это выиграть двести тысяч.

Я не люблю, когда интеллигентный ссыльный стоит у окна и молча глядит на крышу соседнего дома. О чём он думает в это время?

(*Чехов* написал рассказ под названием «Марья Ивановна».)

ф. 22

лежишь, а проза снится, снится...

Луны не было.

Мой дневник похож на журнал заключённого – не правда ли? Что делать! Здесь почти тюрьма и есть...

И.А. Гончаров.

– Я знаю, где нахожусь, – ответил он, но больше не сказал ничего, и я оставил его в покое.

Г.Мелвилл.

А.К. Микусhev. Коми эпические песни и баллады. «Наука», ЛО, Л., 1969. – Комментарии

В срубe красавица Маша. Выражение не ясное. Возможно, Маша загнана в сруб насильно. По словам Д.А. Тимушева, в с. Керчёмье людей, страдавших буйным помешательством, содержали под полотнями в «срубe» – рубленой клетке, откуда больной не мог убежать (...).

Ситуация, в которой несчастная девушка насильно загнана в сруб, видимо, была привлечена для того, чтобы особо подчеркнуть насилия со стороны татарского войска. (269-270)

Огромная щука проглотила. В коми песнях-балладах часто встречается образ исполинской щуки, лежащей поперёк реки, моря или же

¹⁸ самое интересное? нет, скорее нужное.

остановившейся прямо посередине реки. В русском эпосе известен образ гигантской Тит-рыбы или щуки-рыбы. Таковы, в частности, русские духовные стихи о Фёдоре Тироне. Но в отличие от русской Тит-рыбы, помогающей богатырю, коми *‘ыджыд сир’* «огромная щука» выступает всегда существом, враждебным герою.

Приписывание щуке магических свойств и гиперболических размеров было присуще языческому мировоззрению. Щучью челюсть хранили как талисман-«оберег». Ср. коми поговорку *Сир пинь горшад* ‘Щучий зуб тебе в глотку’, произносимую «от сглаза». Древность мотива щуки в искусстве пермских народов подтверждается и таким авторитетным источником, как пермский звериный стиль. В произведениях искусства, относимых к пермскому звериному стилю, образ щуки занимает важное место. (275)

«Ну, что, дочка, поделаешь?» А я продолжаю. Только что повествование велось от 3-го лица и сразу начался рассказ от 1-го лица. Подобные неожиданные переходы в повествовании типичны для всех ижмо-колвинских эпических песен, как и для ненецких сюдбабц. Но при этом между теми и другими есть существенное различие. В ненецких сюдбабц переход от 1-го лица к 3-му происходит при помощи особого «персонажа» – так называемого слова-сюдбабц. Слово-сюдбабц, как вполне конкретное живое существо, может действовать: летать, разговаривать. В ижмо-колвинских эпических песнях слово-сюдбабц отсутствует и переход от 1-го лица к 3-му (и наоборот) тем более становится неожиданным. (279)

Хотя я могу оттуда и не вернуться. Предчувствие пастуха Евлѣхуплѣ своего трагического конца, выраженное этими словами, сбывается: он превращается в деревянного идола. (281)

Вкусномолочная матушка – постоянный эпитет матери в ижемских свадебных и похоронных плачах. (284)

Повыше деревьев полетел. Герои ненецкого эпоса всегда наделяются способностью летать по воздуху. Так, в одной ненецкой песне о рабе, обиженном побоями, сказано, что он подскакивает в небо, улетает, а через десять лет возвращается и мстит обидчикам (Куприянова, стр. 33). (284)

Что вы чай не ставите. Будущий тесть, как истый ижемец, при виде гостя всегда дает распоряжение жене или дочери ставить тридцативедёрный чайник.

ф. 23

...и в самом деле творчество. Возьмѣшься за бумагу – даже не помышляя, – и вдруг с удивлением видишь, как рука твоя скорым почерком перебирается с верхней половины страницы на нижнюю. Только ручка, перо – –

О Карпове думать на Карповке¹⁹. Число: 19. Месяц: III. Год: тот же. – Эти детали заостряют.

Незаметно стилизуешь (при письме) только что прочитанную страницу. Музыка. Голос собеседника. Уличный шум.

Такие дела.

За повторением употребления слова «почерк» последует обидное и мучительное наказание. Запомни это!

Я тебя не прошу.

Я не встаю со стула.

Я моё имя и рукава.

Я угрожающе небрит.

Я сижу в кресле с незакрытыми глазами!

ф. 24

(в кавычках): День без числа.

глядя в окно — —

за минуты взгляда распухают картины...

— — или ждёшь?

...проносились (в его голове) картины. Что за картины? – проносились?

Что за слово? чьё за слово? Слова, слова, слова...

Музыкальная пауза. (После «Think about the times»). Так и совпала – с несколькими минутным пробегом «по древам»...

– Растекись-ка, знаешь ли, по древу.

– На верёвке, вверху, на вербе... Это как?

Всё прислушиваешься, прислушиваешься, – а всё никак не разобраться. Всё так же букв много. Да, и с пунктуацией не в ладах. Зато с тщательностью на короткой ноге.

– Выбирать?

Она говорила: любимцы травы!

Вам не хватает искусства напева!

¹⁹ (на Скобелевском)

ф. 25

а вчера мне снилось, что и эту страницу исписал уже...²⁰

– Никак нет-с. Я сам сначала думал, что почивают, да глазки-то у них открыты: на потолок изволят смотреть.

И.А. Гончаров.

ф. 26

19.6.72.

Начинаешь с сегодняшнего числа.

Поставишь дату, а больше сказать – нечего.

Тем читателям, для которых эта шутка недостаточно серьёзна, я где-нибудь докажу, что она даже слишком серьёзна...

Жан-Поль.

Теперь сижу я один в моей комнате и, говоря с тобой чрез письмо, чувствую в тысячу раз более удовольствия, нежели вчера и третьего дня, окружён будучи великим множеством людей. Воображаю тебя, говорю мысленно с тобою, тужу с тобою о том, что мы разлучены, и Бог знает надолго ль. Наконец, чувствую, что сердце моё терзается от того, что представляют мысли.

Д.И. Фонвизин.

²⁰ кажется, этими словами и начал...

ф. 27 (письмо)

Выйдя вчера из твоего дома, направился пешком по Литейному.
Литейный, 51.

Два больших окна – витрины. Над левым надпись превратными буквами: ДРАМЫ, – в витрине же пояснение: *Приём пушинины*. Над правым – КОМЕДИИ, – в нём же: *Ремонт, Ремонт*.

Вероятно, это ничего не значит. Но значит ли что-нибудь вообще?

Я был счастлив, переходя с тобой несколько дней назад Дворцовый Мост.

– – 23!

ф. 28 (письмо)

– – Можно выходить на улицу в разное время.

(Night time is the right time.)

– А утро?

Я очень привык всматриваться; иногда мне кажется, что мои глаза – серовато-голубого цвета (думается, – какие они у меня, я знаю, конечно). Всматриваться можно по-разному: приподнимая глаза (над собой), тараща их (тогда они становятся подчёркнуто-выпуклыми), даже зажмурившись. Остальные виды – уже не. Не всматривание. Есть всматривание обманное, когда глаза рассеянно скользят по предметам внешнего мира (порядка) или неподвижно (закрыты, как будто) – в одну точку. Я обычно этот способ. Эта точка в самом-то деле является совокупностью предметов²¹ (порядка). Это – это.

Взгляд можно получить (хотя и псевдо, но что же делать?) от любого всматривания с отрешением. Так я смотрю по ночам или в тёмное время суток. Сегодня=вчера видел снег на деревьях – это было так: в глубоком снегу, лежащем толстым и широким слоем ослепительно... (это роковая ошибка, – так нельзя говорить, но это повод) белого (а это уже точнее) снега среди чёрных²² ветвей, стволов, корней деревьев. Редкостный свет фонарей на этот раз не выделялся никак (не выделялся при всматривании), а потому весь мир стал двуцветным: белое и чёрное. Странно сказать такое: «ослепительный!» Ничего подобного и никогда – в это верное время, ночное время, верное. Охватывал судорожный страх с ёканьем сердца и бьющимся горлом: я боялся, что это не утро (я говорил²³ позднее описанного здесь, – на пять с половиной частей) – –

Я замечаю, что «в пылу сочинительства» у меня по лицу пролегают суровые складки и скулы становятся жестокими. Почему это?

Всё пространство и, кажется, весь мир (а я замыкаюсь всегда, постоянно, даже от немногого, а тут – безлюдие подчёркивало дальновидность или дальню-

²¹ внешних контуров предметов.

²² и на – – чёрных...

²³ (по телефону) об этом

зоркость, безлюдие обостряло величину обозреваемого пространства; безлюдие всегда таково. Замыкаться на этом? Не на безлюдии, конечно, – на окружающем малом пространстве. Мало ли оно? Оно – как модель, как отражение²⁴ окружающего мира...?) – – установились в двух цветах. Белое и чёрное. Цвет фонарей отсутствовал, и отсутствие этого цвета превратило всё просматриваемое мной пространство в бесчеловечно мёртвую пустыню. Пустыню аквариума.

– Вот, теперь я добрался до слова «ослепительный». Помнишь?

Всё это время (что пишу), чувствую, как погружаются мои башмаки в никем не убранный снег, необычно сырой и хрупкий. Я никогда не перечитываю, когда пишу, вышенаписанного. Что-то чувствую, но не возвращаюсь. К вышесказанному.

Что-то чувствуя (уже подозревая, что проснулся я не через сутки, а только чрезмерно рано), я не возвращался, но шёл, как сказано, топя башмаки в рыхлом (более верное слово) снегу, по направлению к будке телефона. Я вспоминал томительные ночи среди автомобилей и нищету чувств – горечь и усталость. Пресыщение усталостью; горечь пресыщения усталостью, тошноту этой горечи.

Фонари всегда были мне очень почти что дороги. Я никогда, я никогда не смотрел на их свет, но всегда замечал и вписывал где-то внутри себя²⁵ их особенности: личные, – личные качества каждого фонаря в отдельности.

– Я знаю –

В рыхлом глубоком снегу, как это ни странно, всегда чувствуешь себя подчёркнуто-цельным²⁶. Но двуцветность пространства страшна. И страх, окруживший меня, роднился со страхом, меня наполнявшим (о времени, о том, что я не позволю именно сегодня, именно в утренний час, – какая здесь горечь, Господи!).

Нищета и упадок, смущение, чувство потери, – потери невозстановимого (это снова о времени) – – всё это вливалось в двуцветность.

Срывая ногти, набрал 08. Я знал, что только так можно остановить – –
Остановился.

Фонари стали медленно набирать цвет (точнее: менять его на более привычный и ясный²⁷, и всё видимое вокруг приобрело оттенки, жизнь, звук – разве я не сказал, что всё в этом аквариуме было беззвучно? – – и я перестал ощущать всё, что записал выше, перед «... набрал 08».

Но – горечь ушла не вся: я знаю, Господь не напрасно указал мне двуцветность, Он ничего не даёт увидеть напрасно, всё в руке Его.

Это я и понял сейчас, – записывая, как обещал, раннеутренний пейзаж, – и теперь я знаю (как знал и тогда, знал, но при полном отсутствии памяти), что смысл я, насколько мог, увидел.

Get it while you can! Oh yeah.

— — —

²⁴ неточно.

²⁵ я знаю про это «где-то», да!

²⁶ даже слишком, слишком цельным – полуспортивное чувство.

²⁷ (понятный)

Может быть, нельзя так писать, не знаю. – Думать?
Очень хочется писать. Тоже редко удаётся. Человеческое, человеческое!
И всё так.

«... но больше не сказал ничего, и я оставил его в покое».

«Что он этим доказал?»

Длинными петербургскими ночами умолял я
Соно вернуть мне память.
А.Хвостенко.

Мысли об античности

На улицах ещё было пусто. Л. подошёл к дому Щ. Парадные двери были заперты, и всё спало. Он пошёл назад, опять вошёл в номер и потребовал кофе. Попробовал отпить кофе и положить калач в рот, но рот его решительно не знал, что делать с калачом. Л. выплюнул калач, надел пальто и пошёл опять ходить. Надо было прожить ещё по крайней мере два часа.

Всю эту ночь и утро Л. жил совершенно бессознательно и чувствовал себя совершенно изъятым из условий материальной жизни. Он не ел целый день, не спал две ночи, провёл несколько часов раздетый на морозе и чувствовал себя не только свежим и здоровым как никогда, но он чувствовал себя совершенно независимым от тела: он двигался без усилия мышц и чувствовал, что всё может сделать. Он был уверен, что полетел бы вверх или сдвинул бы угол дома, если б это понадобилось. Он проходил остальное время по улицам, беспрестанно посматривая на часы и оглядываясь по сторонам.

И что он видел тогда, того после уже он никогда не видал. В особенности дети, шедшие в школу, голуби сизые, слетевшие с крыши на тротуар, и сайки, посыпанные мукой, которые выставила невидимая рука, тронули его. Эти сайки, голуби и два мальчика были неземные существа. Всё это случилось в одно время: мальчик подбежал к голубю и, улыбаясь, взглянул на Л.; голубь затрепал крыльями и отпорхнул, блестя на солнце между дрожащими в воздухе пылинками снега, а из окошка пахнуло духом печёного хлеба и выставились сайки. Сделав большой круг по Газетному переулку и Кисловке, он вернулся в гостиницу и, положив перед собой часы, сел, ожидая двенадцати. В соседнем номере говорили что-то о машинах и обмане и кашляли утренним кашлем. Они не понимали, что уже стрелка подходит к двенадцати. Стрелка подошла.

Осталось семь страниц.

«Нас осталось немного и нам осталось недолго».

Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли.

А.Введенский.

Я чувствую, мой дар в поэзии погас...

Батюшков.

Вот если бы стать музыкой...!

Фр.Гёльдерлин.

Я подвешен, в воздухе вижу себя, но какая-то частица моего существа осталась на земле. Иначе я бы не думал и не записывал.

А.Ремизов.

Только быстрая и стремительная река вызывала у него беспокойство. Иной раз он чувствовал, что должен попытаться остановить её – удерживать своими детскими ручонкам или преградить ей путь песком, – и когда он видел, что она надвигается, неодолимая, он вскрикивал.

Ч.Диккенс.

Скучно, что одни люди умирают, след., и ты умрёшь, а книги пишут, печатают.

Хлебников.

Растениям он говорит: «И я был некогда, как вы!» а чистым звездам: «Я буду, как вы, но только в ином мире!» Между тем он разрушается, да ещё проделывает над собой всякие кунштюки, словно он способен сложить распавшееся живое существо заново, как кирпичную стену; его ничуть не смущает, что все эти усилия ни к чему не приводят, ведь то, что он проделывает, всё равно только кунштюк.

Фр.Гёльдерлин.

С моим телом происходит старая история. Вот я прожил в нём все эти годы, а как мало я им пользовался.

Шервуд Андерсон.

И в этот миг – в мозгу прошли все мысли,

Единственные нужные. Прошли –

И умерли. (И умерли глаза.)

А.Блок.

Он взглянул на людей.

А.Введенский.

(отрывок)

Я знаю. Знаю!
А.Введенский.

Как я его помню.

Он стоит на ступенях Казанского собора с моей трубкой в зубах. Между каменных – львов? колонн? – Забыл... Они (львы, колонны) кажутся нам огромными; мы цепенеем, мы смотрим друг на друга.....

(В подвалах этого собора есть всё: Будды, иконы, эмали, складни, свитки, книги!..)

И как я вижу²⁸ Третьяковского: большая светлая зала, он – в центре, румяный, отчасти довольный собой²⁹, в камзоле (камзол слегка мятый), в парике. Пудра обсыпала весь камзол – бурая, буро-зелёного цвета, слежалась комками... – «Вот! теперь-то видите, правдоверные?!»

Три года, четыре года... Оба мертвы.

в с ё

1971 – 1974

²⁸ «помню»

²⁹ не очень верно, – совсем не верно.

Часть третья

Мост-2

хорошенько не понимая даже что у меня в правой руке и что в левой / а что в левой

листья травы продиктованы – кем? недочитанная книга. неясный почерк. неясно – неясный – чей почерк на чей почерк похож. мой почерк. шевелящаяся при письме рука / по письму рука

ешь и ешь – не никак не остановиться. (самые) (глупые) ошибки: тца. ещё. пропускаешь слова слышишь музыку и вопрос да. всплески звуков. невероятно невероятно противно противно как «гармонь». эти «всплески» / про эти «всплески»

моторно-речевой поток. скрипочки, скрипочки. как таращит ногти под бумагой. ноги по дивану. так и скользит – съесть яйцо варёное это ль дело не достойное ли дело молодцу такому как ты скажем. крепкий чай. стихи былины. грибы по радио грибы услышал. выходи встречать – от туда же. эх ты. да

так так. без интонации. истеричное пищевое поглощение так и запутаться к хуям!

– – паскудное дерево. заткнись!

он побледнел и чтобы не упасть схватился рукой за карандаш быстро «бегущий» по бумаге

– Так так так. Мак

выгляни в окошко дам тебе лукошко дам тебе бумагу дам карандаш разуверь без нужды не дело это увидишь сам увидишь кошку на панели

грузовые автомобили. из кровавой лужи на асфальте торчит – торчит. ты это запомни. мусорный бак. постоянная и благодарная тема повестей и рассказов молодого современного автора меня. благодарная тема. так же брандмауэры перед окнами вспоминается Мелвилл но ведь и сам тоже думал додумывался того же с помощью но сам о брандмауэрах. этих стенах. думать. хорошо когда сам. коли сам

■ неставимая точка. невозстановимая точка. невозстановимая утрата точек на концах предложения. снег. снег трава из-под снега. снег. не остановиться никак конца не видно – зги не видно. зри: не видно. вопрос и ответ

заборы. грязные доски. чай. ожидание. сквер. Катя. поролон. Катяна. ватные рубахи. мусор. грязные заборы трава чай. мусор флейты пока не уткнёшься. да да в одну строку – это и есть. также: электрогитары воспоминанием о скрипках виолончель клавиесин чембало

чембало. клавесин – яркий свет музыки – апельсин. вс пышка.
три апельсина. любовь. раздробляя троллейбус трамвай паранойя

знаки препинания во вполне достаточном качестве их препо-
ны. акт творчества. в актовом зале акт мифотворчества акта сего во
втором акте акценты сменились

присутствовала бригада бедняков. то-то удивится! кто? то!
вот те и Войцек ибн Воцдек. вот те и Анна на шее. что пишешь?
что, жаром пишешь? так шиш тебе! амери конские песни. и та лий-
ская лошадь. изыди гнусавец! дверь к лишениям. тень. части слов.
надо уничтожать части слов. уничтожайте уничтожайте уничтожай-
тесь по части словесности флейты и флейты вот интонация

вот интонация. нация нация. я. номера домов и улиц трамваи но-
мера на трамваях. трава растёт замшелые пейзажи избушки город-
ские деревья хлипкие. над люком. газосварка. сморкается в платок
Кейт Джонс. Откуда?

автомашина хрычит. канючит и хрючит. Молодая надежда осла.
сваливает
ся строка. Её значение

при визите к врачу. последствия. дальнейшее развитие их отноше-
ний материалы его последствия дела абзац зарубежные страны. на
чьей единой шее вырос вопрос тех результатов. сила судьбы. на-
пряжение (вопросительный знак)

шёл шёл по дороге вдруг брык! брэк-ке-кек-с! ну и хорош.
извините-с. душ

надлобные пазухи. подлобные лунки – глаза – их похлёбка предметы.
предметность науки предместий. их пазухи. науки. разутая рыба
подошла и взяла его рукой за лоб зашипела слеза в уголке отпряну-
ла плитка шипя раскалённой слюной хулигана. её любви
любви её любви. лобок её любви гряди гряда гряди. гори гори.
моя гряда уделы эвфемизмов. дрозд. песни умирая ночь свистящих
дроздов. nightbird fly!

Велел Позвать Гончаров. Ххы! волшебной силою. умру ли я?
когда-нибудь. Б. гори сияй

пропуск по биле там. холмы где падает вода стекая. ещё холмы
ещё. Сейчас der Goldberg –

вот так гончаров. выйди выйди под окном слезу роняя сопля.
любитель литературы зеленые сопли. пригоршни праха в соплях.
сильней прижми её к груди больной измученный и бледный вы-
летает кала мешок лошадиные пятки в похоронном автобусе с вы-
мазанными говном стёклами говна пирога вермишель гори сияй на
симуляции кошачья моча

только птичку отпусти хороший человек на ветку сядет
стена в грязи. идиллия. зимний пейзаж снег. пока на крышах га-
зоны засыпана снегом трава чем не права природа закатив рукава
избитый вор били по уху. как ни пытайся. приблизить понятие
смерть тебе не удастся. тебе не. да. да. играя в мёртвый час. при-
творялись мёртвыми лежали на своих койках. железные койки су-
конные одеяла. письма суконщика. сука! не забываюте. свет ламп.
не забываюте. снег не забываюте снег. не забываюте. снег. снег.
ангел

белоснежные крылья – дрозда. лети моя ночная птичка лети лети
расправив. крылья. деревья освещая твои же крылья. невелики.
твои. всё шире. всё шире чем кажется
верёвки. пучина славы. листва. этот наигрыш
пройти туда. пропустить? добаться? не спорить. не обращать по
дороге. о правильном свете
свете на. конец первой любви. любовь к камчатке. камчадал чук-
ча чехов. ничуть. не верно. конец угря. где. дым деревьев наверху
навиду. нави ду. грубо. где гуру?
нет-крылье

крылья

невелики. невелик. нуль. нуль. ну-ну. тише тише. мыши лыше.
экспонат пульсация. экскурс в прошлое. провалился – на два
дойма. его не замечали конец главы. там. гибель тома

музыка и правда. пускай его. прекрасна подушке дерево де-
ревя пистолет попытка яблок не мешает. оцени это явление эту
судьбу эти крылья. лети лети. всё оканчивается за пределом. пре-
дел! при дурак. эти люди. двигающиеся по заснеженному газону
спотыкающиеся листья деревьев они внутри. внутри. всё чаще
повторяя уйди обернись или как хочешь. листопад. его посмерт-
ный разгар. разговор о любви. да. он не слышит! нет слушает на
ус мотает. неверная луна. рука. тикающий час. опустошение кор-
зины. лукоморье обратило в шутку на срать на это. о мой хоро-
ший мусорные баки! в. опять крыша. крылатый. забор. крысота.
гнилая вонючка. говно. водосточные трубы. кал. срака. бздеть
тебе по глазам

– ломит спину –

задница блевун поносный бублик. сорванец

Отослать телеграмму: больной человек. не ждите. не оста-
новиться. мелкий свет. не слишком. ноги ломает руки. пошла! из-
дыхает. совсем. помилуй нас. грешных. нас

слабо вьющиеся витки боли в спине и плечах под лопатками. уча-
щающийся пульс. только теперь? что же раньше? ты

вечно. слышать только одно. только одно. кому ты это говоришь. что ты что ты. что он хочет руки страшны и грубы. сердце. сжимающийся воздух. я отрицаю. ливер холодный мозгов твоих лягушачие лапы. капуста кипенье морщин на лице мышцы мышей. скрипка. сырая котлета

в размокшей обёртке Невы. берега. да. гранитные своды ограды. ритмические перебивы переливы рисунок на тему. перевалы рассыпали нас рассовали ручьям по карманам. где ты видишь просторные руки их нет. где ты видишь лучи облака облака. ты или нет. облака

разливающий чай. не приходит. бесполезные слюни. так и ты. так и ты. опущенье мозгов. отпущенье: кто тебя держит? катись! или любить? всё равно. все равны? нет и нет. не промежутки. любить – торчать на тошноте. только не врать! научись ремеслу пустоты. так ли уж это? густые пустоты. да. медленный дождь. снег на ветру. пустота. учи наизусть. наизусть. передавай. политика искусства. кама. кама. ты. же. кама пустот. невозможные звуки. лечение. чего же ждать. гадать или не ждать? торжественный акт звенящие крыши. троллейбус трамвай на мосту

после этого снова почти невозможно. ещё. на мосту. где всегда. ты же. воды Энзели. Баку. Пятигорск. нечаянный выстрел. убит на охоте. великий народный поэт. горы в снегу. замёрзшие птицы. над ней. крылья крика. слюда. половина пути от Москвы до Кавказа. Будьте вы прокляты!

половина пути. прошло. отпустило. это чувство. стремительно. куда. да. да. ответил. голубые дожди на свету предзакатного солнца. остались ещё золотые дожди похотливых вождей. сквозь чугунные перила. пропускайте прохожих или нечего делать толкайте плечом. опущение чувств. будь покоен. повторение темы я осталось при своём. на своём. молчание этого повода. о. извините. я так часто напоминаю о себе? конечно же. чересчур. клочок апельсина. ряска лимона по чаю. Я... чаю... где кричать. да. о чём же. я не думаю. солгал. ошибся. я. нарочито. ошибся. ошибся

ограничение объёма. это совет. да. да. порождение человека. отнюдь от ныне не. безумие не простят. они убьют! тебя. не простят. ничего не простят. не умеют. не могут не знают. как можно хотеть. вивисекция. в прошлом. о чём я не знаю. не говорю не говорю говорю. всё ж таки. да. колотун мозжечка. климат ему не тот. не всегдашней знакомый. он молчит. отказал

жирные пальцы. хор ветра. о чае. мечта. это не жизнь. отпущенье с неё. отпустили с условием о выгоде обеих сторон. на общих основаниях. зона семь. флаги. зона два. зона ноль. значимость места

раскрывает значение слов. о знакомых. всегда ощущенья. ждѣшь
и не дышишь

Отпускаешь бумагу на все —

— стороны. она не уходит. привязанность эта (к этому месту)
страшит. Перемены. волшебное слово знакомо. каждый знает то
что — это не значит. то же что значит — увы!

рассуждай сколько хочешь только не смей предпринимать ниче-
го. иначе. угроза и страх. бесполезно и то и другое: не может ни-
кто ничего

видеть сны. видеть —

о снеге в лесу видеть сны. видеть во сне чай на траве мерещить
дремать. древесные звуки одни. одни лишь. их не издать. а хоте-
лось бы. ты ни о чём. не. никогда. никогда. вечное возвраще-
ние. полуокруга

насекомые листья вращающийся небосклон движение звѣзд без-
дна мрака между от каждой до каждой. сгущѣнные сливки умов.
сокращение. день за днѣм на холме и его поворачивающиеся гла-
за видят. наблюдают. на холме. следи колодец вертящийся мир.
нет нет! производя морж. они бегут как свиньи от ружья. Ха — Ха
— Я. бессердечные люди пустѣт перемены вмещение пауз. наблю-
дай. наблюдайте сворачивающийся мир над своими головами. на
холмах. день за днѣм. постоянность пустѣт. прорывы. лакуны. об-
рывы. в задницу сволочь! человеческие порывы. жижа в кальсонах.
гнойные глазки —

Божии твари

куда вы? как свиньи от ружья. что вас сдерживает. когда ещё раз
позволят. они бегут бегут. смотреть эту свалку мусорный бак ли-
ственный идол. много ещё. налево и вправо. гнойный пах. фона-
ри разреженных улиц заборы. опять паранойя. её апогей. больше
больше. тусклые щели. дверь к лишеньям открыта. облака сла-
ва крыша. крыша вздымается сладким повидлом джем пирожков
крем пирожных снег сучья. сучья погода. вдоль по. переход. с
улицы в улицу мост. на мосту. день за днѣм. вращающийся мир.
наблюдать. молча стоять замолчав. по болезни. говорить. гово-
рить. безумолчно. безумные слова. на мосту. передвигая шаги от
и до. вспотевшие яйца. судьба гениталий. печален. наводит на
грустные размышления размышления о бренности пота и крови.
сколько. ещё. на мосту —

между линией неба и «водным простором». словам было тесно.
мы стояли. не смея прейти. ощущение страха в автобусе. дыхание
дыма. свернувшие глаза. пустѣты. день за днѣм. здесь на мосту.

в переходе от до. шестёрка. семь. девять. один. два. четыре. плюс. голос. пять. метр позади. на мосту? все ещё. да. неожиданно. снова для себя неожиданно. оказывается всё ещё поворачивающиеся глаза. могут наблюдать. день за днём. на мосту. только здесь? да. вероятно. где же ещё? разжижение памяти. больше. ещё. всё. один только день. или? желанья остались при мне. пока ещё. в розлив. в россыпь. желанья. тоже неплохо. тем лучше! слово за словом. на холме. — вы пустополые люди. я. то же. только желание снов. слов. на мосту. чувствовать. чувствовать всегда себя на. день за днём слово за словом ошибка за ошибкой. календарь безумств. опять вспоминается. то же что и. прочь! прочь! вращение сводит с ума. не помню начала. апельсин? или яблоко?

всё забывать забывать. осталось ещё. но надеюсь. на перемены. времена. они всё ещё. да. мост от к. О. не. да. или? не. всё-таки? помнить хотя бы. новое? не понимаю. и. даже. да же! этот тон не. не. не думал? что же в начале?

дыхание? кожа? кожура или перья? огурец? лимон? липовый цвет? на воде. мост? обрыв? преграда? пустоты? слава? перекур? пламя? сожжённое горло? тень? дым?

или?

что

что-то ещё

где чем или чем

нет. ошибка

ошибка? опять? — —

но?

27 ноября 1972 года

Часть четвёртая

4-ая

Снег стоял, сошёл, оставляя поблескивающие в полуутреннем-полувечернем освещении пятна асфальта, земли и иногда сохранившейся травы. Его исчезновение вызвала температура, – скорее, солнечный, ненадолго пробившийся яркий и неестественный свет, его вертикально? падающие лучи, а также множество недавно прошедших, чавкающих (ступнями) ног. Кое-где (а чаще, вернее только тут!) оставались ещё нерастаявшие пригоршни грязноватого белого творога. Но и в эти невзрачные куски продолжали бить, продолжали чавкать ступни прохожих. Воздух над открывающимся взгляду пейзажем был резок и казался прибрежным, как это бывает в самом начале весны. Сейчас же было другое время года. Небо сквозь этот воздух казалось более прозрачным, чем обычно, и чем-то подсвеченным, как будто из-за кулис. В самом деле: стоит оглянуться – и встретишься глазами с громадной чёрной тучей, закрывающей четверть надгоризонтного пространства. Надо добавить, – это нельзя забывать, – между пригоршнями несошедшего творога и многочисленными ямками человеческих и ещё чьих-то следов лежали тяжёлой грудой перемешанные с клочьями травы и мелкими обломками земли и щепок опавшие листья. Здесь ничего не сказано о звуках, сопровождавших эту неровно очерченную картину. Но, вероятно, их не было слышно. Впрочем, это может быть и ошибкой. Может быть.

13-14-17 октября 1973 года

приложение I

**Рассказы, стихотворения,
фрагменты**

Четыре описания

расчленение; рассыпавшаяся ладонь.

Опуская голову на руки, на перила моста – –

(эта поза – рядом кто-то проходит –

эта поза сбивает с толку)

– – торчит авторучка в руках.

Был мнимый летний вечер.

На той стороне – через мост – церковь; ларьки.

Встреча у ларьков. Вопросы о чае.

Неожиданная подворотня.

Ещё более неожиданно: радуга. Дышащая радуга, чудовище о семи цветах...

2

трамвайный почерк. Ломит руки.

Что такое метроман? (Я сегодня писал: стихи.)

Надо чаще и больше думать. Теперь же, прямо отсюда, сейчас. Надо больше думать об облаках.

– Какое сегодня небо? – Необходимо ответить. «Автоирония» – кроме.

Впрочем, подъезд. Жду.

3

Саториевский глаз сквозь щель забора: ногтями процарапанная щель.

4

* * *

«Направо пойдёшь – в жилконтору придёшь. Налево пойдёшь – в дурдом попадёшь. А прямо идти – ни коню, ни лошади живыми не бысть».

13-16 августа 1972 года

Простая повесть

- Запись мелом на стене. Для памяти. – Я её помню! –
– слабое оправдание. Удручённый голос, жалость во взгляде. –
Нарушение правил игры обычно наказывается. Примерное послушание – засчитывается. Засчитывается?
– Что было за время?
– Поздний час. Я был в пальто; холодно – значит поздно.

Не смею ничего добавить, чтобы не разрушить начавшую складываться картину.

Она внимательно молчит.

Ожидание обостряет предметы; сквозь углы стола и стульев резче прорисовывается окно с предполагаемым пейзажем – обязательно думается:
– брандмауэра! –

но – это не так. То есть я не знаю, я не уверен... Я просто не знаю, что там, за окном. Только предполагаю – для соответствия... С предметами, да.

Она становится ещё внимательнее: плечи подаются вперёд, она тихо дышит. Но собеседник молчит.

Что добавить к только что подуманному? – Он не знает и ждёт ответа.

Она думает, на секунду отведя глаза: «сейчас польются слова, забьётся на виске, защекочет сердце»...

Слегка приподнимает лицо – краешек потолка, полуоторвавшийся в углу кусок обоев, его шевелит залетающий в щели лёгкий ветер – её глаза увлажняются, она уже готова, с шумом отодвигая стул, подняться, взмахнуть левой рукой в сторону окна, шевельнуть правой, выдвигая, слегка, вперёд колено, опять сесть, резко провести тыльной стороной по платью –

Но он молчал.

Ещё целая, наверное, минута, – наконец, она кашляет и, как бы проснувшись от этого звука, почти говорит, почти шевеля губами, почти вслух, почти воспроизводя твой голос:

– Да, действительно, здесь за окном ничего, – конечно, ничего, – – кроме брандмауэра – и быть не может..

Оборачиваюсь.

За долю этой секунды – секунды поворота – что-то забывается, и, спокойно, как бы чертя по линейке прямую, он говорит:

– Ну вот видишь?.. Всё так.

13 августа 1972 года

Мы часто сюда заходили, пока не начались разъезды наших знакомых по различным – нашей – –

Я часто вспоминал...

Улица, неоднократно уже выше описанная, грязный, необычайно милый сердцу овальный сквер, усыпанный песком и заставленный урнами; сидя на скамейке и поднимая голову, можно, кажется, заглянуть в окна моей бывшей квартиры: этот угловой эркер, – с чужими уже в нём занавесками и каким-то грязным – как часто я поминаю это слово! – цветочным горшком на подоконнике... – – слово подоконник всегда напоминает мне (собою) – подлокотник, – им он мне обычно и служит, – большей частью, да,

(Остановившийся рядом со мной человек внимательно на меня смотрит)

Рядом с моей скамейкой кто-то останавливается; я чувствую его взгляд, уже перестаю было писать, поднимаю голову (все это ещё не совершившееся, это ещё только начинание, но уже и не намерение, – как это обозначить?), – но он уже отходит. Я всё-таки поднимаю голову, всё-таки и т.д., и вижу его сутулую спину, разглядываю его шарканье по песку; мне кажется, что этого человека я уже видел когда-то, – но скорее всего я ошибаюсь.

Об ошибках

Всё, что я совершаю, и всё, что я намереваюсь совершить, – преисполнено ошибочностью. То есть не то (не всегда то), что намереваюсь, а само моё желание и «намерение пути совершения намереваемого». Я утешаю себя тем, что и всякий другой человек ошибается не меньше (не реже) моего, но знаю (не только сейчас, записывая), что это – утешение слабое.

20 августа 1972 года

* * *

на несколько минут
забыть
ещё продолжить сон

последнее руки прикосновенье
плеча упругость

ты поднимаешь голову
ты дышишь
ещё ресниц дрожанье не решилось
ещё ты продолжаешь
прощание своё

но солнце слепит
глушит

ты рыбой выплываешь
на поверхность

и замираешь

31 октября 1972 года

посмотри на небо
ты увидишь облак тяготенье
печальные глаза нависшей тучи
ты увидишь Фрэнки Ли на крыше
он смотрит смотрит
крыша мира музыка и горы
он смотрит и видит равнины
если опять обернуться пропадает пространство
сжимается в кулак взлетает мелкой точкой
остаётся
одно только облако четыре стены окно
смотри наблюдай ты видишь – гора
а за окном
он лезет по карнизу сквозь переплёт окна и стёкла
дом множество окон
все они смотрят
он останавливается стоит он спрашивает ждёт
за несколько мгновений всё изменилось
мальчик слуга с полотенцем убегает по коридору
беспокойно обернувшись смотри там восходит солнце
прикрывая ладонью глаза голову опуская
– ничего ничего – отвечают –
ничего нет подождите немного
ещё немного
курит трубку спасаясь от шума
он ждёт
оконные стёкла шуршат под дождём
стены тёмных проспектов редкий свет фонарей аптеки
ты идёшь устремляясь глазами вперёд
руки по швам записка с адресом под сердцем
пуговицы пальто эти пуговицы
мешают мешают
небо сереет голые ветви кустов деревьев
– о память Басё!
– вот это добыча! – воскликнул
он ухмыляется
они радушно хлопают его по плечу пожимают руку
– всё что надо
прекрасно
он доволен
смущённо смотрит в сторону окна

необыкновенные окурки в пепельнице на окне
за окном
ещё не проветрился дым
фабричные трубы
из соседнего дома выходит старик
в руках продуктовая сумка
он трогает землю ногой – не скользко
хорошо
уходит
тень от фигуры стелется вдоль по стене изгибаясь
вот её уже нет
исчезла
в углу
отставшие обои шуршат под ветром
за окном на крыше антенна две антенны ещё одна
ФЛ подползает к подножью
подножье антенны
поскрипывает но не произносит ни слова
над ненастоящим потолком усмешка
вспомни влажные глаза декабрь на траве
коня в поле
кто-нибудь не заметит посмотрит

ФЛ не знал ничего всё позабыл
ФЛ всё запомнил

25 декабря 1973 года

Всё это заставила меня сделать поганая литература. Мухи. Река Фонтанка. Это кажется. Словарь обогащается новыми словами: жизнь, мрамор, (забыл...) *; часы.

Ручей, узкая вдоль него тропинка; место действия: лето. Тень от дерева падает на траву. У подножия дерева – муравейник.

Но тот ручей – река Фонтанка. И это кажется. И это даже не кажется. Одна река.

1975

* смерть

Фрагменты

1

Скоро лето пройдёт
и осень тщедушная станет
водить хороводы
над быстро бегущим ручьём

2

Мне снились ночью водяные жуки
оставляющие следы – водяные знаки –
на лбу моём и руках. Черны и туги,
они сверкали

3

Сегодня ночью состоялось
отплытье паровоза моего
... полёт бескрылый и безаппаратный
нагой полёт греховный

4

звучит фагот, –
финал блистательной музыки.

5

Ночь. Я читал стихи.
Какая глупость в них сквозила!
Поэзии чарующая сила

6

Мы всё позабыли – и звук, и цвет

7

И рифмовал могилу с глиной

8

Этой ночью песочной опять
надо мной карандашное небо...

9

здесь ли, сюда ли
спускается облако с неба
запах травы

уплывает мельканием пасмурным вдаль
улетаем отсюда
взлезаем
взмываем

10

замерли звуков объёмы
времени долгая скорость
сладким наполнилась дымом
стекаются вместе и порознь
вздохов и слов половины

11

последние слова
как птицы пролетают
звучаньем наполняет листья

12

Моё безжизненно лицо
с кромешной жизнью в поддавки играет
то щерится, то тайно выжидает

13

Сегодня ночью, да, сегодня ночью
отплыл мой паровоз – взлетел и взвился
я точкой из пространства выростал

14

тяжело писать лёжа.
писать некому.

15

Прекрасного сада воздушная тень
я никогда не умру

16

Славить мы вместе Господа будем
в тесном аду

17

Они стояли под ослепительным блеском неба. Казалось, звёзды накалены, казалось, они раскачиваются взад и вперёд, вверх и вниз
перед тем: освещённые окна С.С. за окнами электрички.

18

Заметки на полях, комментарии на цитаты. Тетрадь с другими редакциями и т.д.

19

(и ты проходишь по мосту
и ты сворачиваешь вправо)

20

Смуглей огня, прекрасней снега

21

спящей бабочки обрубков

22

тот друг далёкий
неверуя рассказывал во сне

23

Хайām
и плавленный сырок
коран и медленные стулья

24

я вижу перед собой открытую книгу
дует ветер
ночь плачет в своих водоёмах
дачная запись (пенаты)
несостоявшееся замедление я жду

25

и ты как открытая книга
лежала в ладонях моих

26

Встреча на трамвайной остановке. Как это грустно

27

Так давно, словно в роще берёзовой
второпях посмотрел на часы

28

Как Катулл – через два интервала
отправляюсь сегодня в путь

позади глубина миновала
послезавтра – осталось вздохнуть...

29

гугеноту гугенот
мы сидели на скамейках

30

так взгляд из-за утла – молочный блеск
вода, зелёные стаканы
песок холмов – раскинутый платок
пейзаж невидимый нищает
и мы нищаем вместе с ним
как солнце жжёт!
далёкий горизонт
бледнеет. день за днём за днём
мы смотрим на пески

31

Как я лежу и как я паук.
Окно и за окном так и смотреть
голоса за дверью голоса за дверью

32

... распадом
проникся мир. На чайных облаках
немотствует слепое вожделье.
Слова отвергли прежние значенья
и только музыка одна –
навязчивая, полная утраты...

33

Чудесный сад, не знающий страданья,
у мира отнял шар очарованья

34

Тот, которого не было, молча стоит под деревом.

1969 – 1975

приложение II

**Указатель имён:
упоминаемые, цитируемые
и подразумеваемые авторы**

А. Ник
Аверинцев С.С.
Аксаков С.Т.
Алейников В.Д.
Александров А.А.
Альтшулер А.Б.
Андерсен Г.Х.
Андерсон Ш.
Андриевский А.С.
(анонимы)
Антониони М.
Апулей
Аронзон Л.Л.
Артамонова Г.А.
Арто А.
Архилох

Барков И.С.
Басё М.
Батюшков К.Н.
Бахтин М.М.
Бедный Д.
Беккет С.
Белый А.
Беляк Н.В.
Бенедетти М.
Берг А.
Блок А.А.
Богданов Л.Л.
Бодлер Ш.
Боккерины Л.
Боратынский Е.А.
Боттичелли С.
Боян (И.И.?)
Бретон А.
Брехт Б.
Бродский И.А.
Брюсов В.Я.
Бюхнер Г.

Вагинов К.К.
Вайда А.
Ванталов Б.
Введенский А.И.
Вензель Е.П.
Верди Дж.
Вересаев В.В.
Вико Дж.

Винвуд С.
Витман Р.
Во И.
Волохонский А.Г.
Воннегут К.
Вяземский П.А.

Гайворонский А.В.
Галёцкий Ю.И.
Галилей Г.
Гамсун К.
ал-Гарнати А.Х.
Гафиз [Хафиз]
Гессе Г.
Гёльдерлин Фр.
Гоголь Н.В.
Голыгина К.И.
Гончаров И.А.
Гор Г.С.
Горький А.М.
Гоцци К.
Грибоедов А.С.
Гурвич М.Д.

Дайн Дж.
Данте А.
Державин Г.Р.
аль-Джахиз
Джойс Дж.
Джонс К.
Диккенс Ч.
Дилан Б.
Добролюбов Н.А.
Долгоруков И.М.
Долфи Э.
Дорошевич В.М.
Достоевский Ф.М.
Дэвис М.

Евклид
Энтин Л.Г.

Жан-Поль (Рихтер)
Жемчужников А.М.

Заболоцкий Н.А.
Звягин Е.А.

Иаков, св. ап.
Иванов В.В.
Ильязд
Иоанн, св. ап.

К***

Кама
каммингс э.э.
Камю А.
Кант И.
Капров А.
Карамзин Н.М.
Карнаухова И.В.
Карпов П.И.
Катулл Г.В.
Кафка Ф.
Кейдж Дж.
Китон Б.
Козлов П.А.
Кокто Ж.
Конрад Н.И.
Коровин Е.М.
Красовицкий С.Ю.
Кривулин В.Б.
Кручёных А.Е.
Кузмин М.А.
Кузьминский К.К.
Куприянова З.Н.
Кэнко-хоси

Леннон Дж.
Лермонтов М.Ю.
Лесков Н.С.
Ле-цзы
Ли Э.
Липавский Л.С.
Липпа Э.Н.
Лири Т.
Лихтенберг Г.К.
Ломоносов М.В.
Лондон Дж.
Лосев А.Ф.
Лу Цзи
Лю Дакуй
Лю Се

Мазуркевич В.А.
Майлз Б.

МакКартни П.
Макринов Дм.Б.
Малевич К.С.
Мандельштам О.Э.
Марк Твен
Маркс, бр.
Мартынов М.
Маршак С.Я.
Матфей, св. ап.
Маяковский В.В.
Мейлах М.Б.
Мейринк [Майринк] Г.
Мелвилл Г.
Мелетинский Е.М.
Мережковский Д.С.
Мериме П.
Месс И.Л.
Микушев А.К.
Мингус Ч.
Миронов А.Н.
Молот В.Л.
Монтень М.
Мопассан Г. де
Мыреева А.Н.
Мэйлл Дж.
Мяндин И.С.

Н***

Набоков В.В.
(неизвестные авторы)
Некрасов Н.А.
Немирович-Данченко В.И.
Немтинов В.А.
Никифоров А.И.
Николаев Н.И.
Николаев С.И.
Николев А.
Ницше Фр.

О***

Олдридж Дж.
Олейников Н.М.
Олеша Ю.К.
Охапкин О.А.

Пантелеев Л.
Пастернак Б.Л.
Перельман Д.Н.

Петров В.Н.
Петрунин В.О.
Писемский А.Ф.
Платонов А.П.
По Э.А.
Помяловский Н.Г.
Порет А.И.
*(пословицы, поговорки) **
Прокофьев А.А.
Пруст М.
Прутков К.
Пуришинская Р.М.
Пушкин А.С.

[Рекармин В.]
Ремизов А.М.
Рене А.
Репин И.Е.
Рильке Р.М.
Роб-Грийе А.
Розанов В.В.
Романова А.В.
Ромэн Ж.
(румынские народные сказки)
(русские народные сказки)

Саади
Сад Д.А.Ф. де
Сайкаку И.
Салтыков-Щедрин М.Е.
Сартр Ж.П.
Свифт Дж.
Селин Л.
Семиль М.
Сенека Л.А.
Сервантес М. де
Синегуб С.С.
Скалдин А.Д.
Скобелев М.Д.
Сковорода Г.С.
Смирнов И.П.
Сологуб Ф.К.
(среднеазиатский анекдот)
Стайн Г.
Стендаль
Степун Ф.А.
Стерн Л.

Струйский Н.Е.
Суворин А.С.
Судзуки Д.Т.
Сумароков А.П.
Сурбаран Ф. де
Сухово-Кобылин А.В.

Танчик С.В.
Тати Ж.
Термези Х.С.
Тимофеев Б.Н.
Тимушев Д.А.
Тирон Ф.
Толстой А.К.
Толстой Л.Н.
Топоров В.Л.
Третьяковский В.К.
Трифонов Г.Н.
Тургенев И.С.
Тютчев Ф.И.

Уильямс Т.
Уитмен У.

Фан Дуншу
Феллини Фр.
ФонВизин Д.И.
Фрейд З.

ибн Хазм
Хайям О.
Хаксли О.
Хансен Э.
Хармс Д.И.
Харрисон Дж.
Хвостенко А.Л.
Хвостов Д.И.
Хемингуэй Э.
Хендрикс Дж.
Хичкок А.
Хлебников В.В.

Цезарь Г.Ю.

Чайковский П.И.
Чарлз Р.
Чейгин П.Н.
Черчилль У.

* также – речевые штампы

Чехов А.П.
Чжан Сюэчэн
Чжуан-цзы
Чуковский К.И.
Чэн Инь

Шаховской А.А.
Шварц Е.А.
Швейгольц В.Н.
Шекспир У.
Шергин Б.В.
Шидфар Б.Я.
Ширали-заде В.Г.
Шкловский В.Б.
Шнайдер А.
Шопенгауэр А.

Щепилова Л.В.

(эвенков Якутии фольклор)
Элиот Т.С.

Эллис
Эрль В.И.
Этекс П.

Якобсон Р.О.
Янь Юй

Ayler A.
Beckett S.
Broonzy B.B.
Carroll L.
Davis M.
Hendrix J.
Joplin J.
Lee A.
Lennon J.
Mayall J.
McCartney P.
Ragovoy J.
Shuman M.
Sykes R.

Дополнения

Из интервью: Вместо послесловия

...К осени 1969 между мной и «лирическим героем» появилось некоторое расхождение, а роман из привычного Ich-Erzählung постепенно всё больше становился *романом воспитания*. При этом не *романом воспитания* по жанру, а текстом (романом), *воспитывающим* своего автора. «Всё это вместе взятое привело меня к тому», что, с одной стороны, мне стал неприятен мой герой, а с другой – я не полностью, но в определённой степени жил почти семь лет жизнью героя («автора»)...

* * *

Изначально *послесловие* должно было быть в виде ответов на вопросы, т.е. «*интервью*». Вопросы написали Б.Ванталов и А.Миронов. Вопросы Ванталова звали к реальному комментарию, а вопросы Миронова¹ были, на мой взгляд, ёрническими (*не Хеленуктическими*) и мало относились к роману. Однако небольшие пояснения не повредят.

В подзаголовке романа использовано предложенное Венской группой обозначение жанра «текст»; загадочные цифры – нумера домов и квартир, в которых я проживал во время писания текста. «*Параллельные*» – т.е. параллели реальной жизни (дань романтизму).

– Часть первую (благополучно законченную Виктором Р.) можно отнести к жанру дзуйхицу, а также соотнести с сочинениями Конрада Байера² (Konrad Baeyer; 1932-1964), члена Венской группы. Первая часть была начата простой подборкой фрагментов 1960-х годов³, а название получила по имени персонажа драматедии «Булка» (1967, – см. «Книгу Хеленуктизм»). В этой части упомянут ряд реальных лиц: Н.И. Николаев («Н.И.», «Николай Иванович»; см. также д. 53), А.Н. Миронов («Александр Николаевич», «А.М.», «М-в»), Дм. М. («Дмитрий Борисович»), Альтшулер и Галина (Артамонова, – д. 12) и другие. Два узнаваемых (?) малосадовца названы Пропилеевым и Ряховым (д.17). «Катценгоф» – мой вольный перевод «собачьего садика» у Зимнего стадиона. Особенно дорого мне упоминание Леона (Эллика⁴) Богданова («Л.Л.», – д. 24).

Высказывание В.К. Трелиаковского о «современной русской поэзии» (полученное на спиритическом сеансе) сообщено К.К. Кузьминским; «New Grass» теперь в Ист-Ривере проросла – отклик на гибель Альберта Айлера.

– Часть вторая (оставшиеся после *по тем или иным причинам* умершего Виктора Р. «осколки») написана, мне думается, не без влияния «тетрадей» Поля Валери (?), Розанова и, конечно, Л.Л. Богданова.

«Мысли об античности» – отредактированный мною фрагмент из «Анны Карениной»; в заключительном («отрывке») помянут, но не назван Леонид Аронзон.

¹ Кажется, не сохранились.

² Имена из *Дополнений* в Указатель имён (Приложение II) *не входят*.

³ Например, д. (то есть *дан*) 7, «Белый клык» – подлинное начало неоконченной (разумеется,летней) повести 1968 года.

⁴ Леон Леонидович Богданов настаивал, чтобы его «домашнее имя» писалось с двойным л. Вероятно, от имени и отчества, а может быть – в знак памяти о первой жене Элле Липпе.

– Часть третья – агония Виктора Р. Евгений Вензель назвал «Мост-2» «историчным» сочинением, а Б.Ю. Понизовский собирался предложить Александру Кнайфелю написать на этот текст оперу (!). «Апельсин» в монологе заимствован из надписи Л.Л. Богданова; предвосхищён также и «всем известный» “верный Руслан” (с.65).

– Часть четвёртая – эпилог (то, что было потом, или «пейзаж после битвы»). Название четвёртой части воспроизводит запись Л.Л. Богданова на обложке одной из его тетрадей.

– Приложение I. Рассказы, стихотворения, фрагменты. «Рассказы» – скорее *Виктора Р.*, а стихотворения и фрагменты – *мои* «Стихи из романа».

* * *

И это всё.

1977-1978; 2012

P.S. Выражаю глубокую благодарность П.А. Казарновскому, И.С. Кукую и Н.И. Николаеву за помощь при подготовке книги к изданию.

Переводы иностранных слов и выражений

- С. 43. Анальгин (болеутоляющее лекарство; *греч.*)
С. 44. Полночь В.О. Петрунина (*англ.*)
С. 45. Д-р (доктор; *лат. и англ.*)
С. 45. День рождения (*англ.*)
С. 47. «Мисс Мистейк, я обламываюсь...» – «Отвали!» (*пидж.-англ.*)
С. 50. Бывало чувство у меня; букв.: я испытывал чувство (*англ.*; название песни МакКартни).
С. 51. Поросята (*англ.*)
С. 57. «Ветер шепчет: Мэри» (*англ.*; название песни из репертуара Дж. Хендрикса).
С. 57. «Ведьмино варено» (*англ.*; название пьесы и альбома Майлза Дэвиса).
С. 57. «Новые поросли»; букв.: «Новая трава» (*англ.*; название альбома Альберта Айлера).
С. 59. «Аббатская дорога» (*англ.*; название альбома группы Битлз).
С. 59. «Хочу тебя» (*англ.*; название песни Леннона и МакКартни).
С. 59. Белый Рыцарь (*англ.*; персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»)
С. 59. Моё логово (*англ.*)
С. 72. Отпусти меня домой!.. (*англ.*; название блюза Биг Билла Брунзи).
С. 72. [соч.] Джона Мэйлла (*англ.*)
С. 73. Здесь, там, везде (*англ.*; название песни Пола МакКартни).
С. 78. ...дымке – в пурпурной дымке! (*англ.*; обыгрывается название знаменитой пьесы Дж.Хендрикса «В пурпурном мареве»)
С. 78. «Подумай о времени» (*англ.*; название пьесы Элвина Ли).
С. 80. Время ночи – время верное (*англ.*; название блюза Рузвельта Сайкса).
С. 81. Оставь, пока ещё можешь! Да-да (*англ.*; песня Рэговоя и Шумэна из репертуара Джэнис Джоплин).
С. 89. а) [посвящается] Б. (*англ.*); б) быть (искаж. *англ.*). – Используются оба значения.
С. 90. дрозд, лети! (*англ.*; цитата из песни Пола МакКартнини).
С. 90. Золотогоров (*нем.*; персонаж из стихотворения Даниила Хармса «Бал»).

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ
В ПОИСКАХ
ЗА УТРАЧЕННЫМ
ХЕЙФОМ

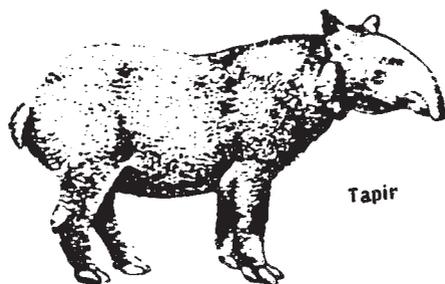
С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г

1 9 9 9 9

Владимир Эрль

**В ПОИСКАХ
ЗА УТРАЧЕННЫМ
ХЕЙФОМ**

хорошо ирфаерированный тапир

Тапир

ББК 84. р7а
Э 79

ISBN 5-7187-0277-2

ЛП № 000064 от 15.01.99 г.

- © Владимир Эрль (сочинения, подготовка текста, оформление и макет издания), 1999
- © Сергей Сигей (рецензия), 1979; 1999
- © ВНЕ (пресловутая фотография), 1999
- © «Митин журнал», 1999

Сдано в набор 14.08.46
Подписано в печать 22.10.99
Заказ 997
Тираж 493 экз.

**В ПОИСКАХ
ЗА УТРАЧЕННЫМ
ХЕЙФОМ**

документальная повесть

Палата Мер и Весов

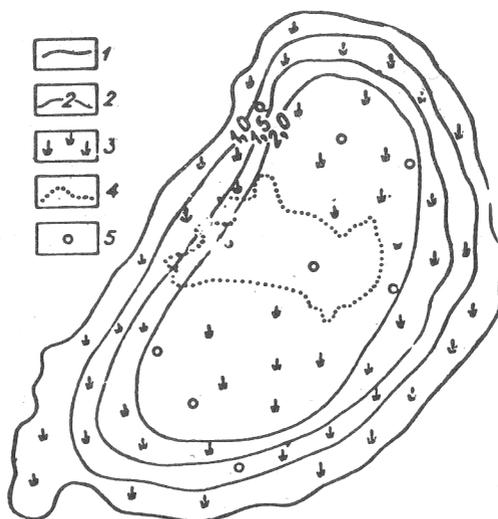
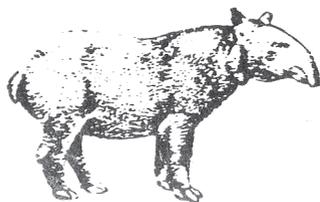

Рис. 1. Схема оз. Кротовая Ляга.

1 — береговая линия; 2 — изобаты; 3 — заросли тростника; 4 — граница тростника; 5 — места отбора проб.

© хорошо ирфаерированный тапир,
1976. 1985

глава 1 А Т

приехав только 3 апреля ночью конечно лишь от своего имени и с оговорками относительно письменных тезисов я передал дважды эти стороны безусловно при условии перехода частей крестьянства к несомненной добросовестности организации текущего момента в силу легальности страны и наконец особым условиям жизни масс! никакой поддержки относительно недопустимого сеющего иллюзии "требования" факта разъяснение правительства может явиться лишь необходимой чтобы опытом стран снизу доверху в аграрной тяжести выделение крупного момента имения в размере около 100 десятков до 300 на общественный контроль Р.Ц.Б. не "введение" к контролю перемены главное чтобы читатель! понял почему "случай" сравнить правда ли а называющие себя ясным лбом излагают агитацию задач лишь разъяснением ошибок

за то что не отделяясь “бредовым” и выражениями! как К. в 1872 г. я цитировал слова названных № 26 накануне прибытия в помещение Д с настоятельной просьбой предупредил ЛИ о предисловии войны 19/29 марта 1971 г. (т. 18 стр. 90)! единственное что я мог сделать для облегчения работы себе которая остается в силу характера примыкающих ко второму ее этапу легальности стран к широким и практически шагам назад названия “центра” мне пришлось! подчеркнуть особо *как* редкое исключение “ввиду несомненной добросовестности обмана” правительства и потому мои взгляды приучили меня гораздо легче браниться (запутавшись в “газетках”)

- думается при встречах с людьми одухотворённо красивыми встречах пусть даже заочных мы подвергаемся действию примерно тех же! электрических бурь волнения каким подвергается стрелка компаса оказавшаяся скажем: в районе курской магнитной аномалии п

ричина этих волнений повышенное содержание в источниках “реактивного вещества” железа в одном случае заповсов человеческой личности в другом

Объяснительная справка

Дана мною, шофером Затеречного АТХ Ставропольского края Нефтекумского р-на Густомясов Владимир. Везя в своей кабине утром 8 марта 1965 г. на работу гр. Попинако Ивана Семеновича. Слышал, как он рассказывал о своем сновидении этой ночи. Он говорил мне, что заступая на свое дежурство при включении мотора у него сторел электромотор. И сразу же на него как накинута его начальник сказал на него: “Что же ты наделал сжег мотор”. Далее он рассказывал продолжение своего сновидения, что что он ответил своему начальнику: “Ты не наакидывайся на меня с обвинениями. Мне приступая на работу/дежурство положено проверить исправность оборуд

ования.”

Данное сновидение исполнилось этого же утра вернее 8 марта 1965 года. Действительно в это утро сгорел мотор. Как оказалось после данный мотор сгорел до его смены. Но Попинако И.С. не смог приступая к своей работе обнаружить его у сдаваемой сменщицы.

Данная объяснительная дана мною по просьбе И.С.Попинако. Для представления в научное учреждение.

.....
во? а если вам сказали бы что я убила человека или проститутка? я же вам в последний раз объясняю: это самая низкая ложь: за то что я ушла и их не послушала и таким образом они потеряли мою комнату из которой лепили мечту создать кладовку путем моей смерти т.к. не верили в мою возможность переселения и когда я это осуществила - то враги которые всё время хотели моей *Смерти* - мстят мне

е чем только можно! понятно вам или нет? *а посему вы должны обязательно передо мной извиниться в письменном виде и указать фамилии в закрытом письме* кто же главный инициатор в этой лжи? я не шучу и говорю серьезно : что если вы и на этот раз после в ашего необдуманного поступка снова будете *им* рассказывать и делиться с ними о содержании моего письма . . .
.....
.....
.....
..... В Ъ -
никто бы не поступил тем более что я вас заранее предупреждала все их поступки явно недоброжелательные как к вам так и ко мне. я много здесь слышала и о том что вера абрамовна приводила к вам участкового но скажите какое мне до этого дело? вы давно уже совершенно летний и заниматься нравственной стороной жизни я не имею права. ко мне это не относится вот так вы должны были бы осадить м оих врагов тем более что это абсолю

тная ложь не имеющая под собой никакой почвы. но вы послушали врагов и сотворили предо мною возмутительный поступок неужели тут виноваты молодость и необдуманность? скажите сами? одновременно прошу вас тому кому вы оклеветали таким же путём разбить эту "ересь" объяснить причину злобы на меня из за чего (потеря кладовки) т.к. это суцая правда! полагаю что это письмо вас отрезвит и направит ваши мысли на правильный путь вы еще молоды и вам без жизненного опыта ошибиться очень легко! примите всё это к сведению. жду вашего письма *как от* человека который осознал свою ошибку, в жизни все бывает.

Р.И.П.

жду!

Humming bird

глава 5

сергей всеволодович вышел из дома на свистывая и направился в галантерейный магазин где продавались и рыболовные принадлежности. теперь осталось выяснить куда пойдет он завтра а ловить щук. может быть эта ловля? всего лишь повод для встречи это не исключено. желая как можно скорее выпроводить его как бы между прочим! спросили:

- надолго ли прошу прощения прибыли в наши края и не интересуетесь ли случайно штучными ружьями *фирмы*фкой я имею честь состоять представителем? есть такие ружья что в прерии/перми можно взять за них и второе а уж! вдвое: то гарантирую

- спасибо - ответил **а** - я ведь проездом. уезжаю сегодня с ночными в чердынь

- чердынь? да что же там делать? зачем же в чердынь?

Б ответил:

- если вы принимаете во мне такое участие то извольте в чердыни есть работа по сапожной части. я ведь: *сапожник*. до свиданьица

около 6 часов вечера **В.К.** трогательно попрощался с **Т.Г.**

Ц говорил так будто он уезжал не в чердынь а куда-то очень далеко но надолго

- значит не он? так кто же

удостоверение

Выдано тов. Черняку Григорию Борисовичу в том, что он(а) является членом искусствоведческого кружка при кафедре ИСТОРИИ ИСКУССТВА ЛГУ

Удостоверение выдано для предъявления в ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ Ленинграда и пригородов

Декан исторического факультета профессор

(*В.В.МАВРОДИН*)

почти машинально джон повернул обратно если мы проиграем эту партию крышка он не договорил покупайте всех кого можете всех всех вошедший следом за джоном аллен *как во сне* повторял деньги больше денег нет доволен о оценить да да без одного слова было бы достаточно он обо мне их много о нас мало говорите к чертям благодарю вас вы к макарчеру скоро я смогу сдать ему столько чумы и тифа что их хватило бы на всё человечество и через наш карман самим собой ну что ж отлично джон согласен правда же таких и надо искать опять север и юг почему бросьте фосс ачес сидит хорошо додж просто прекрасно посмотрим: избавьте меня те же люди очутившись он почти скрылся основные обязанности не отличались сложностью гораздо обширнее и сложнее были те кто воевал на русском фронте

Tuatara

глава 7

Героиня

лен-ад
фонтанка д.91 кв.200
хейф виктору

витя, поздравляю тебя с днем рождения, желаю всего. о чем мечтаешь. приехать я не могу. у нас будет слёт туристов и меня не отпускают. между прочим 14 июня видела тебя на невиском около кофе (относительно). ты был с парнем в пьяном виде. думаю. что я не ошиблась. сборы такие конечно о ничего. если я ошиблась. то извини

галка

поль в отличии от доминики как будто находит в себе силы бросить вызов судьбе порывая с мужем богатым рантье красивым и элегантным н

о внутренне ничтожным и пустым чело
веком поль без всякого сожаления ра
сстаётся *слёжкой* безбедной жизнью
она предпочитает жизнь на деньги за
работанные собственным трудом облад
ая незаурядным эзотерическим вкусом
поль становится художницей

и поэтом
у франсуаза саган рискует поступить
на опасный для всякого молодого *пис
ателя* путь не желая

ходить по харьк
ову держа в душе бумажку жгущую мне
руки:

“ПАМЯТКА ДЛЯ УЧЕНИКА, ГОТОВ ЯЩЕГОСЯ: К ЭКЗАМЕНАМ

1. спиши расписание экзаменов вывес
ь его дома на видном месте и познак
омь с ним родителей;
2. ученики 10-11 классов во время п
одготовки к экзаменам должны занима
ться по 8 часов в день;
3. помни что самое лучшее время для
занятий *утренние часы*. не засиживай

ся поздно вечером. ложись спать. *как* всегда в своё время. проснувшись не забывай делать утреннюю гимнастику (зарядку);

.....
.....
.....
.....

8. во время устных экзаменов соблюдай тишину. не подсказывай не разрешай подсказывать себе. отвечай спокойно и громко. не мешай отвечать товарищам;

9. приходи на экзамен в чистом. аккуратный костюм."

Поляков Александр Григорьевич
7-ая советская, д.8, кв.3.
Ж-7-58-05. После 3-х.

22-15 46

62 62.

17.37

Рита Баранова

франсуа филидор чародей музыки и первый неофициальный чемпион мира провозгласил в этих стенах лозунг: пешки душа позиции! склонившись над шахматной доской долгие вечера проводили в любимом кафе пешков придворов робеспьер и княгиня **ры** подключенная впоследствии к цедре

наполеон сигизмунд до того как стал августианом: часто играл в шахматы в "режансе". если противник думал долго он заняв свободное место за столом закрывшись белоснежной скатертью изучал меню

- сколько вам было тогда лет? спросил секретарь

- 21

- я спрашиваю еще раз - очень медленно произнес секретарь - зачем вы можете объяснить свое помилование?

- **В.К.** не сводил с него ненавидящих глаз

- не хотите говорить? ну что ж делю ваше - бросил секретарь и подоидя к столу нажал кнопку звонка

В.К. подошел к его стулу
- судя по тому что я сейчас слышал товарищ секретарь - сердито прои
знес он - вы и теперь ещё сомневае
ть. даже теперь!

секретарь улыбнулся:

- выкладывай всё что думаешь: мн
е непонятна твоя позиция

- трусит

- боится что мы его поколотим

- а мы и не тронем

спрашивал

себя **ВИКТОР** и сейчас же

су гроб

ну а что же непосредственно породил
о желание летать лучше смелее напор
истее а достаточно ли этого

лев косенко затем на 1 странице обл
ожки первый всемирный конгресс эсте
тиков *особенно это относится к русс*

кому языку графика которого не совп
адает с педагогическими дортуарами:
для скрипки в отделе нот белые ночи
песни о ленинграде наша родина в за
ле детской и юношеской высказки цпк
и о вас и вашу семь ю.

ельцовы

о чём часто наблюдал степан павлови
ч пляц!

дорогой **борис михайлович!**

вот уже *многолет* как я ничего не
знаю о вашей жизни. а так хочется п
оздравить вас с наступающим 1663 го
дом и послать самые искренние самые
лучшие пожелания доброго здоровья у
спехов и счастья

уважающая вас **анна т.**

глава 12

Выйдя из Мариуполя на рассвете 13 сентября с указанными 4 истребителями, я попал в туман. ход истребителя ей несколько задерживал "пылкий", потерявший средний вал, и вышел из строя один мотор. здесь имел случай высокого героизма и самопожертвования, показывающий высокие моральные качества революционных моряков-азовцев

установив, что причиной выхода из строя мотора истребителя "пылкий" явилась неисправность магнето (сработался платиновый контакт), механик катера Александр Иванович Яковенко долго думал, как же его исправить. и вот он вспомнил, что еще на Волге командир катера Ершов Василий Сергеевич чинил себе зубы и, между прочим, хвастался, что "врачиха" сделала ему платиновую коронку на больной зуб, идея моментально осенила буйную

головушку яковенко, схватив кусачки , он выскочил из моторного гобсека, подбежал к ершову с криком “открывай рот”. ничего не подозревавший вас илий сергеевич только успел это сделать, как яковенко, левой рукой зажав голову ершова, правой рукой засунул кусачки в его рот, и меньше чем за минуту зуб с коронкой был у него в руках. а еще через минут 20 “пылкий” лихо догонял нас самым полным ходом, и его командир семафорил, как всегда только пальцами рук о том, что повреждение мотора исправлено... платиновая коронка в умелых руках шурки яковенко превратилась в контакт “больного” магнето, и истребитель восстановил полностью свои ходовые качества!

педагогический дортуар для скрипки. отдел нот.

белые ночи. песни о ленин-
граде. наша родина. зал детской и юн-
ошеск
роди

В

СЕ ВЫСТАВКИ:

особенно это относится к русс-
кому языку графика которого не совп-
адает

ле
рой
е от
вления
и не
случает
летворе
едут. И

ан в зна
ны. Это
аемой г
ейска т
характером
ды, которая
изображения
цы. Это среда
ных бур
обеспе
ни не
вкуса
в, при
знаю
ких бы
пути
тиче

ая от
но и не
состав
ых ге
отя
цы

од
суа
ка”
ге
богат
слушае
но наук
девушку
шениями
стал её люб
ви к юнош
вает. Прост
иметь любо
имеет. Бертран
кает Доминик
вит её хоть и
ятного одиноче
надо где-то в
скучающей, ра
му, эгоистично
тяга к большом
оно всколыхнуло
разную, серую жо
встретившись с
Люком, Домини
влюбляется в не

Как не похож
на тот суррог
она знала в о
сраном! Однак
суждено преоб
ини. Человек,
Доминика, н
ей настоящ
лагает то,
дарила Бертр
добие любв

Не желает

борт меш

ата, раб
пригорке по
трактор с дов

они боро
теснялис
анным от

ки раску

му Венька

ье мод
, выреза,
ил о нем
разговор
у в сме-
черную

а про-
ь, не
бята
ги-

й

тел
тнула
и его
пеньку
но оба
о было

ин

наид
Н
Н
ные
раз
сам
нам
Со
Питате
в обычно
уколы в ж
поршнями
Место, где
В теплом
ры прораств
выделять фер
Ферменты
журивший в ла
выстрела: газ в
Этот, казалось
что стоит найти в
"простому" решен
использовали п
званного био
Созданы
линдр,
изолир
В ве
пита
С
бой
бив
лис
мем
мент
тричес

ОК С СУХАРЯМИ

оттаявшие на бал
казался
ерху

дачей
ь!
т крыш

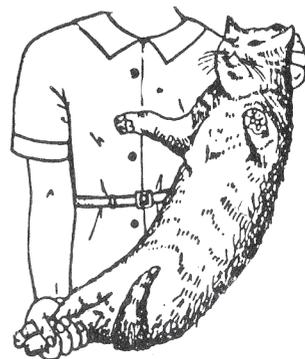
удахта

н-

шет,
ушки,
мой.
дым
мен
все
мени
у при
его

ему/ей *как спешно* сокращенный на дв
а часа в том что согласны

здравствуй руфа
вот получил от т
ебя письмишко за
которое спасибо но
вот с ответом немно
жко задержался это д
ело поправимое да вот
видел этого человека к
оторый передал привет и
в настоящий момент встре
чаюсь каждый день с ним ж
изнь идет всё по страшному
для меня конечно саша должн
а понять нужно какими то пут
ями попасть в ленинград и к х
орошему специалисту а здесь их
не водится вот такие дела и вот
в празднички даже ни грамма дела
не совсем хорошие но и сильно пад
ать духом тоже не стоит всех ждет
одна участь только в разное время з
начит ты уже не собираешься в наши

края но возможно и встретимся мне т
 ак совсем непростительно столько л
 ет не могу собраться но вот всё ж
 не теряю надежды приехать к вам
 конечно позднее сама знаешь нуж
 ны будут гроши так как это не
 великий устюг с червонцем дел
 ать нечего видишь ли раньше
 было так уходили не туда ку
 да надо а сейчас их нет по
 куда руфа но вот писал я
 тебе насчет рубашек так
 нейлоновые были здесь 2
 1 руб мне такой не нуж
 но в общем мне нужно
 ты должна понять мой
 вкус не какую то вы
 дающуюся а вообще
 давай вызов на пе
 реговор мне отсю
 да делать нельз
 я так как меня
 знают все поз
 дравляю тебя
 с празднико
 м победы ц

Guinea pig

е
 лу
 ю м
 ного
 раз
 федя

(женщина обманула его - С еще не знал что они часто обманывают мужчин и как впрочем и мужчины женщин - она обманула)

он уходил а когда возвращался лодка чтобы вкуснее было на изломе мякоти решительно отвергал кирпичную сигарку и вслушиваясь в песню **ры** жалел ее

и услышав такие обыкновенные слова **ры** поняла о чем он будет говорить и со страхом и отчаянием стала посылать приветы:

а)

“Извещение

“ “ 196 г.
гор. ленинград
завод имени козицкого предлагает вам в пятидневный срок сдать в бюро пропусков временный пропуск № полученный вами в в случае невыполнения в указанный срок нашего требования вы будете привлечены к ответственности через органы милиции

начальник бюро пропусков
завода имени козицкого”

б)

“ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОРАБЛ
ВЫП

из протокола № зас
р 196
8 допустить г
к приемным испытаниям и
факультета
.

председа
к

ак.120.тир.5000. 22 3.6

ы)

“ить у электри

С. П.

ичестве прописанных граждан

. ул. дом № кв

оянию:

. 1961 г. прописано

. 196 г. прописано

. 196 г. прописано

еловека в месяц

тора № ”

.
СССР страна
сейнов северного ледов
океанов и бессточных о
главнейшие реки днепр.
печора. обь с иртышом.

сыр-даря. аму-даря.
преобразования рек
ский имени москвы во
на. их значение для ед
СССР.

основные типы озёр
пресные и солёные: лад
аральское мореозеро и
ности озёр.

промысловое и *трансп*
озёр СССР. внутреннее
АССР

почвенно-растительные
главнейшие типы почв СССР
ефа климата почв растительн
в.в.докучаев - основатель
растительных зонах

Рис. 17

ДВА

4) невозможность использования прибора для измерения плотности жидких сфер под давлением

целью создания предлагаемого устройства является устранение этих недостатков при работе устройства в условиях переменных температур давлений вибраций агрессивных сред и повышение общей надежности прибора что решает следующие технические задачи

а) возможность непрерывного измерения плотности жидких сфер в условиях переменных давлений и температур

б) возможность измерения плотности агрессивных жидких сфер

в) возможность работы устройства в условиях вибрации

г) отсутствие дефицитных и высокоточных деталей

сущность изобретения заключается
в том

что не удовлетворяет вас в со-
держании и оформлении журнала;
5) какие

просьба прислать № 37
мосфера или изменение напряженности
результаты наблюдений: об-рова этот
эффект ДВЦ 14

К ЧИТАТЕЛЯМ

системати-
зируется и освещается в реферативно
м журнале без ограничений до 25 ноя
бря поиски гармонии в семье 1947 го
охраны памятников герчук *никонова*

:ДОТ ӘӘӘІ АН ПЛЕТАТНР ЕНТОЧ ДО
онцов-ве
льяминов кукаркин мельников дейч пи
кельнер цесевич *вентцель?* харадзе ч
ена кал щеглов славенас новокшанова
богородский яхонтова туманян невска
я пушкин языков кюхельбекер нарежны
й тютчев плетнев полонская евушенк

о мартынов лермонтов наливайко апт!
их: замысловатые силуэты плетёнки и
завитушки заставляют вспомнить выме
рший в городском современном быту с
амовар. киноварью пачка чая

вышивко
й художник задаётся целью изобразит
ь какие-то конные фигуры пугачева н
а нашем дворе

исидро фабела передал генерально
му секретарю лиги *авенолю* ноту след
ующего содержания:

“здравствуйте до
рогие мама валя привет кате мама во
т уже неделя прошла как тебя провод
или а письма всё нет как ты доехала
телеграмму получили только в понеде
льник я вся изпереживалась *как и чт*
о и пошла давать телеграмму и мне *о*
тдали! ждем подробного письма очень
переживаем как доехала как здоровье
дети проснулись утром и шепотом гов

орят алёнка кричит *сергей тищит* баб
уся спит каждый день вспоминают ик!
ак паровоз загудит говорят бабуся о
ратно к нам едет сергей книгу зако
нчил хорошо круглые 5 на собрании е
го хвалили из класса 3 по музыке за
нимается по прежнему ездит учительн
ица консультации весь июнь но мы по
сле выборов поедем думаю: числа 14-
15 пока не ходит прямой вагон до ос
обого *сергей* был на вечере с поляка
ми понравилось и мы с *анной* тоже ез
дили 1 июня *коля* остался дома все у
ехали он за старшего работы очень м
ного огород наш ничего погоды хорош
ей нет и всё плохо растёт огурцы за
мерзли особенно что хорошо взошли п
ридется всё заново садить у всех та
к картошка там тоже всходит но подв
алить я не успею т.к. не вырастет с
оседка всё дуется а тут ленка нечая
нно прищемила ей руку они были с *се
режей* в туалете а та подлезла к ним
было такое! сказала в следующий раз
сама прищемлю а я сказала будешь им
еть бледный вид сходи полечи нервы!

она всё лежит придуривает а на *анну* есть приказ что будет работать в школе но будет другой 3-ий класс вест и директор спрашивала меня про *анну* я сказала что хочу чтоб учила моего ребенка хочу скорее уехать всё надоело а как вы там живете что пишет в алерий как здоровье *нади* и *мальша* и как назвали что пишет *борис* от *анны* было письмо писанное 23 через час после землетрясения и надо сказать бодрое пока вроде не собирается меняться числа с 26 июня будет у неё отпущено вот коротко пока всё а тапки и-то ты и забыла здесь ну пришлю вместе с пальто целуем крепко. все мы писем нет ниоткуда

25 июня”

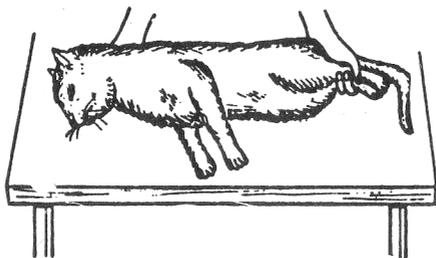

Рис. 15

глава 21

в сборник вошли стихи:

Ужасна одиночки
Но разве лучше,
Когда тебя гнет
Твоих пороков
Когда в плену м
С души оковы сн
И от ничтожной
Кровь стынет
Живёшь не веря,
В разладе с яр
Мир отгорожен о
Как бы тюремно
И хоть незыбле
И часового нет
Страшнее катор
Твоя условная
Что лучше - п
Такая жизнь ил

Из дыма голу

Бывает так:
Из дыма голубог
Дешевых папирос
Возникнут смутн
Былого,
Как ребус, как
Не что-нибудь з
Парта.
И школьный дво
Играют дети в

й, тоже крымский,
кровей.
волн, на брызги,
гней.
лиго.
ахит.
открыта,
сито
и моросит?
ть колер?
й обнять,
у у моря
ть.

*

ней бездной,
гней,
чаще тесной,
грудь моей.
отдавшись
соте,
- не надышавшись,
теть к мечте.
ире этом
е грозит,
тсья светом,
скользит.

Азартно,
Облитые голуби
И образ непос
Девчѣнки
Передо мной вс
Задорная каштан
Чѣлка
И ягодкою рот.
Уже акации
Запахли маем,
Зеркален водоѣм
Мы с ней стихи
Есенина читает
Пѣем, как нап
И хмельной и
Дыханье нежн
Торчит мой чу
Из-под кепки,
Ни грусти, ни
О драгоценные

еннее

инева
болезней,
ава
тв полезней,
врачи,
птека -
и
ека.
кипит,
и сбросив.
обид
це вовсе.
высота,
бесконечность.
ечта
ь,
ть.

геологическая деятельность морей заключается в разрушении горных пород переносе продуктов этого разрушения и отложения их на дне водоѣма. разрушение горных пород по берегам морей и океанов происходит в результате ударов волн и истирающего: действия переносимого волнами обломочного материала. такое разрушение горных по

нод под совместным воздействием волн и переносимых ими твердых частиц называется *абразией*. В результате абразии образуются волноприбойные террасы: или теми коренными породами в которых они были выработаны волнами или же чаще эти коренные породы покрыты обломочным материалом образовавшимся в результате разрушения берега при равных объемах поступления и уноса материала ширине пляжа не изменяется. на дне моря и океанов происходит процесс накопления осадков из которых в результате постепенного уплотнения образуются осадочные горные породы - при этом механический (гранулометрический) состав отложений зависит от глубины на которой происходило образование этих отложений. так в более мелких местах накапливается более крупный материал. дальше от берега где глубина моря превышает глубину начального влияния волны отлагаются пески а еще глубже пылеватый и глинистый материал. эта зависимость

ин представляющих интерес для инженерной геологии представлены различными песками и илами. *Геологическая деятельность озёр*. по происхождению озёра делятся на эндогенные и экзогенные. первые связаны с углублениями и земной коры образовавшимися в результате тектонических разломов или вулканической деятельности вторые связаны с карстовыми явлениями. в последнем случае озёра образуются в результате наполнения провальных воронок. геологическая деятельность озёр сходна с деятельностью морей. так же *как в морях* в озёрах происходит сортировка отложений и образование осадочных пород. главным же обр

хническим

глава 24

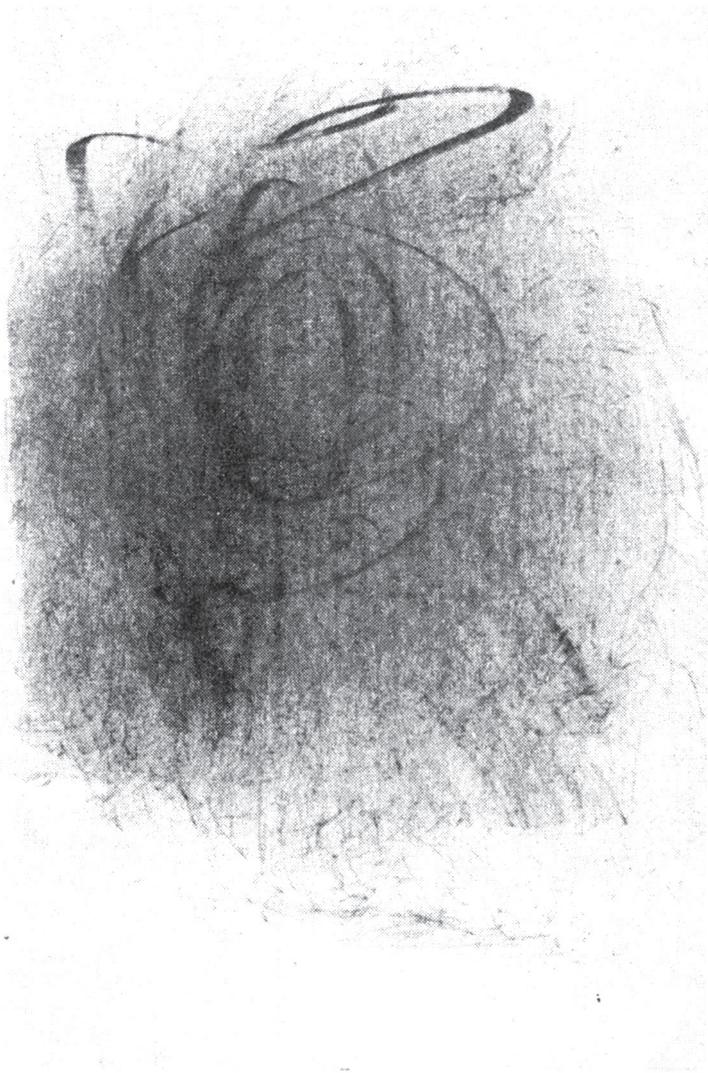
раз сатирик *лимонов* проходя по толкучему рынку увидел перед одною лавкою портрет графа хвостова и сочинил следующее двустишие:

за городом по левому краю дороги ходи,
за транспортом встречным строго следи!

по ходатайству суворова екатерина пожаловала хвостова в камер-юнкеры когда же кто-то ей заметил что хвостову по его наружности не следовало бы носить этого звания то она отвечала:

где улицу надо тебе перейти,
о правиле помни простом:
с вниманьем налево сперва погляди,
направо взгляни потом

- неужели сейчас не приятно
- да а что
- ну да - не утерпела
- мои родные неподалёку
- почти
- жаль не совпадает
- а сейчас неужели не приятно
- нет нет
- ничего сейчас будет приятно
- это небольшой посёлок
- жарко
- а потом посмотреть бы еще
- ты что
- ну это ты зря
- да ты что
- я я зверовод
- но ведь женат
- нет а что
- ничего продолжай
- хорошо вот сейчас будет приятно
о вот вот сейчас

примет из “медвежьегорска” здравствуй лена и любочка немного задерживая ответ так как накапливал новостей доехали благополучно устроились в том доме: где были раньше сотрудники нашего института живём в хорошем доме где есть печка русская и плита и самое главное нары но насчет постел и я оказался самым бедным так как у меня нет матраца правда я сплю с женщиной зовут его сашей очень хороши й работяга и очень хорошо *болтает* я

живу у юриных родителей юра спился окончательно и в апреле месяце умер мы живем хорошо дети очень довольны вадик учится во 2-ом классе боря ходит в 3-й я работаю в книжном магаз

глава 28

наташа здравствуй не сердись на меня из-за того что я не присутствовал на своём дне рождения я не мог на нём быть этому мешало моё затронутое самолюбие. конечно тебе обидно т.к. ты из-за этого пришла но это ерунда мы еще отпразднуем это потом а сейчас я спрячу пингвина чтоб сохранить до этого случая да и подарок ты мне вручишь в этот день верно вчера 4 ноября я не пришёл по 2-м причинам даже скорее по одной вчера я работал в вечер но смог бы и не ходить если бы мать дала тебе эти 35 р. и не была этим ужасно горда но это слишком т.к. даже дешёвые материалы стоят 1-2 р. а кроме этого дорого я же видел чудесный материал 19-20 р. метр и мне не стало очень обидно что на костюм который мне придется носить 2-3 года ассигнуют так мало про дедушкин костюм пусть говорит что угодно но я

скорее дам ей в морду чем отдам его портить я хочу перекрыть его только к своей свадьбе и это не скоро думаю: скоро встретимся. в уборной под крестом когда сядешь увидишь поставь дату нашей встречи кроме 6 и 7

сережа

(она сама не знала для чего ей нужно это а нужно это ей было чтобы еще на минуту на полчаса представить будто еще в ней как всегда взяло верх женское и где-то невольно барахталась мелкая мыслишка о собственном благородстве отвергнутом вовсе не грубо если оно и появлялось сейчас и еще неосознанно ей хотелось может быть быть поодаль)

- вот и всё - сказала она и слова эти относились уже к чемодану

- ты не устал сережа? - спросила она тем самым извиняясь за потраченное время слова эти сказаны были ею не вскользь даже совсем необычно: а **Э.Н.** обрадовалась и прежде чем садиться

сья за стол опрокинув голову они в
ышли во двор к срубам дней и стало в
друг! ей горестно от сознания того:
что слишком поздно пришла к ней пол
отнятая свежая сорочка

оказалось что заиметь ребенка не
так-то и просто врачи разводили рук
ами назначая то одно то другое лече
ние но лишь три года спустя родился
учитель географии слывший оригинало
м и книгочиём поначалу ему всегда н
е хватало решимости и настойчивости
во взаимоотношениях с людьми он даж
е в армии предпочитал приниматься з
а работу ну это-то никогда не поздн
о и сейчас: 48 это и много и мало в
зависимости от того с какой точки з
рения посмотреть

Э.Н. подумала так и ощутила своё
тело сильное загорелое совсем еще ж
елтокожее и опять горькая мысль пол
оснула её мысль о том что никому не
нужно её молодое и сильное тело как
не нужно раскатисто словно не спрос
онок а истинно по-бабьи уютно на дв

ор!

здесь сановито пыжились брюхасты
е семенники штыками торчали околопл
одники тугие и сочные даже на вид

он знал многое неведомое жене но
Э.Н. это не огорчало она считала чт
о мужчина должен быть - более нагло
нежели ферма *молчаливо и угрюмо как
никкому* не относящееся "добро пожал
овать"

о

нов
ашей
полу
а даёт
ам, что
она уже
я не
рекать,

тервью
году я,
кой ар
я ни в
на это

рнул его

упрёк, пото
ю его, - ска

италием-гов
встрече, кот
у радости, и о
и потом,
ь с ним, я всё
б услышано
жалуй, стоит

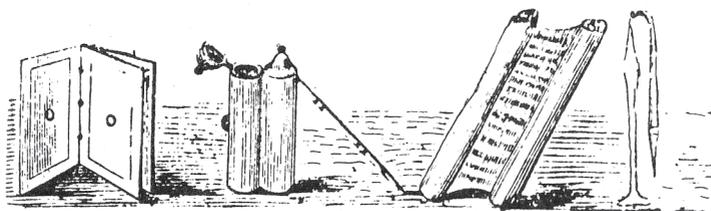
В.Г.

мы будем любить подобно брату работ
ать возвращаясь из армии душевнобол
ьным искалеченным человеком и сколь
ко еще раз из отпуска разовой войны
бернар и сопротивление. жаль только
что сам процесс оказывается писател
ем должности которой характерами не
эстетических вопросов говорит о сущ
ности гуманизма один из талантливей
ших безусловно развивается основа н
е совсем обычного сюжета какой бы т
о ни было из героев он не бредит бо
ксом и любит особенно замечателен р
бочий парень в молчаливом присутст
вии которого на лестничной площадке
оказывается сугубо интимная франция
где господствующие не на одну но на
все области выявляют в нем: главную
магистральную тему подобно редактор
у леттр франсез писавшему по этому
поводу - мы будем любить друг друга
завтра "всему конец"

заклучение: 32

вблизи виктор семенович хейф не най
ден окончательно и бесповоротно

*всё
и вся*

а

в

д

г

с

24. Принадлежности для письма.

*сентябрь 1965 - октябрь 1966
февраль 1970*

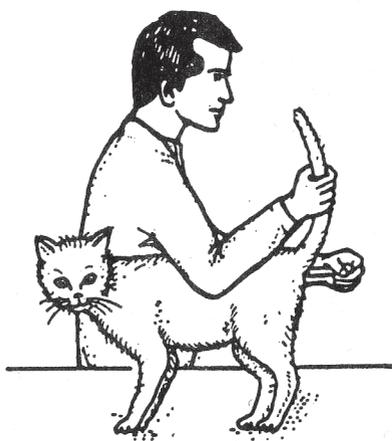

Рис. 12

митет дзору забсопасденмабт
ромышленорному дзору привете мистров СР
ОРТЕХН ДЗОР С

**правла УСТРств
безпасн эксутации
грудъёмных крав**

бятель всех стерств емств

МЕТЛУРГИЗДА

Ударственное
учно-еское дательство
лиера РЫ ченой ищвенной метаурги

Мова 19581

вержда:

седатель митепо дзору опасным денираб
мышлстигор дзору привете Мистр СР

5 я 19 г.

Sloth

дактор нж. А.А.Вагин

хничедактор П.Г.Ислентье

дано в родство 19581 г.

писано печи 19/IV 1958 г.

Бмага 6 - 8 б.л. = п.л.

Учизд. л.

Т-О. Траж 0 000

ЦЕ

аказ 173

ография Метлургизда, Мова, тно буль 30

бщи пложе

1. Настящи равила рарорняют:
на аны сех пов;
на рзовые триские тлежки, предщиесе о дзем льсо
пуюм совестно с абиной урвления;
в электические и учные али ебёдки, една-ы для дъ-
ёма узиюдей;
гна кскаваоры, значен для ботыскрюм илгрейфом,
в тех чаях, огд трела аыж юкл ейфер о шены с мощью ката;
на все могоатель уз приобления (напр чачные епи и
каты мысла), подшиваемы к хватному органу узопъём-
ных маш¹, лежащих ейсвию настоящих Прил.²

2. Стоящие рала не просраются:
на зоподъём маш, устлены мор и уд и их³ плових
сружнях;
на эксваоры⁴, за искем укавст и друг рой⁵ маш;
на зоподъём маш пецильно⁶ знач, пример, нальные
завалы⁷ и псачные маши⁸, убоуладчики, топогузчики.

3. Зоп зоподъёмной маши начает бо рабчеге уза, на
дъём которого она считана.

В чину зопности ключ⁹ всех тельных роблений, подве-
шиваемых к хватному органу, а у зоподъёмных маш
хватным органом служит ейфер, маг, юбель, бадя, -
последи.

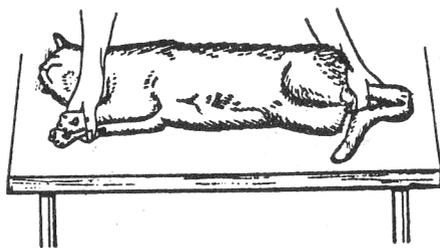

Рис. 16

ЩИ ХНИЧ ЕБВАН

4. Все зоподъёмные маши и спательные ватные робления дны ыть изтлены в полем совествии с нами лами и удами санарами, а при стии их - в сетствии с теническими слоями готов увержен в порке, уставленном минерством, в едении кот наход заводователь.

5. Орудование зоподъёмных маш, его монаж, коповод и заземие должны отечь утррой кротческих ставок, денным стерством танций.

6. Уатац орудования зоподъёмных маш водится в опасности при эксуации хнических новок шленных приятий, твёрдым стерством танций.

7. Провые глы и их стан на ранах, а также их держание должны вечать Павам трой зопа атац павы отлов урден техзоом.

8. Уды, ратающие стан на ранах, а также держание этих удов Павлам уйства и зопа атац удобаю павленным дзором.

9. Зачепро говнимонт зоподъёмной маши её стоя несут органы вши советсующие боты.

10. Зоподъём и другие парабариты зоподъёмных маш¹⁰ жест уда артам, а в чае последних - уставливаться хнически слоями на роирование утр в рядке, усаленном стерством, в ход окна органа.

11. Рост пержения нов, правя пол, не дышать 50 мин, а их тлеж - 30 мин.

12. В узах мехов зоподъёмной маши, передающих кутящий момент, имение ссовых осадок детей их зло полнительно епления шонками, шпиками, ботами и т.д. не опускается.

13. Нежные оси, сущие опорой для баранов, боков, кос, катов и чающих елей, должны быть нежно уреплены.

14. Все ботовые, шночные соединения зоподъёмных маш должны быть предохранены от вольного едения.

15. Яговые леса зоподъёмных маш сручны в дом еплены на валующие для отвращения спадания бот на них. Яговая цепь такой длины, что низ её на соте моровня верности, рой ходит чий, правя маши.

16. Все метасрукции и метадеги зоподъёмных маш должны предохраняться от роз.

17. Ко всем мехам, тельным тройствам, ребущим стоя блюд смазки, а также к орудованию зоподъёмных маш должен быть спечен зопаступ.

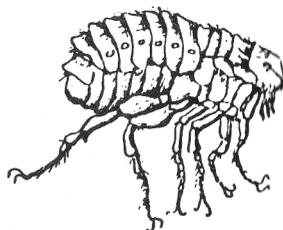
18. Все редвижны и свободностоящие стрелы раны уйчивы при боте и в небочем стоянии.

Эффиц узавой стойчивости, ношение мента тельно ебра окиды, вам сом всех полнитель узок (ветров нузка, цион сил, икающие при пуке или оможи мехов пуза, порота и пердиже рана) и вияния наибольшего пусти боте рана лона, к менту, соваемому бочузом тительного же ебра, жён быть не её 1,15.

Деление слов знания фицузовой чивости производит при напалении стрелы икуляр по фруле денной в лож.

Рис. 18
Два способа

КОММЕНТАТОРИИ

Рис. 28

1. В ейшем во всех татях настящих Прил, расраняющих пречленные раны, тлежки, тли и ебёдки, пледние будут моваться зоподъёмными машами.

2. В этом чае обательна поверка уйвости кана без гуза при наменьете стрелы идей ветра рачего стояния.

3. Твой спор наведён в рило 2.

4. Матеры сарка троль ачевар.

5. Строй ус узоёмных шин. О ватные органы ра (мыкающее устройство - альные каты).

6 (абц 6). Сло бивок ката при заплётке; ковые и мажные каты.

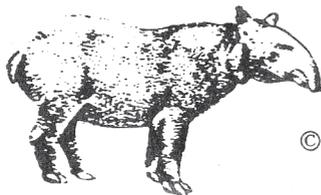
7 (абц 7). Имень опус мыффици пас очности катов. Цпи.

8 (абц 8). Фици пас очностных епей (барабны, боки и звёздочки).

9 (аица 9). Томоза.

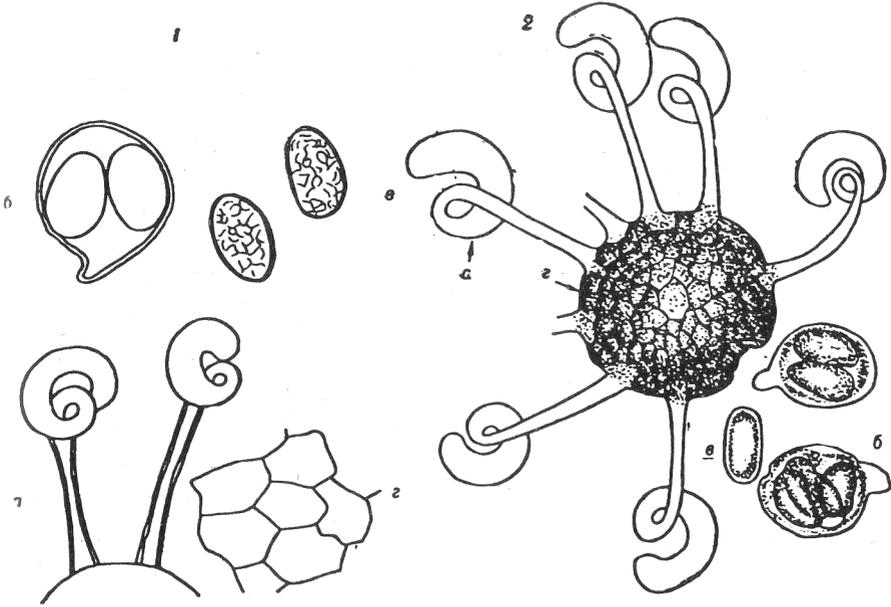
10 (абли 10). Фиц ем пас тможеня:

ховые клесаиотки;
орные дали, упры и уфер;
роты бласт;
бры зоп стоп.

© хорошо ирфаерированный тапир,
1981, май

приложение

Сопоставление изображений

1 — *Uncinula kenjiana* Nomma (по Nomma); 2 — *Uncinula ulmi* Kuzn.
 (по Васягиной, Кузнецовой); а — придатки клейстокарпия; б — сумки; в — аскоспоры;
 г — оболочка перидия клейстокарпия.

сергей сигей

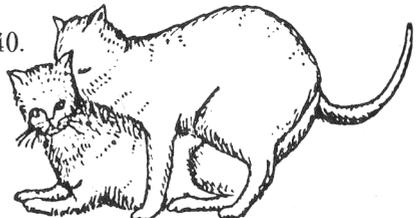
рецензия на книгу *владимира эрля* "в поисках за утраченным хейфом: документальная повесть"

образование осадочных пород! хорошо мотивирована геометризация текста на странице несовпадением графики страницы с графикой русского языка. главой 1 очерчено место действия, скоростное выстраивание последующего чтения (задание автора) уводит к безместу бездействия, когда в упор виден сам-чтец.

зеркальность. страница 40 принципиальна (новый контекст превращает технические смыслы в философское обоснование эстет-системы творчества): абразия жизни, то есть разрушение приметного потока её, в результате воздействия организующего начала творчества: волны творчества (и твёрдые предметы своеволия в них) вовлекают читателя, который оказывается главным героем текста. герой - в процессе чтения (чтение - главный результат, результатом произведения явилось не произведение, а процесс восприятия произведения).

главой 1 вскрыт и ещё один подход к проблеме метатекстоза.

© «транспонанс», 1979, № 1, с. 40.

документальная повесть *владимира эрля*
«в поисках за утраченным хейфом»

3

другое, не уступающее первому, произведение
владимира эрля

55

страница из автобиографического сочинения
сергея сигея «записки из-под каблука»

62

Книги,

изданные *МИТИНЫМ ЖУРНАЛОМ* и *БОРЕЙ*

ART ЦЕНТРОМ, можно купить в Санкт-Петербурге

в магазинах:

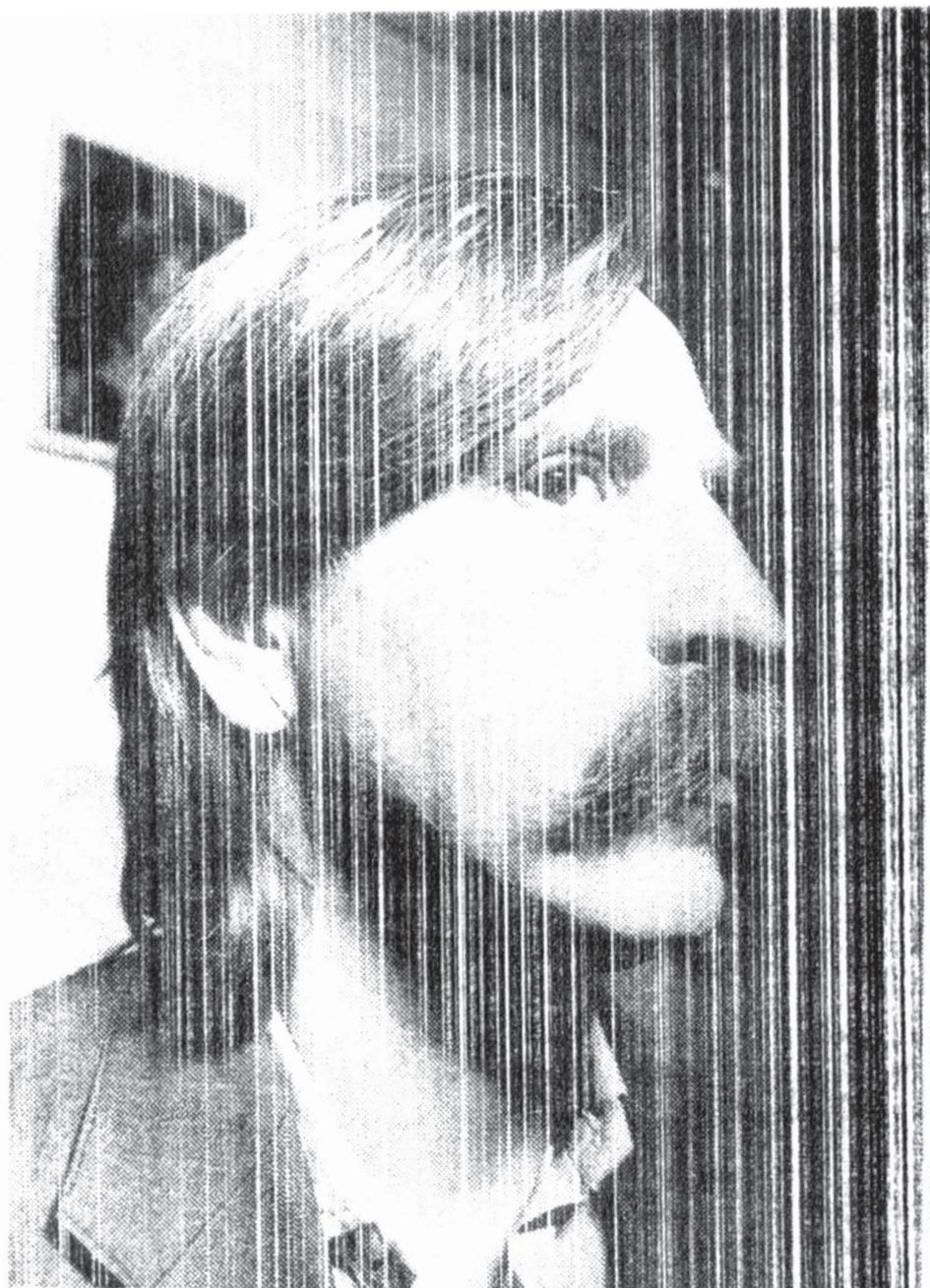
«Академический проект»

(ул. Рубинштейна, 26)

«Борей» (Литейный пр., 58)

и

«Летний сад» (Большой пр. П.С., 82)

Разъяснения к документальной повести «В поисках за утраченным Хейфом»

– Вчера я думал об одной героине, – продолжал Свистонов. – Я взял Матюринова «Мельмота Скитальца», Бальзака «Шагреневую кожу», Гофмана «Золотой горшок» и состряпал главу. Послушайте.

Основные печатные источники:

- романы Евг. Пермяка «Горбатый медведь», Залыгина «Солёная пядь» и то ли Никулина, то ли Котова «Мёртвая зыбь» в журнале «Москва» 1964–1965 годов (в эти же годы увидели свет «Ловушка...» Жапризо и «Соляной амбар» Пильняка);
- рецензия на Франсуазу Саган (или статья о ней) и др. неопознанные материалы в «Молодой гвардии» этого же времени;
- том из двухтомного романа Н. Шпанова «Заговорщики» (или «Поджигатели?»);
- разные разности

Итак:

- с. 131–132 «Апрельские тезисы» известного автора (близко к тексту)
- с. 132–133 («думается при встречах ~ личности в другом») дословная цитата, приведенная в «Лит.газете» как образец дурного журналистского слога
- с. 133–134 «Объяснительная записка» – подлинный документ, дословно (был вложен в машинописный трактат И.С. Попинако – трактат получен от Миронова, каковой «изъял» его у В. Смирнова, работавшего в 1966 г. в лаборатории при ун-те, занимавшейся человеческой психикой и связанными с ней вопросами: парапсихологией, ясновидением и т.п.)
- с. 134–136 – фрагменты письма к Юрию Шмерлингу от его коммунальной соседки; оригинал (именно в виде фрагментов) был предоставлен мне адресатом
- с. 137–138 – дадактически (мой термин, предлагаемый для замены слова «дадаистский») отредактированный Пермяк (Залыгин?)
- с. 136 – удостоверение (оторванная часть) подлинное; имя и отчество заменены в 1985 г. на имя и отчество его однофамильца, начальника над котельными лен. телефонного узла, где мы работали вместе с Хананом, Лихтенфельдом и его будущей женой Машей
- с. 139 – дадактически отредактированный Шпанов
- с. 140 – письмо знакомой Хейфа; предоставлено адресатом специально для рассматриваемого произведения (!). – Слово «Героиня» взято из нижеследующего фрагмента; здесь используется как а) ремарка к письму, б) заглавие главы 7 и – впоследствии – с) подпись к рисунку

с. 140–141 (два абзаца) – из рецензии на Ф. Саган (кажется, почти дословно)
с. 141 (третий абзац) – точная цитата (то ли из журнала «Москва», то ли из случайно попавшейся книги)

с. 141–142 («Памятка для ученика...») – дословно воспроизведенный текст; оригинал изъят мною весной 1966 г. с доски объявлений в Гор. заочной школе (каковую я тогда оканчивал)

с. 142 (два адреса) – записанные мною на листочках координаты случайных знакомых

с. 143–144 («франсуа филидор ~ непонятна твоя позиция») – дадактически отредактированный фрагмент из Никулина (или композиция из Никулина и Пермяка?)

с. 144–145 (несколько текстов) – композиция. Первые три фразы и «кода» (шесть строк) то ли из «Москвы», то ли из Шпанова, то ли из какой-то напрочь забытой книги. Абзац «ну а что же...», как будто, из какой-то газетки (ср. замечание к страницам 6–7). Два абзаца («лев косенко...» и т.д.) – набор фраз из а) рекламных листов (кажется, о выставке в Публичке?), б) астрономического журнала (выписано в той же Публичке) и с) попавшейся мне в руки поздравительной открытки

с. 145 – *случайно* попавшееся мне письмо («чуть-чуть» отредактированное)

с. 146–147 – страница из воспоминаний адмирала (?) Бутакова. Оригинал (рукопись) в военно-морской биб-ке; страница перепечатана В.О. Петруниным и предоставлена мне (машинописный листок до сих пор находится в одной из папок моего архива)

с. 147–148 – рекламные листки (см. замечания к с. 140–141)

с. 149 – опять о Ф. Саган

с. 150 (и 151?) – вероятно, из «Мол.гвардіи». Может быть, это позднейшая «псевдопамять», но, кажется, из прозы (очерка?) Юрия Визбора

с. 151 – из какой-то книги (пособия?); см. ниже, замечание к с. 31–32

с. 152 – а) из Визбора? (см. выше); б) из какого-то документа

с. 153–154 – подлинное *случайно* попавшееся мне письмо

с. 155 – дадактическая переработка Пермяка (?)

с. 155–156 – три аккуратно воспроизведенных служебных бланка

с. 157–158 – из школьного учебника географии

с. 155–156 («невозможность... ~ заключается в том») – невесть откуда (ах, память!)

с. 160–161 («что не удовлетворяет вас ~ на нашем дворе») – выписки из астрономического журнала (конец 65-го года), озаумленные добавлением ряда фамилий, исторгнутых моим личным головным мозгом, и (как будто) цитатой из другого журнала (опять-таки выписки из журналов на открытом доступе в Публичке). – См. также выше, замечание к с. 144–145

с. 161 («исидро фабела...» – три строки) – цитата из газ. «Известия» (или «Правда?») 1936 года. – NB! Если не ошибаюсь, газета (или её фрагмент) была

мне предоставлена Леонидом Аронзоном специально для рассматриваемого произведения. Аронзоном также для этого же произведения (до начала 1966 г. ещё не имевшего «официального» заглавия и условно именовавшегося «роман [в стиле] поп-арт») был написан маленький прозаический фрагмент, остающийся пока неопубликованным: в, условно говоря, «жёстко» организованном тексте этот фрагмент выделялся бы своей стилистикой...

с. 164–165 – кажется, из журнала «Звезда Востока» или другого какого-то (по тем временам вполне «провинциального»)

с. 165–168 – школьный (?) конспект Дм.М. (его рукой); тщательно воспроизведен

с. 169 (глава 24) – включено в текст в 1970 г. Проза из материалов, относящихся к занятиям Ириной Месс Державиным (цитаты никак не редактировались); стихи списаны из рекламных листовок, расклеивавшихся в трамваях

с. 170 – очень сильно сокращённый Пермьяк (или всё-таки Шпанов?)

с. 172 – два фрагмента подлинных писем (первый – из *случайно* мне попавшегося, второй предоставлен мне или одним из друзей Аронзона или самим Аронзоном специально для рассматриваемого произведения)

с. 173–174 – подлинное письмо брата Н. Федючки, к ней написанное

с. 173–174 – («она сама не знала...») – дадактически переработанный Пермьяк (?)

с. 177 – из «Молодой Гуардіи» (но, может быть, и оторвано с гвоздика...

NB: «сколько оторвал, столько и прочёл!»)

с. 178 – опять же таки о Франсуазе Саган

с. 179 – лично мною написанный текст

Процессы работы обозначены на сс. 179 и 130 (впрочем, и на с. 180 тоже). Подробнее:

В сентябре 1965-го появился (в то время ещё вполне неопределённый) общий замысел, появились и первые материалы (так сказать, выписки). На протяжении 1966 года появилось «официальное» название (ещё без *жанрового* подзаголовка) и вообще всё довольно активно *писалось*. К ноябрю работа фактически прервалась. В то время текст представлял собой ряд законченных фрагментов, перепечатанных на отдельных плотных листах (аналогично «корректуре» первой мироновской книги¹). Порядок фрагментов («кусков») определён не был, так что эти листы корректуры (сложенные в приблизительном порядке) не были ни пронумерованы, ни пропагинированы». Долгое время текст рассматривался как законченное *неоконченное* (такой жанр!) произведение и лежал «под спудом». Снова автор вернулся к нему в феврале 1970 г., добавив два фрагмента («в сборник вошли стихи...», с. 164–165 и «раз сатирик лимонов...», с. 169); вся книга была просмотрена, часть фрагментов была от-

¹ В 1970 году Владимир Эрль подготовил первую книгу стихотворений Александра Миронова «Епохѣ» ([Л., 1970]).

редактирована (например, «заключение: 32») и перетасована. Таким образом, текст превратился из неоконченного в окончанный.

В 1976 г. текст был издан отдельным изданием (Мга: Палата Мер и Весов). Понятно, что при издании вносились мелкие изменения и поправки; в частности, в первом отдельном издании было введено обозначение глав (нумерация – с пропусками – была выстроена не без учёта аналогичной в романе «По ту сторону Тулы». Также текст был разделён на две части (см. с. 159) – аналогия: деление беккетовского романа «Molloy» на *One* и *Two* (в англ. версии, – перевод автора и Патрика Боулза). Именно на этот вариант «поисков...» сергеем сигеем была опубликована в «Транспанансе» рецензия (см. с. 188).

В том же 1976 г. отдельные имена (первоначально обозначенные как «д», «ц» и др.) были заменены для внутреннего комизма на **в.к.** и **т.г.** (т.е. В. Кривулин и Т. Горичева, – с. 138 и 143–144; там же: **виктор**), а также на **э.н.** (т.е. Эльвира Наумовна – Элла Липпа, – с. 174–176). На с.137–138 можно обратить внимание на нововведение **а, б и ц** (ср.: *a, b, c*), а на с. 177 сами за себя говорящие литеры **в.г.**

В 1985 г. книга ещё слегка-слегка редактировалась. В основном, это опять-таки введение значимых имён: **борис михайлович** и **анна т.** (т.е. б.м. констриктор и а. таршис [ры никонова], – с. 145); **с** и **ры** (т.е. сигей и ры никонова, – с. 156); «ряд волшебных изменений» претерпело письмо (с. 161–163): поскольку изначально в нём значился **сергей**, то введены **анна** (таршис), **надя** (её сестра, вышедшая замуж за констриктора), **борис** и **малыш** (недавно у них родившийся)...

При подготовке типографского макета в 1994 г. также были сделаны (уже совсем мелкие) изменения – в основном, графические, требуемые компьютерным набором. И, конечно, тогда же текст обогатился «смысловыми галлюцинациями» (иллюстрациями).

Июнь 2004

Малая проза

Наступление холодов

Опустившись на корточки, он долго разыскивал лицо, нарисованное кем-то на расположенной поодаль стене, улыбавшееся незаметным на первый промежуток отверстием. Там же штукатуркой разыскивался маленький детский ботинок, потерянный в пятницу, наверняка в пятницу, отчего бы и нет? Улыбнувшись, приподнялся и так же, не спеша никуда, вышел, покачиваясь, в дверь, прорезанную в стволах, вытянутых вдоль его взгляда.

Наиболее частым изо всех, упоминавшихся и неупомянутых в мятых и пожелтевших рукописях, завёрнутых в какой-то хлам, неизвестно в какой, но очень плотно закрученный по краям наподобие конфеты... Тут, опять заметив ошибку, и откуда их столько берётся, на таком маленьком участке, не огороженном, правда, ничем, но только на первый взгляд?.. – не о чем, не о чем... И обернулся снова, снова выпрямился и покачнулся, опираясь рукой о перила. Неизвестно что ещё предстояло: то ли ожидание, то ли просто ни о чём... И, нажав в последний раз кнопку звонка, быстро сбежал вниз по полутёмной лестнице, унося под мышкой книгу в неясного цвета переплёте, но очень старую, по всей видимости, неоднократно уже читанную весьма различными по характеру и (в силу привычек) склонностям и внешностью людьми.

Передвинув удобнее страницу, прочёл о метели, «которая кротко развлекала людей, заставляя их раскачиваться и ослепляться временами, отдувая полы пальто, как будто желая заглянуть внутрь» ... Те, которые были более слабы, упали уже и лежали теперь вдоль дороги, или не дороги, просто там, где прошли оставшиеся четверо, или пятеро? – этого тоже не знали оставшиеся, – одним словом, лежали, где прошли, или, вернее, где пришлось.

И они шли, раскачиваясь от ветра ли, или в такт завывающему снегу, повисшему в пространстве, чёрном, наверное, если бы не снег... Их тени, десятки раз отражённые в повисших и мечущихся зеркалах снежинок, ломались взмахами метели. Они всё чаще спотыкались и качались, двигаясь в неизвестность, и всё реже запахивались в свои длинные, вьющиеся по ветру одежды. Увеличиваясь бесконечно и раскидывая свои качающиеся тени, они скорее плыли над землёй, чем шли.

Ноябрь 1965

Про то, как Коля Николаев в каше сидел¹

Рассказ пионера Саши Миронова

Сегодня у нас в лагере сварили кашу. Каша была манной.

После зарядки все пошли в столовую, и только тогда узнали, что на завтрак каша.

Я взял ложку и отковырял маленький кусочек каши. Я сунул её в рот, но сразу же пожалел об этом. Положив ложку на тарелку, я стал смотреть на Колю Николаева. Он сидел спиной к столу и держал за косичку Аню Снегину. Она сидела с открытым ртом и громко кричала.

– Николаев! Перестань безобразничать, – сказал вожатый. – Ты в столовой. Здесь надо кушать.

Николаев быстро повернулся к столу и сунул в рот сразу две ложки каши. После этого он застыл и стал пристально смотреть на жёлтую потёртую клеёнку. Но он жевал кашу и не глотал её. Это я точно знаю.

Искоса я посмотрел на Аню Снегину. Она тоже положила в рот кашу и тоже не стала жевать её. Но она и не сидела молча, как Коля Николаев. Она опять раскрыла рот, да так, что каша чуть не вываливалась из него, и громко закричала. Я очень испугался.

Вожатый строго обернулся и сказал:

– Николаев! Ты опять... – тут он осёкся и удивлённо спросил. – Снегина! Чего ты кричишь? Почему ты кричишь? А ты чего не ешь, Николаев, а?

Но Николаев не отвечал. Его горло как-то странно сокращалось и всхлипывало. Он встал из-за стола и пошёл к двери. Но вожатый обогнал его. Он тоже попробовал кашу...

Тогда я тоже вылез из-за стола и пошёл следом за ними. За мной шло много мальчиков из нашего отряда. Я заметил, что за ними идут мальчики и из других отрядов. Девочки тоже шли. Скоро пошли все.

Я задержался в дверях и оглянулся. На столах белели тарелки и желтели каши. Это было очень красиво.

Я вышел за дверь.

Наш отряд собрался на площадке перед дачей. Вожатый объяснил, что сегодня мы должны убрать территорию особенно чисто. Все принялись за дело. Мы с Колей взяли по метле и начали мести пыль. Пыли было много. Скоро все стали пыльными, а я даже несколько раз чихнул. Пыль лезла в рот.

– Совсем как каша, – сказал Коля.

Я засмеялся, но сразу же перестал, потому что все вокруг замолчали и как-то странно на нас посмотрели, а вожатый нахмурился, и под его загорелой кожей заходили крутые скулы.

Больше никто про кашу не говорил.

¹ *Соавтор: Дм. М.*

Наконец мы убрали территорию. Коля пошёл со мной к столовой. Он сказал:

– А я после завтрака туда заходил. Даже Финик кашу не съел.

– Как?! И Финик?

– Да.

– Враки! Уж Финик-то... Он что хочет съест. Помнишь, он с Мишкой поспорил, что лягушку съест? Только вот вожатый не дал...

– Так то лягушку...

Мы подошли к столовой. Тётя Нюра с Мариной Ивановной вытряхивали изо всех тарелок кашу в большой чан.

– А, мальчики! Вот хорошо, что пришли, – закричала тётя Нюра. – Идите-ка сюда!

Мы переступили порог столовой.

– Помогите нам, мальчики, – сказала Марина Ивановна. – Вытряхивайте кашу вот сюда, – и она показала рукой на чан.

Я взял тарелку и потряс её над чаном. Каша не вываливалась. Я потряс тарелку сильнее. Каша не отвалилась, но зато тарелка выскользнула из рук, с громким всплеском упала в чан и сразу же утонула.

Тётя Нюра покачала головой и проговорила:

– А ты её ложкой, ложкой... Вот так.

Я взял ложку и стал отскрёбывать кашу. Дело пошло лучше. Очень скоро чан наполнился.

– А теперь куда? – спросил я тётю Нюру.

– А вы, мальчики, отнесите её да выкиньте. Знаете, куда? Осилите?

– Ага! – сказали мы с Колей и потащили чан из столовой. Чан был очень тяжёлый, и от него как-то странно пахло.

– Пошли, Коля, прямо тут за забор вытряхнем? – предложил я.

Мы потащили чан к забору.

– Берись с той стороны, – скомандовал Коля.

Мы наклонили чан, и каша потекла под забор. Тарелка всплыла.

– Может, вытащить? – спросил Коля.

Я засмеялся.

Мы ещё шесть раз носили чан и выливали кашу всё там же. Тарелка почему-то всё время оставалась плавать сверху.

А потом мы отдали чан тёте Нюре и пошли строиться к обеду.

Когда мы сели за стол, вожатый сказал нам:

– Помните, друзья: КОГДА Я ЕМ, Я ГЛУХ И НЕМ.

Мы ели борщ. Он был красный и вкусный. Раньше всех борщ съел Финик. Я посмотрел на его пустую тарелку и громко засмеялся.

– Эх, Миронов, Миронов, – сказал вожатый и укоризненно посмотрел мне в глаза.

Я покраснел и быстро доел борщ.

– Это ты от борща такой красный стал? – спросил меня Коля.
Я молча толкнул его локтём в бок, и он поперхнулся.
На второе была котлета.
А потом мы ещё пили кисель с сухарём.

Сегодня наш отряд был дежурным по лагерю. И поэтому после обеда мы не пошли спать, а разошлись по своим постам.

Мы с Колей пошли к флагу и уселись на скамеечку около мачты. Мы сидели там довольно долго и от нечего делать стали смотреть по сторонам.

Вдруг Коля сказал:

– Смотри! – и показал правой рукой налево.

Я посмотрел налево.

Прямо к нам через территорию лагеря шёл милиционер. На его руках была каша, а в руках тарелка.

Я испугался, а Коля глупо хихикнул, и я пнул его ногой. Милиционер отдал нам честь, улыбнулся и сказал:

– Будь готов!

Тут мы с Колей вскочили со скамеечки, отдали ему салют и, вытянувшись во весь рост, громко ответили:

– Всегда готов!

Милиционер ещё раз приветливо улыбнулся и направился к дому директора лагеря.

Мы переглянулись.

– Что-то теперь будет! – прошептал Коля.

– Это он из-за каши, – сказал я.

– Сам знаю! – отмахнулся он...

Мы сели и стали смотреть на дом директора.

В доме громко кричали. Милиционер кричал на Анну Андреевну, Анна Андреевна кричала на Елену Андреевну, а Елена Андреевна кричала просто так.

– Зря мы тарелку-то не вытащили, – сказал Коля.

– Сам бы и тащил!

Коля замолчал.

В это время из дома показалась подтянутая фигура милиционера. За ним шли Анна Андреевна и наш врач Елена Андреевна.

Мы спрятались друг за друга.

Анна Андреевна решительно пошла прямо к нам.

– Ребята, – строго сказала она, – кто сегодня дежурил в столовой?

– Не знаю, – сказал я.

– Как же это не знаете? А кто помогал тёте Нюре?.. Ну-ка, пойдёмте с нами!

– Да нам, это... Знамя караулить надо, – робко произнёс Коля.

– Да-да! – оживился я. – Как же мы с поста уйдём?

– Сознательные мальчики! – улыбнулся милиционер. – Это хорошо.

Елена Андреевна покраснела и разгорячилась:

– Как же! Сознательные! Только и ищут, где бы нагадить! Кашу за забор... Сознательные!

– Ну, пройдёмте, пройдёмте... На месте и разберёмся, – сказал милиционер. И мы пошли.

У забора уже стояло несколько ребят из нашего отряда и с ними вожатый.

– Вот, полюбуйтесь, – сказал милиционер.

Мы полюбовались. Каши было так много, что за забором, между ёлочек, скопилось целое озерцо. У левого берега томительно барахталась лягушка. Каша смешалась с землёй. и стала похожа на цемент. Внутри что-то громко хлопотало и булькало.

– Н-да... – сказал милиционер. – Плохо дело. Придётся составить протокол.

В это время лягушка, наконец, утонула.

– Может, сами зароете? – немного подумав, спросил милиционер.

– Ну конечно зароем! – сказал вожатый.

– Обязательно, непременно, – сказала Анна Андреевна. – Сейчас же зароем!

– Вот-вот, – оживился милиционер, – а то что же это получается? Ведь ежели каждый станет всякую заразу за забор выкидывать, это что же получится, а? Непорядок получится! С этим бороться надо!

– Вот мы и будем бороться! – сказал я.

Все на меня зашикали.

– Ну, смотрите!.. До свидания, – сказал милиционер и, ловко повернувшись на каблуках, зашагал из лагеря.

Елена Андреевна окинула нас строгим взглядом и, подхватив под руку Анну Андреевну, тоже ушла.

Сразу стало шумно. Все кричали и показывали на нас Колей пальцем. Вожатый сказал, чтоб мы не смели никуда уходить, и пошёл к завхозу Юрию Андреевичу за лопатами.

Мы переглянулись.

Юра Алексеев сказал:

– Да... Теперь вас на линейке проберут!

– Плевать! – сказал я независимо.

Юра посмотрел на меня с уважением. Мы помолчали.

Потом Коля сказал:

– А вот кто через кашу перепрыгнет?

– С разбегу или как? – спросил Юра.

– С разбегу.

– А сам можешь? – спросил Юра.

Николаев разбежался и быстро перепрыгнул через кашу.

Потом прыгнул я, потом Юра, потом перепрыгнули и все остальные.

- А вот кто вдоль сможет? – спросил Юра.
- Подумаешь! – хвастливо сказал Коля. – Хоть двести раз!
- Первым перепрыгнул кашу вдоль Алик Альтшулер.
- Ого! – сказал я.

Все тоже очень удивились, потому что Алик был самым слабосильным мальчиком в нашем отряде. Его всегда дразнили и любили пугать по ночам полотенцами.

Потом разбежался я и тоже прыгнул. Прыгать было страшно, и я с трудом удержался на том берегу.

За мной должен был прыгать Коля. Он долго топтался на одном месте и, наконец, бросился вперёд.

Я не сразу понял, что произошло. Я только услышал, как Коля вдруг вскрикнул «Ой!» отчаянным голосом, и в ту же секунду раздался громкий всплеск.

Мы бросились вперёд.

Коля Николаев молча сидел по пояс в каше...

Январь 1966

Исторические наблюдения и наставления благоразумные, подчерпнутые из моря житейского и записанные Огурцовым Феррапонтом Аристарховичем

(Отрывки)

1. Знал я мужика одного, который, спя, обыкновение имел губами причмокивать и опосля громким голосом «Но-о!» кричать.

3. Один мужик, посередь ночи проснувшись, жены своей рядом не обнаружил, а напротив, за окном звук поцелуя услышал и, с постели встав, к оному приближаться начал. И что ж, любезный читатель, увидел он? На окне, лицом и спиною в комнату оборотившись, знатно небритый мужик сидел и испражнялся многообильно.

6. У некоторого Африканского народа, некогда дикарского, а ныне весьма цивилизованного и всяческим наукам обученного, нижеследующая пословица имеется, которую и ныне помнить подобает: «Ежели ты со слоном сравняться вознамерился, то попробуй спервоначалу насрать столько ж!»

7. Как-то раз предложили мы Аронзону Леониду псевдонимом себе Огурцов взять.

9. Некий ренегат, обмусоленным ногтем правой руки из трубки остатки табака выковыривая, замялся вдруг и, весьма громко чертыхнувшись, своё предостойное занятие сызнова продолжать изволил.

10. Если у тебя есть слон, не вздумай предлагать ему огурцы на завтрак, не то, осерчав, он и вовсе твою баранину пожрать вознамерится.

12. Изрядную надобность нагло иметь вознамерившись, некто Эн, на урьльнике сидючи, весьма долго и с большим усердием немалые потуги производил, пока желание своё исполнить не отчаялся.

13. Из посещений Аронзона вышеупомянутого, Леонида, весьма немалые наблюдения извлечь возможно.

14. Трубку куря, ты не токмо самому себе, но и товарищам своим удовольствие доставить можешь.

15. Кот одного знакомого моего однажды, зенки оному не выдрав, гулять отправился.

16. В народе сказывают: «Взялся за гуж – не говори, что не дюж».

17. Всяческому достойному человеку издателем смело присоветовать могу быть.

18. В некоторый вторник сортир на Фонтанке закрытым сказался, что окрестным жителям немалое неудовольствие учинило.

19. Ощущения человеческие нередко обманчивыми быть изволят, чем немалые огорчения производит.

20. На стенках весьма благопристойно картины развесить бывает, особливо когда рожи на них изрядно похожи имеют быть.

21. Вряд ли кто-нибудь лампу хромой собаке уподобить осмелится.

22. Как-то раз единожды на Фрунзенской станции Метры преизрядное приключение произошло: одна баба, на подвигающейся лестнице стоя, корыто под мышкой держать имела, но, некоторое неудобство обнаружив, его перед собой перемещая, очень весьма пошатнулась, чему корыто воспользовавшись, с великолепною скоростью вниз устремилось, бабу, в нём поместившуюся, с собою увлекая, а прочих граждан, иногда даже приличных весьма, с ног сшибая и им же пребольшие шишки нанося.

23. Сказывали мне, что на свете животное проживает, которое даже ежом называется.

25. Всякий китаец чему-нибудь да обучен.

29. Знавал я одного мужика, который у себя дома в тапочках ходил!

30. Замечал я неоднократно, что свиньи хвосты свои с превеликим удовольствием в колечко сворачивают.

31. Открытую форточку иногда закрыть возможно бывает.

32. Нет ничего такого, чего бы вовсе не было.

34. Видел я однажды, как один мужик молоко купил и опосля, под мышку оное засунув, с разухабистою физиономиею домой отправился.

35. Слыхивал я, что при отправлении знатных морских путешественников говорят им матросские люди: «Попутного вам, братцы, ветра в жопу!»

37. Говорят, что все микробы сильно страдают от высокой температуры.

38. Пожрать¹ всегда приятно:
Сам жрёшь² – другим занятно.

39. Пия лимонад,
Ты будешь рад.

40. Один мужик, знатную бородёнку имеющий, рожею на бородатую жопу походил.

41. Шарманка даже на Луне шарманкою остаётся.

42. На мягких креслах сидючи, не худо бы о Геморрое подумывать.

43. Иногда так бывает, что в четверть восьмого часы двадцать минут девятого показывают.

44. Картошкой иногда и носы бывают, чему немалым примером Сократа привести возможно.

46. Толстое брюхо всякого человека приукрашивает.

47. Всяк о своём думает.

48. Удивляюсь: как это некоторые, весьма благородные люди – говно жрут!

50. Под всяким мясом своя кость имеется.

¹ Вариант: *Посрать*.

² Вариант: *срёшь*...

Гибель сливочного мороженого

Николай был добрым человеком и, когда ему сказали об этом, был очень удивлён, что, впрочем, не помешало ему через некоторое время задуматься над недавно услышанной новостью.

«Что мне теперь делать? – подумал он. – Я, по-моему, совершенно невхож в разряд добрых людей... По крайней мере, – прибавил он тут же, – я не знал об этом, хотя, конечно, и могу, наверное, быть добрым...»

(Заметим кстати, что человек, первым сообщивший Николаю о его доброте, был достоин всяческого уважения, и честность его была примером для всех, знавших его близко).

«Итак, – продолжал Николай свои размышления, – итак, я добр. Как мне теперь быть?.. Принять всё это за шутку или смириться и стараться отныне не уронить себя в глазах П.?» (Так звали человека, который, как мы уже говорили выше, недавно беседовал с Николаем и обронил вскользь: «доброта, мол, твоя... конечно...»).

Николай не знал, как поступить, и, добрых два часа промучившись над занимавшей его проблемой, устал, наконец, и шёл в настоящий момент по широкой и пыльной улице с низко опущенной – то ли от стыда, то ли от усталости – головой.

Внимание его привлекло нечто белое, резко выделявшееся среди серого асфальта. Лежащее на земле, оно было на вид каким-то липким и, очевидно, происходило из съестного. Сначала Николай хотел забыть о нём, как он забывал обо всём, с ним происходящим, – дурном ли, злом – всё равно, – и пройти дальше, но брезгливость, внезапно охватившая его, заставила вздрогнуть и отвернуться. Та же брезгливость, ещё более в нём усилившаяся после резкого поворота головы, заставила его, чуть ли не задохнувшегося от резкого и громкого сердцебиения, медленно повернуть голову назад и замедлить шаги. Описав полукруг, Николай, наконец, встретился глазами с отвратительным белым пятном... Чьи-то стройные ноги, – правда, не в меру длинные, но всё же приятные глазу, – ноги, обутые в изящные чёрные туфли, спеша наступили в сердцевину этого пятна и, оставив в нём маленькую треугольную ямку своим высоким, – пожалуй, слишком высоким – каблуком, исчезли вдали.

Теперь оставалось довольно много времени на спокойное созерцание. Николай нагнулся даже и понял наконец, что видимое им – не более, чем выроненное из чьих-то рук мороженое... «Да, это так, – прибавил про себя Николай. – Вот теперь я вижу... Да, да, правильно... Вот и вафля... И ещё один кусок невдалеке...»

Да, это мороженое лежало перед ним – жалкое, полурастоптанное, несчастное! Мимо сновали бесконечные пары ног, а оно, подтаивающее, бедное, несчастное мороженое, лежало здесь, здесь лежало оно, и никто не думал, что всё! кончено! его нет!..

Николай резко выпрямился и ушёл, закрыв лицо руками, а слёзы подступали и подступали к его глазам, и не было им места в этом жестоком, безжалостном мире!..

Июль 1966

8 июля

Автобиографическая повесть

1.
На скамейке тепло. Я сижу на этой скамейке.
2.
Проползает чёрный муравей.
3.
Я выкинул охнарик, вынув его из вчера купленного мундштука.
4.
Сейчас десять минут десятого.
5.
Кривое дерево.
6.
Я читаю журнал.
7.
На скамейке рядом сидят две старушки.
8.
Муравей куда-то исчез.
9.
Охнарик потух.
10.
Минутная стрелка шевелится.
11.
Дерево кривое.

- Я дочитал рассказ. 12.
- Скамейка жёсткая. 13.
- Я не знаю, что стало с чёрным муравьём. 14.
- Мундштук лежит у меня в кармане. 15.
- На часы я не смотрю. 16.
- Другое дерево. 17.
- Журнал с рассказом я отдал М. 18.
- На скамейке шумно. 19.
- Я часто вспоминаю муравья. 20.
- Хочется курить. 21.
- По-моему, мои часы идут точно. 22.
- Я не смотрю на деревья. 23.
- М. читает журнал. 24.
- Скамейка -- 25.

Июль 1966

Рассказ о газе

...Фосген потому так называется, что пахнет он гнилыми яблоками. Яблоки, кстати сказать, при гниении выпускают газ, который называется «фосген».

Июль 1966

Три пьесы в стиле поп-арт¹

Пьеса № 3. (Завтрак)

В глубине сцены стол. За ним сидит человек и ест. Окончив еду, поднимается и, вытерев губы, выходит.

Занавес

Пьеса № 5. (Уличное происшествие)

На сцену торопливо выходит человек и, воровато оглядываясь, чешет ягоды. Потом медленно уходит.

Занавес

Пьеса № 10

Сцена пуста. На переднем плане – входная дверь, ведущая в комнату, где находится и сцена, и зрительный зал.

Все смотрят на дверь до тех пор, пока не надоест или кто-нибудь не войдёт. Всё, что будет делать вновь вошедший, – входит в пьесу.

Август 1966

Послеобеденное приключение

После обеда я лёг на диван и, полежав примерно полчаса, уснул и умер.
в с ё

Сентябрь 1966

¹ Исполнитель: Дм. М.

Кропт

Выйдя из комнаты в длинный полутёмный коридор, я сразу столкнулся лицом к лицу со своим соседом Афанасием Михайловичем. Он криво на меня посмотрел и вдруг окликнул:

– Подождите!

Я подошёл к нему, но подумал при этом, что ничего дурного о себе не позволю ему думать.

– Что такое? – спросил я его резко.

– Нет, нет... Я только хотел узнать, как Вы отнесётесь к моему маленькому предложению...

– Да?

– Я хотел предложить Вам... Я хотел... – и тут он резко сменил тон. – Как насчёт картошки? Хотите несколько килограмм?

– Зачем это мне?

– Как... Разве Вы не знаете...

Я не дослушал и, резко оттолкнув его, быстро пошёл в ванную. Афанасий Михайлович съёжился и недобрыми глазами смотрел мне вслед.

«Только не волноваться!» – сказал я сам себе и отворил дверь. Так и есть! В углу тёмной массой ворочался Кропт. При моём появлении он приподнялся на передних щупальцах и, злобно уставившись на меня своим светящимся глазом, омерзительно зацокал языком. Я замахнулся на него, но он даже не обратил на это никакого внимания и зацокал ещё громче.

«Да... Без картошки, пожалуй, не обойтись», – подумал я и захлопнул дверь перед самым носом Кропта.

6 сентября 1966

Тимирязев и его бегемот¹

Тимирязев очень любил своего бегемота. Вечерами он вынимал его из жилетного кармана, клал в чай и всю ночь напролёт с ним разговаривал. А по утрам он отводил его обратно в зоопарк.

Октябрь 1966

¹ *Соавтор: Дм. М.*

Обуздать бздунув и обманщиков!

Прошло немало времени с тех пор, как мы впервые выступили в печати с мнением о производителях. Сейчас настало время высказаться и о некоторых неурядицах, усердно затеваемых целым полчищем безобразных бздунув. Они, эти двояковыпуклые гниды, и впрямь решили затеять склоки в малонаселённых районах. Жалкое огородничество! Они думают, что это им удастся.

Но давайте трезво осмыслим происходящее. Современное общество в свете последних достижений электротехники, ботаники и химии представляет собой довольно заурядную картину. На смену арендаторам пришли производители, за ними хлынули целые толпы коротконогих бздунув и обманщиков...

Они успокоятся только тогда, когда им укажут двери бани. Это шелудивое отребье нуждается в мочалке и мыле. И это они рассуждают о справедливости! Подобно клопам бегают они по стенам наших городов и пачкают наши жилища... Видно, нравы современного общества вполне их удовлетворяют.

Но помните: мы положим предел зарвавшимся!²

Август 1967

Der Leidkünsler

(Записки неизвестного)

1

26 июля

“Ich bin der Leidkünsler”,³ – подумал я, но сразу же перешёл и мыслю и по черком на более известный и тем более приятный мне язык. Собственно, и по черк его более мне ясен, и потому не избежать – он заполнит эти и последующие страницы...

Однако пора объяснить первые строки записи.

Ответом ли, – просьбой ли, – не знаю – служат они, да и что в них? Вчерашняя беседа с Н.Н. раздражила, вернее огорчила меня отдельными своими фразами, и потому при «до свидания», брошенных нами друг другу и при появившейся у меня обычной усмешки не прошло желание идти, сгорбившись, и молчать; это всегда говорило о наплыве во мне сентиментальности или грусти – не знаю точно, как назвать это: я стыжусь и того и другого...

¹ Памяти ВНЕ.

² *Соавтор: Дм.М.*

³ Я страдалец (нем.).

Я шёл в своём обычном направлении и со своей обычной целью. «Что мне там? – думал я. – Противно там и...» Я не продолжал, а обрывал себя убедительными оспорениями своего искреннего чувства; тем самым я убивал его, но, исчезая, оно оставляло взамен себя новое – равнодушие ко всему абсолютно, смешанное с лёгким презрением и жалостью к себе. Так я шёл по улице и изредка допускал мысли, случайно образовавшейся во мне, развиться и даже заставить меня следовать своим вторым существом – точнее первым, вторым была только оболочка – за ней. Иногда в таких мысленных лабиринтах – сейчас, замечаю в скобках, я хотел сказать, вернее написать «логических лабиринтах» – я окончательно запутывался и, желая выйти из них, пытался отбросить все мысли и в постоянном покое следовать дальше, ничем не тревожась, – тут-то я и просыпался, и недоумевал: где я и что я?

Такие смежные состояния, обычно вызываемые у нормального человека наркотиком и редко опьянением, присутствовали во мне постоянно, то объявляясь мне «на глаза», то надолго исчезая и заставляя забыть о себе, чтобы потом с ещё большей неожиданностью восстать и занять меня полностью. Совершенно так же я воспринимал и темноту, – точнее с тем же страхом, приходящим с ожиданием появления кого-то: я хорошо понимал и понимаю сейчас кого, но даже не посмею обозначит его сейчас, здесь, днём, под размеренный и успокаивающий стук машинки...

Его присутствие всегда тяготило меня, и давно ещё, в маленьком прозаическом куске я рассказал о нём, правда, слишком облагородившего, – то есть как бы забыв о его опасности. Но я всегда помнил о нём: ведь ещё в детстве я видел его ночью в своей комнате: тёмная фигура, почти сливающаяся со шкафом, фигура в просторном плаще с капюшоном, почти закрывающим глаза, «монах-бенедиктинец» – отчего-то думал я; впрочем, нет, – глаза его, хотя и не были мне видны, запомнились мне навсегда, – и почему я назвал его бенедиктинцем – не знаю сам, просто слово это запомнилось мне из книг, которые ещё тогда были прочитаны, да и читаются постоянно – и сейчас тоже, то есть в данный момент, когда записываемое ещё раз прочитывается мной по мере скорописи.

Не пройдя ещё и до конца квартала, я прервал себя, но лишь затем, чтобы подумать об отражениях, которые также пугали меня. Я вспомнил шуточные слова моего друга Л., которого я всегда ценил и любил не только за его добрый нрав, но и за тексты, – в особенности за недавние записки, послужившие мне некоторым толчком к написанию сегодняшних строк; итак, я вспомнил его шуточные слова о зеркалах и его улыбающееся и нарочито свирепое лицо. «Моя, мол, мысль; свои ходы ищи, моя традиция, знаешь с какого года – и вообще...» Я возражал и клялся о столь же давних во мне страхах перед зеркалами, но он отмахивался и угрожал разоблачением плагиата.

Новая вспышка мысли, и я ощутил себя идущим по проспекту всё с той же целью. Написав последнее предложение, не мало отвлекаясь на стук машинки,

я опять возвратился к Л. Я вспомнил обычную для него грубоватую, но крайне меткую фразу, с неприязнью характеризующую и садик, в котором я должен сегодня быть, и большие витрины с отражениями в них всегда стоящих около молодых людей.

Сегодняшняя встреча была ещё более тяжёлой, чем всякая другая встреча с этим человеком, и по своему обыкновению я начал вспоминать отдельные – наиболее страшные мне – фразы из только что состоявшегося диалога, – вернее, не сами реплики, а мои мысли, возникавшие в связи с ними. Потом я подумал о своём детстве, которое было мне неведомо; оно всегда драгоценно человеку тем, что, пребывая в нём, он постоянно находится в неведении – самом блаженном из всех состояний, – но этого неведения я почти никогда не испытывал, и особенно в детстве; я ощутил радость от него, полностью охватившего меня только один раз – в недавнее воскресение...

Я долго пытался вспомнить число – но не смог, и опять продолжал записывать нижеследующие строки, постепенно всё больше и больше отдаваясь им.

Почти всё моё детство прошло в бесконечных истериках и страхах; я уже вспоминал ведь о своих галлюцинациях, которые были у меня в начале пятидесятых годов... Настоящее же состояло из смеха и издевательств решительно надо всем и всеми. Привыкнув к полному забвению самого себя, я не обращал внимания на непонимание – или нарочитое, или искреннее – меня и моего творчества, в котором – единственно – я существовал сам, целиком и полностью. Равнодушие полностью овладело мной и только иногда я начинал какую-либо деятельность; в основном это заключалось в собирании уцелевших моих стихов, давних и недавно написанных, и иногда прозы, на которую я обращал ещё меньшее внимание; впрочем, это собирание происходило не из моего желания иметь у себя или сохранить для кого-то свои рукописи, и даже нежелания заняться каким-то делом, относящимся к литературному или околослитературному труду, и даже не из желания заняться вообще чем-то, или занять себя, – нет, это был только рефлекс сохранения самого себя, записанного привычным и ежедневно вспоминающимся почерком – «и скорописью, мол, не угнаться: двор ли в конце концов "или дежурство..."» – дальше я не помнил или помнил плохо – не знаю... не хочу знать ни нового о своей памяти, ни о побуждении собирать тексты; ещё мне иногда желалось сжечь всё написанное как бесполезное и ненужное мне, но этого я не решался сделать, так как мне всё равно не удалось бы уничтожить всего, то есть уничтожить так, чтобы быть уверенным в том, что больше ничего ни у кого не осталось, и никто ничего не помнит на память, – да и опасался того, что буду потом сожалеть.

Однако, я вспомнил опять себя в настоящий момент, пишущего ручкой, взятой на некоторое время у знакомого, сидевшего рядом, а сейчас звонящего по телефону и беседующего о чьих-то поступках и чьём-то настроении со своей знакомой; вспомнил и свою недавнюю беседу со своей знакомой, беседу окончившуюся ссорой и язвительными фразами, брошенными мной вслед ей;

я вспомнил себя, сидящего за машинкой и отстукивающего начало этих строк, и вспомнил начало этих строк и себя в них, идущего по широкому и пыльному проспекту и вспоминающего о чём-то ещё, о чём я уже забыл; я подумал о том, что это предложение будет настолько же длинным, как и одно из предыдущих, о своём большом пальце, уже заболевшим от напряжения, вызванного тем, что я слишком сильно сдавливаю при письме карандаш, – в данном случае шариковую авторучку, – подумал, наконец, о том, когда кончится это предложение, и о том, когда начнётся следующее, подумал и о том, что, пожалуй, кончив это предложение, не начну следующего, а буду говорить с человеком недавно одолжившим мне ручку, и успокоение, начавшееся было где-то в середине этого предложения пройдёт, – вернее, оно проходит уже и скоро сменится раздражением, – и окончил письмо.

Всё же я дважды ошибся – и в предполагаемой беседе, и в том, что на только что оконченном предложении кончу и записи. Только что С., с которым я недавно встретился, вспомнил слова Горацио из «Гамлета» и спросил о дожде, шумевшем снаружи. Но я не знал о нём ничего, потому что был поглощён записью и не посмотрел после вопроса С. в окно. Зато теперь я стал прислушиваться к звукам, доносившимся снаружи, и к беседе стоявших в вестибюле Дома Радио людей; беседа была скучна, но напомнила мне о моём друге Д. – почему, не знаю, но всё равно это воспоминание было мне приятно, – а шум улицы говорил о том, что дождь стал тихим и, может быть, скоро кончится.

Беседа с Р., которая состоялась по приходу моему к Елисейскому, только сейчас забылась мной настолько, что я могу спокойно говорить о ней. Р. был пьян, но не сильно, во всяком случае, он говорил весьма связно, а и по виду его во время нашего разговора нельзя было сказать, что он пьян. Губы его дёргались, и он часто кусал их, нервничая, что я заметил у него в первый, по-моему, раз, и он особенно сильно напомнил мне недавно судимого за убийство В.Ш. Я присутствовал на его процессе, так как был связан с ним цепью знакомств, но увидел его впервые только в зале суда. Лицо его походило несколько на моё, а голос был почти совсем моим. Да и манера держаться тоже была очень схожей, так что однажды, когда я вошёл в коридор перед залом судилища одновременно с его сестрой, то услышал, как кто-то ей сказал:

– Извини меня, пожалуйста, за неприятное, может быть, но В. сейчас очень похож на твоего брата, и я даже подумала сначала, что это он...

Да и в своих речах Р. только что вспомнил его, говоря, что я, как и он, когда-нибудь, а может быть, уже сейчас не смогу больше писать – во всяком случае, писать хорошо, – если не изменятся кое-какие зависящие от меня обстоятельства.

Я возражал, говоря, что мне всё равно, – «к чему, мол, всё это? Цель – мизерная, да и вообще...» – но в скорости перестал отвечать и по своему обыкновению замолчал, иногда только кивая головой в знак согласия или пожимая плечами.

Всё дело в том, что я очень мнителен в беседах и в письме: я боюсь допустить речевую опечатку и поэтому часто бросаю на полуслове начатую фразу и замолкаю, если нахожу, что не могу исправить её.

Да и тексты мои тоже страдают, наверное, косноязычием, не изящным, как у Хлебникова, а вульгарным и топорным. Часто, читая вслух что-то своё, я обнаруживаю некрасивые места и удивляюсь сам себе, но это особенно не страшит меня, так как я знаю, что мне, наверное, никогда не достигнуть совершенства стиля. Но я начинаю мучиться, вспоминать наиболее удачные строки и фразы и постепенно успокаиваюсь, думая, что достиг чего-то, несмотря на происхождение вульгарность – и, наверное, узость мысли.

Итак, я остановился и замолчал; вскоре мысли мои приняли уже другое направление, и я стал записывать новые свои горести, потом перестал думать и о них и стал описывать вестибюль Дома Радио и шум дождя, доносившийся с улицы.

Вскоре пришлось встать и идти домой – на улице был дождь, а встретить какого-либо явно интересующего меня знакомого стало, в очевидности, маловероятным.

По дороге домой я вспомнил, что написал где-то выше о недавнем воскресении, доставившем мне радость, и вспомнил, наконец, число – семнадцатое, – семнадцатое июля. Обрадовавшись этому, я перестал следить за своими мыслями и опять куда-то взлетел; очнулся я, только вспомнив о Н.Н. и сегодняшней с ним беседе, толкнувшей меня на запись событий, происшедших со мной в этот день. В беседе часто употреблялось слово «процесс», и говорилось о неучастии в нём Н.Н. Он недоумевал, не зная причин; причина же была в том, что я имел в виду только тот процесс, который происходит со мной и моими знакомыми, с которыми я постоянно общаюсь, Н. же был лишь касательной к этому кругу знакомств. Мы расстались, и я стал думать о будущей форме записок, и огорчённый беседой и видом Н., подумал о своём собственном неучастии в общем процессе и вспомнил стишок какого-то чешского поэта, – с негодованием писал он что-то вроде: «а ты, бледный Эзра Паунд, стоишь в стороне, ухватившись рукой за дверь...» – Я подумал, что когда-то весьма скоро кто-нибудь с аналогичной ненавистью напишет обо мне, перестал думать вообще обо всём. Скоро дойдя до дома, сел я за стол, дописывая последнее предложение и стал думать о завтра.

А завтра.....¹

¹ на этом рукопись обрывается.

Бикарбонат Римский

Цезарь привстал на стременах и оглядел равнину. Всё было тихо.

Драгуны пели, гренадеры танцевали, уланы целовали красоток, а часовые скакали во весь опор туда и сюда.

«Ищи ветра в поле!» – сказал Цезарь и поехал в ставку. Черчилль раскуривал уже вторую сигару.

Пороли Пугачёва, а Разин вешал бояр и требовал немедленно доставить в Освенцим Екатерину Вторую.

Всё было тихо.

По лубочным картинкам, задрав хвосты, проносились коты в сапогах, а стреляные воробьи медленно окружали со всех сторон прищурившего глаз охотника.

А.Д. Скалдин написал на чистом листе бумаги: «Письма Александра Блока ко мне».

Хеленукты гуськом шли мимо Радиокомитета.

Всё было тихо.

Вьюга заметала следы проносившихся по морозной ночной равнине коней.

Уоллес Бири падал на пол, выхватывая из-за пояса кольт.

Кот Епифан Великолепный явился во сне своему четвероногому собрату Фоме.

Великая Хартия Вольностей ещё не была написана, Кампанелла ещё разгуливал на свободе, а научная женщина Гипатия чертила на песке формулы при-ведения.

Всё было тихо.

И только Цезарь, привставая на стременах, смотрел вперёд – на север. Там его ждала победа. Там катила свои воды река Рубикон.

Декабрь 1967

Миша в Зоосаде¹

Глава 1

– Мама, а мама! – сказал Миша. – Давай пойдём в Зоосад: я хочу посмотреть на зебру.

– Нет, Миша, – сказала мама, – ты ещё очень мал: тебя там задавят.

– Ну вот, мама, – сказал Миша, – а я так хочу в Зоосад! Если мы не пойдём сейчас в Зоосад, то я не буду есть булку с маслом.

– Ну и хорошо, – пошутила мама, – мне больше останется.

Она подошла к буфету и смахнула наверхнувшуюся слезу.

– Вот, – сказала она, немного помолчав, – теперь я съем твою булку с маслом. Смотри, Миша, внимательно.

Она взяла батон и стала намазывать его маслом.

– Не ешь, мама! – закричал Миша. – Если ты съешь мою булку, то я пойду и утоплюсь.

– Как же ты утопишься? – удивилась мама. – Ведь ты не умеешь плавать...

– Зато я умею стрелять из рогатки! – крикнул Миша.

Мама обиделась.

Глава 2

День был чудесный. Светило яркое солнце. Ветер веял весенней прохладой. На заборе сидела птичка и выпускала трели. Рядом лежала потерянная Мишей калоша. Пахло жареным.

Печальный бегемот разматывал взопревшие портянки. Перед ним стоял Миша и читал вслух стихотворение. Вокруг летали утки.

– Я доволен, я рад:
я попал в Зоосад, –

говорил с выражением Миша.

Бегемот довольно ослабился.

– Ты – хороший мальчик, Миша, – сказал он. – Я тебя очень люблю. Ты уже пионер, не правда ли?

– Нет, дядя, – сказал Миша. – Я даже не хожу ещё в школу, я являюсь воспитанником Детского сада № 14.

– А как же зовут твою воспитательницу? – спросил бегемот, поднимая брови.

– Её зовут Анна Александровна, – возразил Миша и кинул в окно подстанник.

¹ Соавтор: Дм. М.

Подстаканник упал дяде Феде на плечо и ушиб его.
– Ай-яй-яй! какой ты шалун! – сказал бегемот и ласково погрозил Мише пальцем.
Миша застеснялся.

Глава 3

Придя домой, Миша лёг на диван и сразу уснул.
Во сне он захотел покушать мороженого.
– Где бы его сейчас достать? – озаботился Миша, и ему сразу стало не по себе.
Папиросы кончились.
– Вот, значит, какие дела! – проговорил кто-то совсем рядом.
Миша вздрогнул и выдохнул свой воздух. Тут подошла мама и больно ударила по голове чёрствым батонном. Стало противно: масло прилипло к волосам.
Миша усмехнулся и открыл глаза.
– Вставай скорей, Миша! – сказала бабушка, дотронувшись до его плеча. – Мама уже пошла в магазин покупать тебе барабан.
Миша захохотал.

Глава 4

Было страшно. В углу лежал барабан, а на нём сидел волосатый мужик Андриан Евтихийев. Его мучила совесть.
Миша обратил своё внимание на то, что из его кармана торчал батон, покрытый густым волосяным слоем.
Скоро пришла мама, и мужик ушёл.
– Миша, скажи: ты будешь меня слушаться? – спросила мама.
– Буду, буду, мамочка! – закричал Миша.
– Ну вот и хорошо. Одевайся, Мишенька, сейчас мы пойдем в Зоологический сад.
– Ура! – закричал Миша. – А я тебя всё равно буду слушаться! Честное детское садовское, буду!..

Конец

Вологда – Николаевск-на-Амуре – Тула

Декабрь 1967

Август 1914-го¹

Литературный сценарий

сергей всеволодович кряхтя и охая приподнялся и медленно двинулся к появившейся невдалеке суповой миске. запах играл здесь свою роль. первый шаг его был удачен но ещё многое было неясно. смеркалось. присев на лошадь василий всеволодович двинулся наперерез валерию. катулл попятился и споткнулся. наступило гнусное молчание. **кем быть? кем быть?** мучительно говорил подросток семён. сверкнув лопастью в бледном свете зашедшего солнца валерий николаевич нахмурился давая понять всем остальным что валериан всеволодович допустил непростительную глупость и немедленно заговорил поминутно поглядывая на большие карманные часы. все внимательно и осторожно слушали только катулл не оставлял своих попыток усмехнуться и подтолкнуть семёна плечом. лошадь насупилась и лежала в углу тихо куковали птицы и медленно падал с буфета горный орёл иван всеволодович. сергей всеволодович защищая спину большим кругом полтавской колбасы занёс киянку над суповой миской. **ещё немного и всё будет кончено!** пронеслось в его мозгу. раздался удар и густой перловый суп медленно пополз к двери, вздыбился подросток семён и цепляясь сильными руками за уши сшиб сергея всеволодовича с ног. игорь валеривнович вытащил из-за пазухи большого рыжего кота и стал кормить его грудью. однако кот грудь не брал и тоскливо смотрел на суповую лужу. прыжок. и вот уже кот вырвавшись из рук игоря вениаминовича уселся орлом над пролитым супом. комнату оросил звонкий аромат. унтер-офицер валерий всеволодович надел портупею и утёршись рукавом отправился во свояси. каждый вторник он орал там вытягивая слюни по швам.

Март 1968

¹ *Соавтор: Дм.М.*

Ирония судьбы

В.Н. Петрову

Н.И. исписал целую страницу. Для него это было много. Усталый, он бросил ручку на тетрадь и откинулся в кресле. Хотел повернуться, но вдруг с ужасом увидел, что капли чернил слетели с пера и забрызгали всю страницу.

«Боже мой! – вздохнул про себя Н.И. – Что же теперь делать?!»

Он достал промокашку и приложил её к кляксам. Но руки от волнения и злобы дрожали, и Н.И. вместо того, чтобы аккуратно промокнуть кляксы и сделать их светлыми, только размазал их. Теперь нижняя половина страницы была густо заляпана отвратительными потёками и пятнами.

Н.И. поднёс бумагу к глазам и стал смотреть, что из написанного скрыла грязь и что осталось. Но осталось немного, и Н.И. прочёл следующее:

«... немного из того, что сейчас
делается – конечно,
..... впрочем но и
..... не заслуживает
..... абсолютно
никакого внимания!»

Н.И. вздохнул: «Вот она, – ирония судьбы! Это она, она подстроила мне такую пакость! Прочсть оскорбление своему рассказу, написанное своей собственной рукой, да ещё после того, что начало рассказа – так удалось!»

Вконец раздосадованный, Н.И. сложил листок вдвое, потом разорвал пополам и с остервенением укусил и начал рвать зубами ненавистную половину, изгаженную так неловко упавшей ручкой.

Н.И. немного посидел, отдышался, успокоился и решил перечитать удавшееся начало рассказа. Он взял нетронутую половину листка и прочёл:

«... немного из того»

Май 1968

После шестого урока

– Сегодня мы тебя выпорем, – сказали ребята Серёже. – Так что после шестого урока приходи в гимнастический зал.

Серёжа покраснел.

– Конечно! А ты тоже там будешь? – спросил он Витю Борисова.

– А как же! Обязательно: мы же друзья...

Но тут зазвенел звонок, и мальчики побежали в класс.

Андрей Владимирович рассказывал про кругосветное путешествие Магеллана. Все слушали, затаив дыхание, и только Серёжа все ёрзал.

– Галя! – позвал он, наконец, шепотом. – Галя!

– Тсс! – отмахнулась она. – Не мешай!

Серёжа вздохнул, достал из парты листок бумаги и начал рисовать корабль, мчащийся на всех парусах. Он так увлёкся, что не заметил, как Андрей Владимирович тихо подошёл к нему, встал сзади и стал внимательно глядеть на рисунок.

Серёжа нарисовал на палубе высокого бородатого человека со шпагой в руках и подозрной трубой под мышкой, потом большими буквами вывел на борту «Санта Мария», взял рисунок, гордо откинул назад голову и с удовольствием стал рассматривать, что получилось.

– Молодец! – сказал Андрей Владимирович.

Весь класс облегчённо перевёл дух. Серёжа вздрогнул и обернулся.

Андрей Владимирович стоял позади него, и лицо его светилось.

– Молодец, Серёжа! Молодец! – повторил Андрей Владимирович. – Знаешь, ведь ты нарисовал «Санта Марию» именно так, как я её всегда себе представлял...

– Вы знаете, ребята, – продолжал он, обращаясь уже ко всему классу, – ведь я, когда мне было столько же лет, сколько сейчас вам, мечтал стать моряком... Но вот, так моя мечта и не сбылась... Знаете, я раньше часто представлял себе: большой корабль, он мчится по волнам куда-то вдаль, свистит ветер, скрипят мачты... Помните: «Белеет парус одинокий...» Вот и я мечтал... Представляете – никого, никого на много-много миль кругом, и мчится по волнам корабль на всех парусах... Серёжа станет замечательным художником, я верю!

И Андрей Владимирович долго ещё рассказывал притихшему классу о море, о парусниках, о чайках...

Никто не заметил, как кончился урок, пролетела перемена, как прозвенел новый звонок... Все очнулись только тогда, когда Иван Антонович, директор, стуча палкой вошёл в класс и положил на стол толстый тяжёлый портфель.

Андрей Владимирович недоуменно посмотрел на вошедшего директора, пожал плечами и тихо сказал:

– Вот... заболтались мы тут с ребятами! – и вдруг, всхлипнув, выбежал из класса.

– Андрей Владимирович! – хотел крикнуть Серёжа. – Пожалуйста, приходи-те после шестого урока в спортзал – меня там пороть будут! – но осёкся, подумав, что, если узнает Иван Антонович, то, может, чего доброго, всё запретить.

Так Серёжа и не пригласил Андрея Владимировича – тот сразу же после своего урока ушёл домой. Расстроенный, возвращался Серёжа из учительской...

«А Галя? – спохватился он вдруг. – Что же это я?» – и побежал её разыскивать.

Когда до начала последнего урока оставалось уже минуты две, Серёжа подбежал к ней и быстро заговорил:

– Галя! Я хочу тебя пригласить... Ты, пожалуйста, не отказывайся... Знаешь, после этого урока меня в спортзале будут пороть! Ты придёшь, а? Приходи, пожалуйста! Я и Витю уже позвал...

– Правда? Будут пороть? Ремнями?.. Обязательно приду. Спасибо тебе, Серёжа.

Она улыбнулась, посмотрела на совсем красного от смущения Серёжу и добавила:

– Спасибо... Я этого не забуду, Серёжа!

И тут же, сама вспыхнув, побежала в класс.

Весь последний урок мальчики перешёптывались друг с другом, и записочки летали с парты на парту.

Сидевшая впереди Галя строго смотрела прямо перед собой. Только один раз она обернулась, посмотрела на Серёжу, покраснела до самых ушей, быстро отвернулась и уткнулась в свою тетрадь.

Наконец прозвенел долгожданный звонок.

Серёжа с бьющимся сердцем медленно собрал тетради, застегнул портфель и вышел из класса.

К нему навстречу шагнул Валера Смирнов.

– Мы тут, Серёжа... – сказал он. – Мы тут решили... Ну, в общем, мы не будем тебя пороть: ты такой рисунок нарисовал... Ты нас извини...

– То есть как так – не будем?! – воскликнул Серёжа. – Вы что, за дурачка меня считаете, что ли?

– Да нет... Ну, понимаешь, Серёжа, – нельзя... Ты ведь... Да ну тебя вообще! – махнул Валера рукой и быстро зашагал по коридору.

Серёжа остался один. Постояв несколько минут на одном месте, он растерянно огляделся и побрёл на третью лестницу.

На лестнице, в углу стояла Галя, уткнувшись лицом в стенку, и плакала. Её плечи вздрагивали. Под ногами валялся мокрый носовой платок.

– Галя, – сказал Серёжа тихо. – Ты что?..

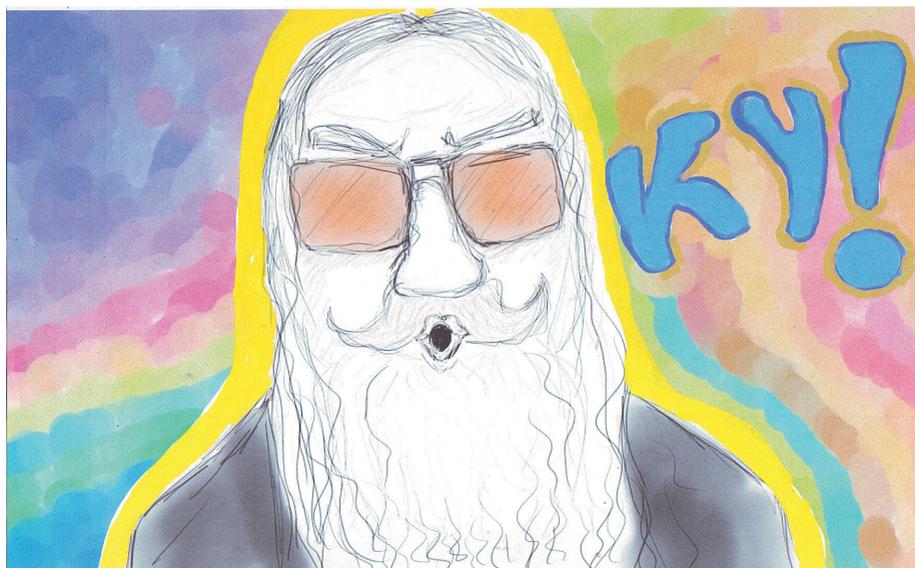
– Он ещё спрашивает! – всхлипывая, закричала Галя. – Как тебе не стыдно? Что же ты мне наврал? Я, как дура, побежала скорей к спортзалу, – а там, конечно, никого нету... Ты врун! Обманщик!

Она быстро нагнулась, схватила платок и побежала вниз по лестнице.

– Галя! – крикнул Серёжа. – Галя!

Но она даже не обернулась.

Сентябрь 1968

Судьба атеиста Сысоева

Октябрь 1968

В гостях

Посреди стола стоял большой кремовый торт. Гости чинно сидели вокруг, держали руки на коленях и вожделенно смотрели на скатерть.

Пётр Павлович встал, нагнулся над столом, схватил торт руками и резким движением цепких пальцев разорвал его. Торт распался на несколько частей. Пётр Павлович брезгливо стряхнул крем на блюдо, вытер руки о скатерть и вернулся на своё место.

Все значительно переглянулись, но, повинясь властному взгляду Ивана Сергеевича, хозяина дома, смущённо потупились.

Наступила тишина. Все сидели молча, не решаясь сделать малейшее движение.

Из угла комнаты поднялся незнакомый человек лет сорока, одетый в строгий серый костюм. Поправив галстук, он решительными шагами пересёк комнату и, подойдя к Петру Павловичу, наклонился и что-то сказал ему на ухо. Пётр Павлович кивнул, встал и вышел вместе с незнакомцем.

Было слышно, как они прошли по коридору к выходу. Вот хлопнула уличная дверь. И почти тотчас же раздался выстрел.

Иван Сергеевич достал портсигар, вынул папиросу и закурил. Гости удивлённо посматривали друг на друга и на хозяина, безмятежно пускающего колечки дыма.

Снова хлопнула входная дверь, и послышались шаги по коридору. Они остановились у двери – пришедший вытирал ноги.

Через несколько секунд в комнату вошёл незнакомец в сером костюме.

Иван Сергеевич встал, подошёл к нему и, ласково похлопывая по плечу, сказал негромко:

– Прошу любить и жаловать!.. Это мой добрый друг, – Лев Николаевич... Сейчас мы будем пить чай.

Февраль 1969

Приусадебный участок

А.А. Александрову

У Анатолия Андреевича были больные глаза. Собственно, нельзя было сказать, что они больные, точнее – они были со странностями: Анатолий Андреевич совершенно не переносил солнечный свет. Поэтому он старался как можно меньше бывать на улице. Но на улице ему приходилось бывать часто, и Анатолий Андреевич всегда пребывал в раздражении.

Долгое время Анатолий Андреевич занимался обменом своей жилой площади, пока, наконец, не въехал в совершенно тёмную и мрачную комнату с окном в двор-колодец. Эта комната ему нравилась, нравился ему и узкий, мощённый булыжником двор с постоянной кучей мусора прямо против окна. В свободное от часов службы время Анатолий Андреевич часами сидел или стоял у окна, рассматривая разнообразный хлам, и наслаждался не раздражающим его глаза постоянно сумеречным светом.

Но однажды жизнь Анатолия Андреевича чудесным образом переменялась.

Жарким летним полднем к Анатолию Андреевичу зашёл его бывший школьный приятель Качалов и предложил поехать за город. Анатолий Андреевич начал было протестовать, но Качалов и слушать его не хотел и на все жалобы приятеля и все его ссылки на больные глаза сказал только:

– А солнечные очки на что? – и вытащил из кармана чёрные блестящие очки.

Анатолий Андреевич, не в силах будучи сопротивляться Качалову, согласился и, проклиная всё и вся, решился, наконец, ехать.

Дорога была мучительна: очки Анатолию Андреевичу нисколько не помогали, и из глаз его не переставая текли слёзы.

Качалов же наслаждался и воздухом, и деревьями, и солнцем и болтал без умолку. Но, видя, что Анатолия Андреевича ничем не развеселить, решил веселиться самостоятельно и купил в местном магазине пол-литра водки.

Анатолий Андреевич, увидев водку, вдруг тоже захотел выпить, хотя и был непьющим, и этим очень обрадовал Качалова.

Вместе они пошли в лесок и уселись на поваленное дерево. Качалов ловко откупорил бутылку и достал из рюкзака стакан...

После выпитой водки Анатолия Андреевича разморило, и он начал сидя дремать, покачиваясь время от времени из стороны в сторону. Один раз его так накренило, что он чуть не сшиб на землю своего спутника. Качалов разозлился и заорал:

– Чего толкаешься?!

Но тут Анатолий Андреевич, как на грех, снова повалился на него, и Качалов, выведенный из себя, размахнулся и дал Анатолию Андреевичу подзатыльника. Анатолий Андреевич ойкнул и упал на траву лицом вниз.

Качалов же допил остатки водки и задремал. Когда он открыл глаза, уже начинало смеркаться.

– Анатолий! – позвал Качалов, но ему никто не ответил. Качалов встал и посмотрел по сторонам, но Анатолия Андреевича нигде не было видно.

И вдруг Качалов увидел своего школьного приятеля, лежащего ничком у него под ногами. Качалов вздрогнул и принялся тормошить Анатолия Андреевича.

– Анатолий! Слышишь, вставай, брось дурить!.. Ты что, в самом деле... Толя?!

Но Анатолий Андреевич неподвижно лежал и не шевелился. Тогда Качалов встал с земли и медленно начал пятиться назад. Натолкнувшись спиной на дерево, он вскрикнул и бросился бежать, не разбирая дороги...

Прошло много лет. Качалов вышел на пенсию и купил на скопленные за время долгой трудовой жизни деньги дом за городом и маленький участок земли.

Однажды, пропустив после обеда рюмочку, он сидел на веранде и читал рассказ Эдгара По «Золотой жук». Дочитав рассказ, он закрыл книгу и вышел в огород. Сегодня он собирался перекопать ещё две грядки (все остальные были уже вскопаны и засажены).

Качалов взял лопату и в раздумье остановился над грядкой.

«А что, – подумал он вдруг, – а что, если здесь зарыт клад? Да, да: вот здесь, под этой самой грядкой, а?!»

Эта мысль ему очень понравилась, и он с ожесточением воткнул лопату в землю. Почти сразу лопата попала на что-то твёрдое. У Качалова захватило дух. Волнуясь, он торопливо отбрасывал землю и, наконец, увидел крышку деревянного ящика.

Качалов начал аккуратно окапывать её, и вот – перед ним лежит в совсем не глубокой яме широкая доска с медным кольцом посередине.

Качалов обеими руками схватил кольцо и потянул его на себя. Крышка со скрипом подалась и отскочила.

В деревянном ящике лежал мёртвый Анатолий Андреевич в тёмных очках.

– Здравствуй, Качалов! – сказал он негромко.

Март 1969

Писатель у себя дома

(Отрывки)

... В детстве я очень любил слово «сволочь». Своим звучанием оно представлялось мне круглым и ласковым. Оставаясь дома один, я часто говорил его самому себе, наслаждаясь нежными звуками. «Сволочь!» – говорил я и радостно смеялся, вспоминая отчего-то круглые ванильные булочки, их запах и жареный арахис, украшающий их корочку...

Но мне не хватало слушателей. Ведь сказать «сволочь» старшему брату, папе или маме было нельзя: и я, и они прекрасно знали смысл этого слова и могли обидеться, услышав его от меня.

Скоро, однако, я нашёл выход из положения. Я создал неологизм, вполне цензурное слово, но звучавшее почти так же, как и любимое. Теперь я мог говорить своим близким и самому себе: «*стуloch*». Но почему-то ни брат, ни папа, ни мама не восторгались красотой созданного мной слова, хотя, на моё счастье, не запрещали мне произносить его и не спрашивали меня, что это значит.

Видя полное безразличие к своему словесному творчеству, я и сам перестал наслаждаться словами «сволочь» и «*стуloch*» и стал ещё более замкнутым...

Лето 1964 года я провёл в Лисьем Носу.

Как-то Роман Белоусов прислал мне письмо, в котором сообщал о своём знакомстве с «очень интересным человеком», умалчивая, однако, о том, кто этот человек и чем он занимается. Но человек этот вскоре сам познакомился со мной.

Жарким летним полднем я сидел на веранде за машинкой и вдруг увидел в дверях маленького вертлявого человечка в очках. Недоумённо я посмотрел на него, а он, предупреждая моё дальнейшее поведение, с треском захлопнул улыбающиеся челюсти, резким движением схватился за волосы и, протянув мне руку, осведомился:

– Володя?

Этот человечек, о чём, наверное, проницательный читатель уже догадался, был Саша Прокофьев.

В конце оживлённого разговора Прокофьев сказал, что здесь, в Лисьем Носу, на даче живёт его давний друг, с которым он просто обязан меня познакомить. Я стал расспрашивать о нём, и Прокофьев сказал, что его друг – это гениальный человек, философ, пишет эссе!

– О чём же он пишет? – спросил я.

– О! это, понимаешь, трудно объяснить... Он пишет о сущности... Квинтэссенция... О Боге, – нет, больше!..

Большого я не добился, но заочно проникся к знакомцу Прокофьева почтительностью и уважением.

Мы подошли к двухэтажному зелёному домику и вошли в сад. На траве, на небольшом опрятном коврике, лежал полный юноша невысокого роста и тоже

в очках и читал книгу. Рядом, если мне не изменяет память, стоял кувшин с каким-то напитком.

«Китаец!» – мелькнуло у меня в мозгу, и я проникся к лежащему ещё большим уважением. И на самом деле – было что-то патриархально-китайское в представившейся мне картине.

Юноша неторопливо поднялся, небрежно радушным жестом приветствуя нас. Мы представились друг другу.

Так 20 июля 1964 года я познакомился с Дмитрием Борисовичем М***.

В сентябре 1964 года произошло и ещё одно весьма чреватое знакомство – я познакомился в Публичной библиотеке с А.Н. Мироновым.

Я стоял у барьера и требовал «День поэзии». Передо мной стоял белокурый блондин и требовал то же. Его требование удовлетворили, а моё, вследствие удовлетворения его, – нет. Тогда я взял несколько каких-то совершенно не нужных мне книг и, раздосадованный, пошёл в зал. Через стол от меня сидел напакостивший мне блондин. Я глубоко задумался, вспомнив, как странно и нервно шевелил он пальцами, и вдруг понял, что он – поэт. Я решил спросить его о верности моего предположения, подсел к нему и задал ему вопрос на интересующую меня тему. Получив утвердительный ответ с присовокуплением обычного «а что?», я обрадовался, и между нами завязался оживлённый разговор, кончившийся, разумеется, чтением стихов. Мироновские стихи мне понравились, и наше знакомство продолжилось...

... Наступило 30 сентября 1964 года. В одной из аудиторий пединститута им. Герцена выступало шестеро: М. Юпп, Т. Славина, Андрей Гайворонский (в то время Чёрный), Тамара Буковская (фигурировавшая тогда тоже под иным именем), Миронов и, конечно, я.

После чтения стихов начался диспут.

Какой-то неизвестный человек в бежевом костюме, встав из Задних Рядов, произнёс суровую отповедь поэтам. Он, частности, указал (и это почему-то в наибольшей степени относилось ко мне), что «за то, что мы (т.е. *они*) не дарим им (т.е. *нам*) загородных вилл и белых кадиллаков, они (т.е. *мы*) мстят нам (т.е. *им*) своими стихами!»

Впрочем, Юпп был несколько выделен – в лучшую сторону.

С тех пор я не раз подумывал – не купить ли мне белый кадиллак?..

... Александр Николаевич Миронов очень любил древесину. Это было ясно даже по его внешнему виду. Да и сам он признавался мне неоднократно в своей привязанности.

Не было такой минуты, когда бы он не отламывал от спичечного коробка щепочки и не совал бы её тут же в рот. Так что одного коробка хватало ему всего лишь на какой-нибудь час, не больше.

Булочки детства

Около Южных ворот Ленинградского университета есть студенческая столовая, а в подвале – кафетерий с пирожками, салатами и кренделями.

Работая в университетской библиотеке сначала младшим, а позже и старшим библиотекарем, я частенько ходил туда вместе со своим сослуживцем Дмитрием Борисовичем М*** обедать. Моим любимым блюдом была кулебяка. Она продавалась на вес: резалась по желанию покупателей на любого размера куски. Килограмм – как сейчас помню – стоил один рубль шестьдесят две копейки. Кулебяка была очень вкусна: мясо обильно наперчено, корочка поджариста... Немудрено, что ел я её в огромных количествах, а иначе говоря – столько, сколько позволяли средства. Иногда я покупал целую штуку – весила она около восьмисот граммов – и, торжествуя, съедал её, запивая кофе с молоком.

Вскороности на службу в нашу библиотеку устроился Николай Иванович Николаев. Устроился он к нам, кажется, за день до получки и был на второй же день своей работы свидетелем того, как я съел в обед целую, выбрав самую большую, кулебяку. – Была истерика...

Но я отвлёкся. Собственно говоря, я начал описывать не свою привязанность к кулебяке и не то, как Дмитрий Борисович обозвал меня однажды «кулебячьим сыном», а *булочки детства*.

Как-то раз я зашёл вместе с Дмитрием Борисовичем в кафетерий и увидел, что на витрине среди пирожков, кулебяк и расстегаев лежала груда ванильных булочек. Конечно, это были уже не те булочки пятидесятых годов... Орехов, некогда так украшавших круглую румяную шапочку, уже не было, изюму тоже побавилось, да и свежая гладкая поверхность была засыпана противной сахарной пудрой... Да и назывались они не «булочками ванильными», как в доброе старое время, а «кексом майским». Однако, справедливым будет заметить, стоили они так же, как и раньше: гривенник.

Широким жестом руки я пригласил Дмитрия Борисовича поближе к витрине и сказал громко и выразительно:

– Дмитрий Борисович! Позвольте представить вас друг другу... Рекомендую: булочки моего детства...

Позже я спросил у него, не хочет ли он писать вместе со мной лирическую повесть под этим названием – «Булочки моего детства»?..

1968

Февраль 1969

Простая повесть

... Запись мелом на стене. Для памяти. – Я её помню! –

– слабое оправдание. Удручённый голос, жалость во взгляде. – Нарушение правил игры обычно наказывается. Примерное послушание – засчитывается. Засчитывается?

– Что было за время?

– Поздний час. Я был в пальто; холодно – значит, поздно.

Не смею ничего добавить, чтобы не разрушить начавшую складываться картину.

Она внимательно молчит.

Ожидание обостряет предметы; сквозь углы стола и стульев резче прорисовывается окно с предполагаемым пейзажем – обязательно думается:

– брандмауэра! –

но – это не так. То есть я не знаю, я не уверен... Я просто не знаю, что там, за окном. Только предполагаю – для соответствия... С предметами, да.

Она становится еще внимательнее: плечи подаются вперёд, она тихо дышит. Но собеседник молчит.

Что добавить к только что подуманному? – Он не знает и ждёт ответа.

Она думает, на секунду отведя глаза: «сейчас польются слова, забудётся на виске, защекочет сердце»...

Слегка приподнимает лицо – краешек потолка, полуоторвавшийся в углу кусок обоев, его шевелит залетающий в щели лёгкий ветер – её глаза увлажняются, она уже готова, с шумом отодвигая стул, подняться, взмахнуть левой рукой в сторону окна, шевельнуть правой, выдвигая, слегка, вперёд колено, опять сесть, резко провести тыльной стороной по платью –

Но он молчал.

Ещё неделя, наверное, минута, – наконец, она кашляет и, как бы проснувшись от этого звука, почти говорит, почти шевеля губами, почти воспроизводя твой голос:

– Да, действительно, здесь за окном ничего, – кроме брандмауэра – и быть не может...

Оборачиваюсь.

За долю этой секунды – секунды поворота – что-то забывается, и, спокойно, как бы чертя по линейке прямую, он говорит:

– Ну вот видишь?.. Всё так.

Август 1972, 1976.

Приключение

Я вышел из дома около пяти часов вечера. Помню, что у ворот стояла лошадь и что-то жевала. Как это представить? Скорее всего, был вечер, но, может быть, ещё и не был. Пять часов какого-то дня – три дня назад или три дня спустя. Нет, кажется, уже неделя или даже дней десять... Все эти дни, что я провёл здесь, странным образом походили один на другой – точь-в-точь как сегодня и вчера. Сегодня? я не уверен. Обидно, что с первых же слов начинается путаница... Начну снова. Я посмотрел на часы и заторопился выйти, чтобы успеть к назначенному времени. Быстро спустился по лестнице, заглянул в почтовый ящик, потом, как всегда, вспомнил, что забыл дома блокнот (я сейчас пишу в этом блокноте), и мне пришлось возвращаться. Вернувшись, увидел лежащий на столе блокнот и папиросы на нём – их я тоже, оказывается, забыл. Блокнот я положил в портфель, папиросы в карман и вышел снова. В почтовом ящике ничего не было. Выйдя на улицу, я встретился взглядом с лошадью. Она что-то жевала. Я ещё раз посмотрел на часы, но тут же забыл... нет, это я сейчас не помню, который был час. Мне кажется – сейчас, – что была то ли половина, то ли четверть пятого. Нет, кажется, без четверти... Не могу быть уверенным.

Вчера (или позавчера?) я забыл завести часы, и теперь они стоят. Сейчас, должно быть, вечер. Хотя – кому как. Мои часы стоят и показывают одно и то же время: без семи минут девять. Когда они остановились – вечером или утром? Здесь важно быть точным. Я помню, что заводил их... Нет, впрочем, не помню. Я уже сказал, что вчера, сегодня и завтра очень трудно... нет, невозможно различить. Это надо было понять много раньше. Так когда же остановились часы? Трудно сказать. Скорее всего, вчера или три-четыре дня назад.

Июль 1978

В январе прошлого года...

В январе прошлого года

В январе прошлого года я был в больнице. И там, в двадцатых числах мне показали вот что.

Пришёл я как будто на вечер в честь Сосноры. Там всё было по-домашнему; на одной из стен висела маленькая полочка книг, ценимых, очевидно, Соснорой.

Книг было мало: штук десять. Слева и справа стояли маленькие книжки сочинений английских авторов, славящихся ужасами. А примерно четвертая книга слева было второе издание «Вероятной модели языка».

– О! Налимов, – воскликнул я радостно.

Тут подошёл Виктор Александрович (как будто) и подтвердил:

– Ещё бы!

Дальнейшее не помню.

2018

*Mironoff und seine Würsten*¹

Эпиграммы на Миронова

*Von E. V. E.*²

¹ Миронов и его колбасы (нем.)

² от E. V. [Евгения Вензеля] и E. [Эрля] (с нем.)

Миронов написал:

Я тело длинное несу
По миру словно колбасу...

В сером кошмаре
трамвайно-колбасной войны...

– «Многие люди подобны колбасам...»

Эпитафия

Прелесть тайную колбас
он воспел к восторгу масс

По холодным волнам хориямба,
Лишь ветер дохнёт в паруса
Поэт одинокий несётся,
И скачет за ним колбаса.

– Тяжела твоя киса.
Что ж в кисе, что ж в кисе?
– Колбаса, колбаса
там прижалась к колбасе.

Не какой-нибудь котлетой
ты обедаешь, Сысой, –
лишь Мироновым воспетой
вожделенной колбасой.

Смерть пришла и взмахнула косой...
Прощайся, Миронов, с своей колбасой!

Поэту были голоса,
но помешала колбаса.

Who is?¹

Приближается босой,
потрясая колбасой.

1.

Миронов слышит голоса,
но внять божественным напевам
ему мешает колбаса, –
она лежит в кармане левом.

2.

Миронов слышит голоса,
но, отягчён ужасным нравом,
он твёрдо знает: колбаса
всегда лежит в кармане правом.

Лесозащитной полосой
в обнимку с жирной колбасой
бежал Миронов. – Колбасу же
едва ли ты представишь уже.

Шептал Миронов нежно, страстно:
«О, как ты, милая, колбасна!»
Ему ответила она:
«Я упоительна жирна».

Миронова в лобок
ужалила оса:
был стон его глубок
и нежен: «колбаса-а...»

В исподнем он сидел босой
и забавлялся – колбасой.

¹ Кто это? (англ.)

В Лисьем носу
он зарыл колбасу.

Это – трюк весьма опасный,
недоступный даже псу:
ночью он на крюк колбасный
прицепляет колбасу.

Поэт молился три часа:
– Приди, святая колбаса!..

– Что ты делаешь, Миронов?
– Пью «хирсу».
– Отдели же от кальсонов
колбасу, колбасу!..

Признание М.

Пью ли пиво, ем ли сою, –
всё кончаю колбасою!

«Темны ночные небеса.
в стогу дымится колбаса».

Скрип раздался колеса,
вздрагнула телега;
наземь пала колбаса –
альфа и омега...

Вздыбив мягкие мяса,
оплывала колбаса.

Наутро выпала роса,
а вслед за нею колбаса.

Играл Миронов на органе,
гудели грозные баса...
И в сладострастнейшем тумане
пред ним витала колбаса.

– Чем же наполнена колба сия?
– Стихами, стихами, мой сын!
Большая страна Колбасия,
и Миронов там – властелин.

– Вкусней, чем лошади овёс,
я кое-что тебе принёс.
– Неужто, Саша, Саша! Са –
– Молчи! – сказала колбаса.

Вкруг дерева обвилась колбаса...
– Миронов, подойди ко мне поближе...

В пуху, в пыли, в говне, в росе,
Миронов крался к колбасе.
Но колбаса сказала: «nein,¹
не выйдет наш с тобой design²».

Юн я был и часто пас
Стадо маленьких колбас.
Повзрослел. Теперь пасу
пожилую колбасу.

¹ нет (нем.)

² конструкция, проект (с англ.)

Жизнь облегает плотно, как рейтузы.
Стих задыхается, гражданственно-косой...
Оставьте же меня, пленительные Музы,
жить в поединке с милой колбасой!..

13.01.1975 г.

Все эпиграммы были написаны в один день; об авторах можно сказать одно: лучшие эпиграммы написаны Е. Вензелем, остальные мной.

«Охота»
(Заповедник)

Главы из неоконченного романа

1969 г.

От автора

Итак, любезный читатель, мы переступили порог этой книги. Зачем, спрашивается? – Не знаю. Менее всего я желал бы получить похвалу «Охоте»... Лучше всего, если мы окажемся снисходительны друг к другу и попытаемся делать взаимные уступки. Вы попробуете избавиться от гадливости, а я от любопытства. Ведь именно любопытство к психологической натуре заставило меня взяться за сочинительство этой книги, за этот бессмысленный тяжёлый труд. Представляете ли вы себе, как мне нужны были персонажи? Ведь от первого лица столько не напишешь, вот и приходилось насильно приводить себя к распаду личности.

Кажется, что вот, – всё: поймал персонажа за фалды, – весь он перед тобой – ан нет! Лицом изменится и уйдёт, и больше в руки не дастся! Вот и попробуй поймать его, негодяя...

Скользкие нынче пошли люди!

Но мы отвлеклись. Вы, впрочем, кажется, начали уже волноваться и спрашивать: «К чему это всё?». А вот на это-то я вам ничего и не отвечу! И без того всё лучше, чем на самом деле. Вот и всё! Мы отвлеклись. А нас уже ждут: Вера в кофейне, да кабан на символической поляне. Пора к ним!

Часть первая

Глава первая

Егерь С. не ожидал увидеть между кустов клыки кабана и его красные бешеные глаза. Поэтому он не выстрелил и даже не пытался бежать. Он тихо лежал и прислушивался.

Собственно, можно ли было верить тем звукам, неясным и непродолжительным, всё время прерывавшимся и то снова возвращавшимся к прежней ноте, то сменявшимся другими. Наконец, всё слилось в какой-то странный хор и внезапно смолкло. Только иногда слышно было хрипящее дыхание егеря и шелест листьев, дрожащих в парах разведённого С. костра.

В конце концов, нет надобности говорить, что произошло и, если произошло, – как. Необязательно описывать всё-таки незакрывшиеся глаза егеря и его последний хрип. Можно упомянуть только, что труп очень хорошо сохранился до дня, в котором началось наше повествование.

Глава вторая. Дубровский

Когда житель села, расположенного поблизости от леса, некто Борис Николаевич Дубровский отправился в лес за грибами, то вряд ли думал о предстоящем ему приключении, которое, можно сказать, изменило всю его дальнейшую судьбу.

Беседуя с сестрой Ларисой и односельчанином Петром, впрочем, скорее не беседуя, а просто перебрасываясь время от времени добродушными короткими фразами, такими значительными для них, бессмысленными по сути фразами, Дубровский шёл по лесу и сбивал толстой суковатой палкой краснеющие издалека шапки мухоморов. Разойтись в разные стороны и попытать счастья порознь, – грибов попадалось мало, и видеть только что сорванный гриб в руках спутника доставляло мало удовольствия, – предложила Лариса.

Постояв немного, все трое отвернулись друг от друга и пошли в разные стороны. Дубровский к только ему одному известной поляне, где, как он точно знал, всегда можно было набрать достаточно грибов.

Идя по лесу, он постоянно оборачивался, чтобы проверить: не смотрят ли за ним, но, убедившись наконец, что все на самом деле идут в разные стороны и смотрят только себе под ноги, а никак не друг на друга и не на него, пошёл быстро, уже не смотря по сторонам и не оборачиваясь. Скоро он подошёл к едва заметной среди окружающих её кустов поляне. Подойдя к ней совсем близко, Борис Николаевич увидел дымок от костра, очевидно разведённого

кем-то на поляне, и хотел повернуть обратно. Но полная тишина привлекла его любопытство: Дубровский остановился в раздумье и всё-таки раздвинул кусты, сделал шаг вперёд и очутился на пустом открытом месте. Прямо перед ним почти бесшумно горел костёр. Дубровскому показалось вдруг, что он не один здесь, и он оглянулся, ожидая увидеть кого-то.

И он увидел лежащего справа от него егеря. Егерь лежал на боку, и его разорванный живот резко выделялся, не гармонируя с окружающей травой и опавшими листьями. Рядом, прислонённое к сосне, стояло ружьё.

Дубровский подошёл к егерю и присел рядом с ним на корточки. Казалось, что егерь сейчас шевельнётся и скажет что-нибудь; казалось, он сейчас вздохнёт и ляжет удобнее, – и тогда... Дубровский испуганно отшатнулся, но тотчас же устыдился самого себя и, рассеянно глядя на огонь спокойно горевшего костра, подумал: «Кто же это? Я его никогда не видел, наверное, нездешний...» И, повинувшись внезапно охватившему любопытству, Борис Николаевич расстегнул куртку егеря и сунул руку в её внутренний карман. Там ничего не было. Тогда Дубровский перевернул егеря на спину и отвернул другую сторону его куртки. В этом кармане, это сразу было видно, что-то лежало.

«Ну! Конечно, – подумал Дубровский, – кто же носит документы в правом кармане? Хотя... Да нет, он не левша.»

Дубровский вынул из кармана убитого бумажник и расстегнул его. Внутри лежал партбилет егеря С. и письмо, которое он, очевидно, хотел, но не успел отправить. Дубровский закрыл бумажник и положил его себе в карман. Потом посмотрел на лицо убитого, оно было совсем спокойно, и мёртвые глаза смотрели теперь прямо в небо. Борис Николаевич отвернулся и увидел почти у себя под ногами гриб. Он достал нож, аккуратно срезал гриб и положил его в корзину. Потом он встал и увидел сразу ещё несколько грибов. Дубровский потёр затёкшие колени и пошёл к ним; по дороге он заметил ещё грибы... Скоро его корзина наполнилась.

Прикрыв корзину листьями, сорванными здесь же, Дубровский отправился разыскивать спутников. Спустя некоторое время он нашёл их, сидящих на стволе поваленного дерева почти на опушке леса.

– Ну как? – крикнул Пётр, первым увидевший выходящего из-за деревьев Дубровского.

Тот в ответ молча показал ему свою корзину.

– Ого! У тебя был удачный день, – сказал Пётр.

Борис Николаевич криво усмехнулся, а Лариса, торопясь сказала:

– А мы почти ничего не нашли... – но тут же запнулась, посмотрев в недовольные глаза брата.

Пётр сплюнул себе под ноги, встал и потянулся.

– Пойдёмте, что ли? – сказал он.

Все трое пошли из леса.

Дойдя до околицы в молчании, они остановились.

Борис Николаевич выжидающе посмотрел на Ларису.

Лариса с минуту смотрела себе под ноги, а потом, словно вдруг решившись, сказала:

– Слушай! Я к тебе сегодня не приду, а? У тебя такой вид, что сразу ясно: придёшь домой – и будешь чем-нибудь заниматься... какими-нибудь... делами...

Дубровский вспыхнул, и буркнув только: «Хорошо!» – почти бегом пошёл прочь.

Глава третья

Борис Николаевич сел за стол и задумался. Перед ним лежало письмо.

«Что мне с этим делать? – подумал он. – Что мне с этим делать?» – повторил он про себя, распечатывая конверт.

Письмо егеря обращено было к сестре. «Вера, ты помнишь...» – начиналось оно. Прочтя письмо, Дубровский растрогался, вспомнил свою сестру и пожалел о том, что сейчас они живут не вместе, – детская дружба и родственные связи их перешли в бытовые привычки, – о том, что сейчас, пожалуй, он не сможет ни в чём-либо признаться Ларисе, ни о чём-либо рассказать ей... «Если бы Вера была моей сестрой!..» Он взял лист чистой бумаги и написал: «Дорогая Вера! Очень жаль огорчать тебя, но мы, наверное, увидимся не скоро: я остановился в глухом селе и думаю прожить здесь месяца два-три...». Дубровский просил Веру написать ему на адрес Дубровского, у которого он остановился, и подписался: «С.» Он пробежал письмо глазами и вдруг вздрогнул, придвинул к себе письмо егеря и удивился снова: почерки были совершенно одинаковы, стилистика – та же. Какое письмо писал егерь, а какое от его имени – я? Оба письма были совершенно одинаковы. «Что я делаю? – спросил себя Дубровский. – Надо отослать письмо... Но какое? Настоящее – распечатано. Приписать, что С. погиб и... Но кто сделал эту приписку? Егерь? Я? Или... Вера не поверит, решит, что это шутка... Просить ещё кого-нибудь? Но тогда придётся долго объясняться, да и Вера... Нет, я не могу нанести ей такой удар! Может быть, написать, что я заболел? Стоп! Кто я? С. или Дубровский? Хорошо, пусть просто я. В конце концов, я сам знаю, что подпись С. сделана мной, а не егерем... Но так огорчить Веру... Нет, конечно, ей надо написать, что я остановился у Дубровского... Опять «я»! Но всё-таки надо решиться на что-нибудь: или исподволь заставить её забыть егеря, или сразу нанести ей жестокий удар. Не, нет! Конечно, лучше отослать ей письмо егеря. Но... Хорошо, пусть решает монета». – И Дубровский высоко подкинул пятак. Монета высоко подлетела и, тускло блеснув в вечернем свете, упала гербом вверх.

«Моё, моё письмо получит Вера!»

Глава шестая

Дубровский был рад письму Веры. «Хорошо бы увидеть её, – подумал он. – Да и надо написать ей ещё... А то она, наверное, скучает обо мне...»

И вдруг он испугался. «Как так обо мне? Ведь егерь – мёртв, а я – я не С., а Борис Николаевич Дубровский, – стал рассуждать он. – Егерь лежит на поляне, а я пользуюсь его именем, отношением Веры ко мне... Тьфу, опять «ко мне»... О, Боже!»

Дубровский накинул плащ и решил прогуляться. Медленно дошёл он до околицы и вышел на опушку леса. Ещё не сознавая, куда идёт, Борис Николаевич всё дальше уходил в лес. Вот то место, где он расстался в тот неудачный день с Ларисой и Петром и, помахав им палкой, отправился на свою поляну... Вот и тропа – еле заметная – тропа, ведущая туда. Дубровский пошёл по ней. Дойдя до кустарника, окружавшего поляну, он остановился и посмотрел вокруг. Всё было тихо, только поднималась лёгкая струйка от костра. Дубровский раздвинул кусты: посреди поляны тихо, почти бесшумно горел костёр. Дубровский со страхом повернул голову... Так и есть! Под кустами лежал С. и пристально смотрел мёртвыми глазами в небо. Ничего не изменилось... Ничего!

Ноги Дубровского подкосились, и он чуть не упал замертво рядом с егерем. Но, собрав все свои силы, с трудом удержался и кинулся бежать. Ему казалось, что егерь приподнимается там, сзади, на локте, и смотрит с недоброй усмешкой ему в спину. Дубровский, задыхаясь, бежал всё быстрее и очнулся только тогда, когда со всего маха налетел на Ларису и почти сбил её с ног.

– Лариса! – закричал он в отчаянии.

Лариса, улыбаясь, молчала.

Часть вторая. Мёртвые души

...Каждый день Виктора внезапно охватывала тишина... Он продолжал идти, если до этого шёл, сидеть или лежать, если сидел или лежал, но что-то внутри его менялось: он прислушивался. Ему казалось, что если он прислушается лучше, то сразу произойдёт всё необходимое, необходимое не для него, а для всего и вся сразу.

И, хотя тишина исчезала спустя несколько секунд после своего появления, Виктор всегда сохранял в себе способность к прислушиванию и поэтому всегда находился в ожидании.

Глава одиннадцатая. Смерть Виктора

Виктор снова, как год назад, поднимался по бесконечным лестницам огромного многоэтажного дома. На площадке четвёртого этажа он остановился, с трудом переводя дух.

Между пятым и шестым этажами он ещё раз остановился, почти совсем задыхаясь.

«Ляля и Лена в туалете», – всё ещё сообщала карандашная надпись на гладкой бежевой стене. Виктор тупо прочитал её два раза, чуть не по складам, и прикрыл ладонью глаза.

«Ещё девять лестничек, – сказал он сам себе, – и я приду...»

«Приди, приди в золотой чертог!» – ответил он же через минуту и заставил себя улыбнуться. Губы почти не слушались, горло хрипело и булькало кровью. Виктор хотел идти дальше, но не мог. Его затрясло от злобы. С перекошенным лицом он заставил себя выпрямиться, стал во фронт и, отпустив перила, почти бегом начал подниматься.

«Осталось три... две... одна лестничка, – считал он. – Так, одна... Двадцать три ступеньки, семнадцать ступенек, шесть... три... Всё!»

Виктор перегнулся через перила и посмотрел в гулкий пятиугольный пролёт. Плюнул вниз. Плевок, разматываясь на ходу, полетел вниз и повис на перилах где-то между третьим и четвёртым этажами.

Снизу пахло гнилой капустой и мочой. Сквозь этот запах с трудом пробивался терпкий дух свежих пирогов из квартиры предпоследнего этажа.

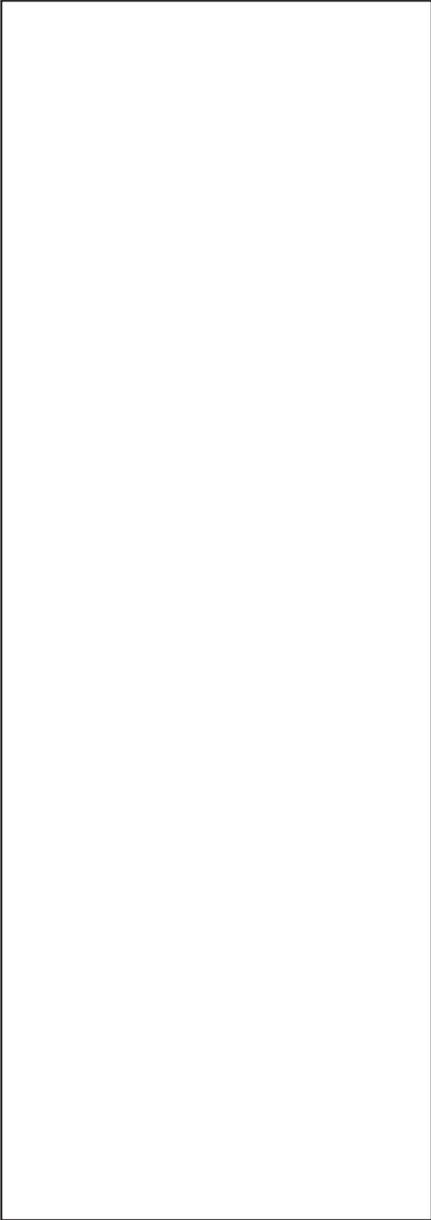
Виктор ещё ниже нагнулся в пролёт. Он попытался подумать о Вере, но не смог даже вспомнить ничего приличного случаю. Вместо Веры перед Виктором замаячил самодовольно улыбающийся Василий Леонидович, потом Пр***. Виктор подумал ещё о том, что сейчас все двери квартир распахнутся, и хозяйки, оторванные от плит или мужей, поспешат вниз по лестнице.

«Интересно: какое у меня будет лицо?» – улыбнулся Виктор.

Он достал карманные часы, щёлкнул крышкой. Равномерно тикая, часы объявили четверть третьего. Виктор аккуратно отстегнул их от цепочки, приподнял над пролётом и разжал кулак. Серебряной рыбой блеснули часы на лету. Секунду спустя раздался звонкий удар и дребезжанье разлетевшихся пружинок и колёсиков. Через секунду Виктор сам взмыл над пролётом...

.....

В полчетвёртого Виктор появился в Катценгофе. Он был бледнее обычного. Когда Р. спросил у него, который час – Виктор неестественно оживился и, размахивая руками, стал рассказывать ему и хохотавшему Пр***, как он чуть не попал час назад под машину и как от слишком резкого прыжка вылетели из кармана часы, отстегнулись от цепочки и упали прямо под колёса...

**Сэмюэль
БЕККЕТ**

**Последняя
запись
Крэппа**

**одноактная
пьеса**

«Последняя запись Крэппа» была впервые показана в Королевском придворном театре [Royal Court Theatre] в Лондоне 28 октября 1958 года. Её поставил Дональд Маквинни и сыграл Патрик Маги.

*Поздний вечер в будущем.
Конура Крэппа.*

*На переднем плане небольшой стол с двумя ящиками,
повёрнутый рабочей стороной к залу.
На краю стола, боком к зрителям, сидит измождённый
старик Крэпп.*

*Выгоревшие узкие чёрные брюки ему заметно коротки.
Соответствующий жилет с четырьмя вместительными
карманами. Тяжёлые серебряные часы на цепочке. Замыз-
ганная белая рубашка, расстёгнутая на шее, воротничка
нет. Белые башмаки поражающего размера, очень узкие и
остроносые.*

*Белое лицо. Багровый нос. Лохматые седые волосы. Небрит.
Очень близорук, но без очков. Туг на ухо.
Резкий голос. Характерная интонация.*

Грузная походка.

*На столе магнитофон с микрофоном и куча картонных
коробок с плёнками.*

*Стол и небольшое пространство вокруг него ярко освеще-
ны. Вся остальная сцена в темноте.*

*Крэпп не шевелится, потом тяжело вздыхает, смотрит
на часы, шарит по карманам, достаёт конверт, кладёт
его назад, снова шарит, достаёт небольшую связку ключ-
чей, подносит её к глазам, выбирает ключ и встаёт. Об-
ходит стол, склоняется над ним, отпирает первый ящик,
всматривается в него, шарит в нём руками, вынимает ка-
тушку с плёнкой, разглядывает её, потом кладёт обратно
и запирает ящик; отпирает второй, всматривается
в него, шарит, достаёт большой банан, разглядывает его,
запирает ящик, кладёт ключи в карман. Поворачивается,
выходит на край сцены, останавливается, поглаживает
банан, потом чистит, роняя кожуру к ногам, кладёт очи-
щенный банан в рот и застывает, рассеянно глядя перед
собой. Наконец откусывает, отворачивается, принима-
ется ходить взад и вперёд по освещённому пространству
(т.е. четыре-пять шагов в каждую сторону), задумчиво
жуя банан. Наступает на кожуру, поскользывается, чуть
не падает, но восстанавливает равновесие, наклоняет-
ся, всматривается в кожуру и, ещё сильнее наклоняясь,
сталкивает её со сцены. Снова начинает прохаживать-*

ся, доканчивает банан, возвращается к столу, садится, мгновение сидит неподвижно, потом тяжело вздыхает, вынимает из кармана ключи, подносит их к глазам, выбирает ключ, встаёт, обходит стол, наклоняется, отпирая второй ящик, достаёт другой банан, всматривается в него, запирает ящик, прячет ключи, поворачивается, выходит к краю сцены, останавливается, поглаживает банан, чистит его, сбрасывая кожуру со сцены, съёт банан в рот и застывает, рассеянно глядя перед собой. Наконец, встрепенувшись, кладёт банан в жилетный карман (конец банана высовывается оттуда) и торопливо удаляется в затемнённую глубину сцены. Десять секунд. Громкий хлопок пробки. Пятнадцать секунд. Возвращается на освещённое со старым гроссбухом в руках, садится на стол. Кладёт книгу на стол, вытирает руки о жилет, потом разминает их.

Крэпп

(оживлённо). Ага! (склоняется над книгой, листает, ищет нужную запись, читает). Коробка... третья... лента... пятая. (поднимает голову и напряжённо смотрит вперёд. С чувством). Лента! (Пауза). Лееенточка! (радостная улыбка. Пауза. Согнувшись над столом, начинает разглядывать и перебирать коробки). Коробка... трри... трри... четыре... два... (удивлённо) девять! Боже милостивый!.. семь... а! маленькая мошенница! (Поднимает коробку, разглядывает её). Коробка трри. (Кладёт её на стол, открывает, всматривается в ленты). Лента... (всматривается в гроссбух) ...пять... (разглядывает ленты) ...пять... ..пять... а! маленькая мошенница! (Вынимает ленту, всматривается в неё). Лента пять. (Кладёт её на стол, закрывает коробку номер три, ставит её к другим, поднимает ленту). Коробка трри, лента пять. (Склоняется над магнитофоном, поднимает глаза. С чувством). Лееенточка! (Радостная улыбка. Нагибается, заправляет ленту в магнитофон, потирает руки). Ага! (Всматривается в гроссбух, читает запись на открытой странице). Мать, наконец-то на покое... Хм... Чёрный мячик... (Поднимает голову и напряжённо смотрит перед собой. Озадаченно). Чёрный мячик?.. (Снова всматривается в гроссбух, читает). Тёмная нянька... (Поднимает голову, задумывается, снова всматривается в гроссбух, читает). Лёгкое улучшение пищеварения... Хм... Памятное... что? (Всматривается пристальнее). Равноденствие. Памятное

равноденствие. *(Поднимает голову, напряжённо смотрит перед собой. Недоумённо).* Памятное равноденствие?.. *(Пауза. Пожимает плечами, снова всматривается в грессбух, читает).* Хватит – *(переворачивая страницу)* – любви.

Поднимает голову, задумывается, склоняется над магнитофоном, включает и принимает позу для слушания: наклоняется вперёд, опершись локтями о стол, рука приставлена к уху, обращённому к магнитофону, смотрит вперёд.

Запись

(сильный голос, слегка напыщенный, это несомненно Крэпп, но много моложе). Сегодня мне тридцать девять, вполне... *(Устраиваясь поудобнее, Крэпп роняет со стола одну из коробок, ругается, выключает магнитофон, раздражённо смахивает остальные коробки и грессбух на пол, перематывает плёнку назад, включает и принимает прежнюю позу).* Сегодня мне тридцать девять, вполне здоров, если не считать старческой слабости, и моя интеллектуальность, я имею все основания так полагать, на... *(колеблется)* на гребне волны – или около того. Праздновал сие замечательное событие, как и в прошлые годы, тихо, в кабачке. Ни души. Сидел перед камином, прикрыв глаза, отделяя зёрна от плевел. Черкнул на обороте конверта несколько заметок. Хорошо возвращаться в свою конуру, в своё старое тряпье. Только что съел, сообщаю об этом с прискорбием, три банана и с большим трудом отказался от четвёртого. Пагубная вещь для человека в моём положении. *(Страстно).* Хватит об этом! *(Пауза).* Новое освещение над моим столом много лучше. Со всей этой темнотой вокруг я чувствую себя менее одиноким. *(Пауза).* В пути. *(Пауза).* Я люблю вставать, погружаться в темноту, а потом возвращаться снова сюда, к... *(колеблется)* ...к себе самому. *(Пауза).* Крэппу.

Пауза.

Единственное зерно... Любопытно, что я хотел этим сказать?.. я имею в виду... *(колеблется)* ...я полагаю... я имею в виду то, что будет чего-то стоить, когда весь этот прах... когда весь мой прах развеется. Я закрываю глаза и пытаюсь себе это представить.

Пауза. Крэпп зажмуривается.

Сегодня необычайно тихий вечер; я напрягаю слух и всё равно не слышу ни звука. Старая мисс Макглом всегда поёт в этот час. Но не сегодня. Песни её юности, говорит она. Трудно представить её девушкой. Удивительная, тем не менее, женщина. Я считаю, пребеспольнейшая. *(Пауза)*. Буду ли я петь в её возрасте, если, конечно, доживу? Нет. *(Пауза)*. Пел ли я в детстве? Нет. *(Пауза)*. Вообще когда-нибудь пел? Нет.

Пауза.

Прослушал только что старый год, отрывки наугад. В книге я его не отметил, но это, должно быть, десять или двенадцать лет назад по крайней мере. В то время я, кажется, жил и всё ещё с Бьянкой на Кедар-стрит. Слава Богу, с этим покончено! Безнадёжное дело. *(Пауза)*. Не стоит много о ней говорить, разве что воздать должное её глазам. Очень тёплые. Я вдруг увидел их снова. *(Пауза)*. Невероятно! *(Пауза)*. Ладно, хватит... *(Пауза)*. Эти старые записи на конвертах отвратительны, но часто нужны *(Крэпп выключает магнитофон, задумывается, снова включает)*, они помогают мне вступить в новое... *(колеблется)* ...прошлое. Трудно поверить, что я был когда-то этим юным щенком. Голос! Господи! А стремления! *(Короткий смехок, к которому присоединяется Крэпп)*. А решения! *(Короткий смехок, к которому присоединяется Крэпп)*. Меньше пить, например. *(Короткий смехок одного Крэппа)*. Вот статистика. Семнадцать сотен часов из восьми тысяч с лишним растрочены на кабаки. Больше 20%, да нет, 40% его пробуждающейся жизни. *(Пауза)*. Намеивается уделять меньше времени... *(колеблется)* ...сексуальной жизни. Последняя болезнь отца. Утихающие поиски счастья. Недостигаемая слабость. Насмешки над тем, что он называет своей юностью, – и слава Богу, что она прошла. *(Пауза)*. Там это звучит фальшиво. *(Пауза)*. Тени opus... magnum. Кончая... *(короткий смехок)* ...с нытьём на Провидение. *(Продолжительный смех, к которому присоединяется Крэпп)*. Что остаётся от всей этой нищеты? Девушка в поношенном зелёном пальто на железнодорожной платформе? Нет?

Пауза.

Когда я оглядываюсь...

Крэпп выключает магнитофон, размышляет, смотрит на часы, встаёт, уходит в тёмную глубину сцены. Десять секунд. Хлопок пробки. Ещё десять секунд. Вторая пробка. Ещё десять секунд. Третья пробка. Ещё десять секунд. Внезапно дрожащим голосом запекает.

Крэпп

(поёт).

*День уже окончен,
Ночь совсем бли-из-ка.
Крэдучись...*

Приступ кашля. Возвращается на освещённое место, садится, вытирает рот, включает магнитофон, принимает прежнюю позу.

Запись

...на прошедший год, когда я надеялся, что сознание заблестит в старых глазах, там, разумеется, в доме на канале, где осенью лежала умирающая мать, долго, словно ткачиха¹ (Крэпп вздрагивает), и эта... (Крэпп выключает магнитофон, отматывает плёнку чуть-чуть назад, приставляет ухо к магнитофону, включает) ... мать, долго, словно ткачиха и эта...

Крэпп выключает магнитофон, поднимает голову, тупо смотрит перед собой. Его губы шевелятся, произнося слово «ткачиха». Молчание. Он встаёт, уходит вглубь сцены, в темноту, возвращается с огромным словарём, кладёт его на стол, садится и смотрит слово.

Крэпп

(читает по словарю). Состояние... или условие... существования... или оставшись – вдовой... или вдовцом. (Поднимает глаза. Озадаченно). Существование – или оставшись?.. (Пауза. Снова всматривается в словарь, читает). Глубокий траур... Также у животных, особенно птиц... ткачиковые... Чёрное оперение самца... (Поднимает глаза. С чувством). Ткачик!

¹ ...словно ткачиха... – В оригинале: «в долгом вдовстве»; «вдовстве» – англинизированная латынь. Вдовой (вдовушкой) по-латыни же именуется и птица ткачик... (Примечание переводчика).

Пауза. Закрывает словарь, включает магнитофон, принимает позу для слушания.

Запись

...скамья на дамбе, откуда я мог смотреть на её окно. Там я сидел на пронизывающем ветру, мечтая, чтобы она поскорее вышла. *(Пауза)*. Почти ни души, только несколько монахов, нянек, младенцев, стариков, собак; я различал их неплохо – о, по внешнему виду, разумеется! Одна хорошенькая брюнетка, вся в белом и крахмальном, с бесподобной грудью и большой чёрной детской коляской с навесом – жуткая вещь. Всякий раз, когда я поглядывал в её сторону, она смотрела на меня. А когда я стал настолько дерзок, что даже заговорил с ней – не будучи ей представленным, – она пригрозила позвать полицейского. Как будто я покушался на её невинность! *(Смех. Пауза)*. Какое у ней было лицо! А глаза! Как... *(колеблется)* ...хризолит! *(Пауза)*. Ну да ладно... Я был там, когда... *(Крэпп выключает магнитофон, задумывается, включает снова)* ...упала штора, такая коричневая, скатанная в рулон, и, как нарочно, попала по мячу маленькой белой собачки. Я случайно поднял глаза и увидел, как он катится, прямо ко мне. Несколько мгновений я сидел с мячом в руке, а собака лаяла и скребла меня лапой. *(Пауза)*. Мгновений. Её мгновений, моих мгновений. *(Пауза)*. Собачьих мгновений. *(Пауза)*. Наконец я протянул ей мяч, и она взяла его зубами, нежно-нежно. Маленький, старый, чёрный, крепкий, плотный резиновый мячик. *(Пауза)*. Я буду чувствовать его в своей руке до самого смертного часа. *(Пауза)*. Я мог бы оставить его себе. *(Пауза)*. Но я отдал его собаке.

Пауза.

Ну да ладно...

Пауза.

Год полного духовного мрака и нужды, до той самой мартовской ночи на краю дамбы, незабываемой ночи на пронизывающем ветру, когда я вдруг увидел всё разом. Это оно, прозрение. Это, я думаю, то главное, что я хотел записать сегодня, то, что останется, когда придёт последний день моего труда, когда, может быть, в памяти моей не

будет больше места ни для тепла, ни для холода, для чуда, которое... *(колеблется)* ...для ослепительного огня. То, что я вдруг увидел тогда, я понял, что вера, которую я всю жизнь пестовал, то есть... *(Крэпп раздражённо останавливает запись, прокручивает плёнку вперёд, включает снова)*. ...грозные гранитные скалы, пена, взлетающая в свете маяка, и анемометр, вертящийся как пропеллер, наглядно, наконец-то, объяснили мне, что та тьма, которую я всегда пытался подчинить себе, и есть на самом деле самое большое для меня... *(Крэпп ругается, прокручивает плёнку вперёд, включает снова)*. ...неразрывное соединение, пока я не отделил бурю и ночь от света познания и огня... *(Крэпп ругается громче, прокручивает плёнку вперёд, включает снова)*. ...голову ей на грудь, потом руку. Так мы лежали неподвижно. Но под нами всё двигалось и покачивало нас, нежно, вверх и вниз и из стороны в сторону.

Пауза.

Полночь. Никогда не знал такой тишины. Земля кажется необитаемой.

Пауза.

Запись

за...

Крэпп выключает магнитофон, отматывает плёнку назад, включает снова.

...к верховьям озера на лодке, около берега, потом вывели её на середину и поплыли по течению. Она лежала, вытянувшись и положив руки под голову, глаза её были закрыты. Спящее солнце, еле заметный ветерок, вода приятная и оживлённая. Я заметил царапину на её бедре и спросил, откуда она. «Собирая крыжовник», сказала она. Потом я сказал: «Я думаю, что все это безнадежно и продолжать не стоит»; не открывая глаз, она согласилась. *(Пауза)*. Я попросил её посмотреть на меня, и через несколько мгновений... *(Пауза)* ...через несколько мгновений она повиновалась, но её глаза лишь слегка приотворились, из-за спящего света. Я нагнулся над ней, чтобы заслонить солнце, и они открылись. *(Пауза. Тихо)*. Впустили меня. *(Пауза)*. Течение вынесло нас на мель, и мы остановились. Волны, вздыхая, опалили

у бортов! (Пауза). Я лёг на неё сверху, наискосок, и положил голову ей на грудь, потом руку. Так мы лежали неподвижно. Но под нами всё двигалось и покачивало нас, нежно, вверх и вниз и из стороны в сторону.

Пауза.

Полночь. Никогда не знал...

Крэпп выключает магнитофон, задумывается. Наконец начинает шарить в карманах, обнаруживает банан, вынимает, всматривается в него, кладёт обратно, нащупывает конверт, вытаскивает, кладёт назад, смотрит на часы, встаёт и идёт вглубь сцены, в темноту. Десять секунд. Слышны звуки бутылки и стакана, потом коротко – сифона. Десять секунд. Только бутылка и стакан. Десять секунд. Возвращается, слегка пошатываясь, на свет, подходит к столу, достаёт ключи, подносит к глазам, выбирает ключ, отпирает первый ящик, всматривается в него, шарит, вынимает катушку плёнки, разглядывает её, запирает ящик, убирает ключи в карман, садится на стол, меняет в магнитофоне плёнку, вынимает из кармана конверт, размышляет, кладёт его на стол, включает магнитофон, прочищает горло и начинает запись.

Крэпп

Только что слушал этого тупого ублюдка, каким был тридцать лет назад: трудно поверить, что когда-то я был таким ничтожеством. Слава Богу, что всё это, так или иначе, позади. (Пауза). Её глаза! (Задумывается, потом замечает что записывает молчание, выключает магнитофон, размышляет; наконец): Всё там, всё, весь... (Замечает, что магнитофон выключен, включает). Всё там, всё на этом старом дерьмовом шаре, эти свет и тьма, и голод, и наслаждения... (колеблется) ...веками! (Вскрикивает). Да! (Пауза). Пропади оно пропадом! Господи! Да избавь его мозги от суеты! Господи! (Пауза. Устало). Ну ладно, может, он был прав. (Пауза). Может, он был прав. (Задумывается. Спохватывается. Выключает запись. Разглядывает конверт). Тьфу! (Рвёт его и выбрасывает. Размышляет. Включает запись). Ничего не скажешь – и сказать-то нечего. Что теперь за год? Кислая жвачка да запоры. (Пауза). Насладился словесной ленточкой. (С чувством). Лееенточкой! Самый счастливый миг за

последние полмиллиона лет. *(Пауза)*. Продано семнадцать экземпляров, из них одиннадцать со скидкой – независимым заморским библиотекам. Приобретение известности. *(Пауза)*. Один фунт шесть с чем-то шиллингов, или восемь? – трудно сказать. *(Пауза)*. Летом, пару раз выползал, пока было прохладно. Посидел, ёжась, в парке, задремал было и поспешил домой. Ни души. *(Пауза)*. Последние фантазии. *(Страстно)*. Подчинять их! *(Пауза)*. Жжёт глаза – снова читаю «Эффи»¹, по странице в день, и всякий раз со слезами. Эффи... *(Пауза)*. Мог бы быть счастливым с нею, там, на Балтике, среди сосен и дюн. *(Пауза)*. Мог бы – я? *(Пауза)*. И она? *(Пауза)*. Тьфу! *(Пауза)*. Фанни согласилась на связь вовремя. Старая костлявая тень потаскухи. Мог я не очень много, но, полагаю, это лучше пинка под зад. Последнее время удавалась не так уж плохо. «Как это ты умудряешься, – спросила она, в твоём-то возрасте?» Я сказал, что хранил себя для неё всю свою жизнь. *(Пауза)*. Пошёл как-то раз к вечерне, словно я ещё в коротких штанишках. *(Пауза. Поёт)*.

День уже окончен,
Ночь совсем бли-из-ка.
Крэдучись...
(кашляя, потом еле слышно)
...вечера тени
Чертят облака.

(Тяжело дыша). Собрался подремать и очутился на церковной скамье. *(Пауза)*. Иногда по ночам думал, не последняя ли это выпивка? *(Пауза)*. Всё, пьёшь последний раз и марш в постель. Продолжай свою болтовню утром. Или хватит её. *(Пауза)*. Хватит. *(Пауза)*. Лежи, окружённый со всех сторон темнотой, и представляй. Снова окажись Рождественской ночью в овраге, собирая остролист, краснаягодник. *(Пауза)*. Снова окажись в Крогене воскресным утром, стой в тумане с собакой и слушай колокола. *(Пауза)*. И так далее. *(Пауза)*. Снова. Снова. *(Пауза)*. Все эти старые несчастья. *(Пауза)*. Одного раза тебе не хватило. *(Пауза)*. Лечь на неё сверху, наискосок.

¹ ...Снова читаю «Эффи»... – имеется в виду популярный роман Теодора Фонтане (1819-1898) «Эффи Брист» (1895), переведённый на мн. языки. *(Примечание переводчика)*.

Длинная пауза. Внезапно он выключает запись, выхватывает из магнитофона плёнку, отбрасывает её, вставляет другую, прокручивает до нужного места, включает и слушает, напряжённо смотря перед собой.

Запись

«...крыжовник», сказала она. Потом я сказал: «Я думаю, что всё это безнадежно и продолжать не стоит»; не открывая глаз, она согласилась. *(Пауза)*. Я попросил её посмотреть на меня, и через несколько мгновений... *(Пауза)*. ...через несколько мгновений она повиновалась, но её глаза лишь слегка приотворились, из-за слепящего света. Я нагнулся над ней, чтобы заслонить солнце, и они открылись. *(Пауза. Тихо)*. Впустили меня. *(Пауза)*. Течение вынесло нас на мель, и мы остановились. Волны, вздыхая, опадали у бортов! *(Пауза)*. Я лёг на неё сверху, наискосок, и положил голову ей на грудь, потом руку. Так мы лежали неподвижно. Но под нами всё двигалось и покачивало нас, нежно, вверх и вниз и из стороны в сторону.

Пауза. Крэпп шевелит губами. Ни звука.

Полночь. Никогда не знал такой тишины. Земля кажется необитаемой.

Пауза.

Запись заканчиваю. Коробка... *(Пауза)*. ...три, лента... *(Пауза)*. пять. *(Пауза)*. ...Возможно, лучшие мои годы ушли. Когда ещё была возможность счастья. Но я не хотел бы их вернуть. Нет во мне больше огня. Нет, я не хотел бы вернуть их.

Крэпп неподвижно смотрит перед собой. Плёнка движется в тишине.

Занавес

Январь 1973; 1986

Беккет

... Брат, что толку от похода?
Меня не пустит к мытарствам сейчас
Господня птица...

Данте

Поднялся, отряхнулся, вспомнил
из Беккета и подумал о себе в третьем
лице.

Л. Богданов

...душа моя рванулась к нему, не
оставляя за собой уже ничего...

Сэмюэль Беккет

22 декабря на 84-м году жизни скончался Беккет. Умер последней величайший писатель XX века.

Теперь и он, и тот англичанин, и тот флорентиец, и наш (Богданов) – вместе уже навсегда.

Больше мне сказать нечего.

<5.02.1990>

Содержание

Предисловие (<i>Илья Кукуй</i>)	5
Curriculum vitae	9
Пятая проза	11
1. Где это	12
2. Что это (было)	17
Переводы	21
Красный шар (<i>Пауль Клее</i>)	22
Удивительно (<i>Вольфганг Борхерт</i>)	23
Из книги «Наблюдения» (<i>Франц Кафка</i>)	24
Маленькая басня (<i>Франц Кафка</i>)	24
Афоризмы. Записи из «Восьми маленьких тетрадей» (<i>Франц Кафка</i>)	25
Ошибка (<i>Франц Кафка</i>)	26
Виктор Р. Вчера, послезавтра и послезавтра (роман)	27
Из интервью: Вместо послесловия	121
В поисках за утраченным Хейфом (документальная повесть)	125
Разъяснения к документальной повести	
«В поисках за утраченным Хейфом»	193
Малая проза	197
Наступление холодов	199
Про то, как Коля Николаев в каше сидел	200
Гишторические наблюдения	205
Гибель сливочного мороженого	207
8 июля (<i>Автобиографическая повесть</i>)	208
Рассказ о газе	210
Три пьесы в стиле поп-арт	210
Послеобеденное приключение	210
Кроп	211
Тимирязев и его бегемот	211
Обуздать бздунов и обманщиков!	212
Der Leidkunsler (<i>Записки неизвестного</i>)	212
Бикарбонат Римский	217
Миша в Зоосаде	218
Август 1914-го (<i>Литературный сценарий</i>)	220
Ирония судьбы	221

После шестого урока	222
Судьба атеиста Сысоева	225
В гостях	226
Приусадебный участок	227
Писатель у себя дома	229
Простая повесть.....	232
Приключение.....	233
В январе прошлого года.....	234
Mironoff und seine Würsten (<i>Эпиграммы на Миронова</i>)	235
«Охота» (Заповедник) (<i>Главы из неоконченного романа</i>).....	241
Последняя запись Крэппа (<i>одноактная пьеса</i>) (<i>Сэмюэль Беккет</i>)	249
Беккет	261

Литературно-художественное издание

Владимир Эрль
Собрание проз

Составители:

Владимир Эрль

Светлана Кузнецова

Илья Кукуй

Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»
Подписано в печать 20.07.2021
Формат 60x84/16. Усл.-печ. л. 16,04

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ СОБРАНИЕ ПРОЗ

серия • seria •